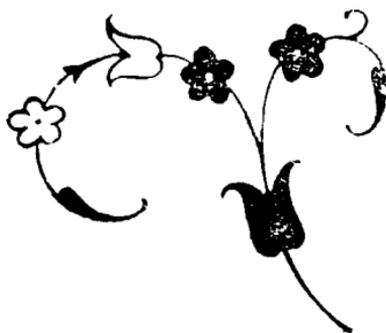

МУЗЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. АЛИШЕРА НАВОИ
АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

М. КАДЫРОВА

НАДИРА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Издательство «Фан» Узбекской ССР
Ташкент—1967

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена жизни и творчеству Надиры — замечательной узбекской поэтессы первой половины XIX в. В отдельных главах рассматриваются жизненный и творческий путь Надиры, вопросы, связанные с изучением творческого наследия поэтессы, а также проблема отношения ее творчества к классической узбекской поэзии и к литературе последующего времени. К монографии приложены переводы стихов Надиры.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей узбекской литературы.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
доцент *С. Н. ИВАНОВ*

От редактора

За последние годы узбекское литературоведение сделало заметные успехи: появились монографические работы, посвященные отдельным периодам и этапам развития узбекской литературы, очерки жизни и творчества крупных ее представителей, текстологические изыскания и публикации, изданы произведения классиков узбекской поэзии.

Книга, лежащая перед читателем, посвящена творчеству Надиры — узбекской поэтессы первой половины прошлого века и написана Махбубой Кадыровой — литературоведом, уже заявившим о себе несколькими книгами. Настоящий очерк жизни и творчества Надиры — первая книга М. Кадыровой на русском языке.

Творчество Надиры — яркое и своеобразное явление узбекской литературы. Не говоря уже о том, что во всей мировой литературе женщин-поэтесс не так уж много, нужно признать, что творчество поэтически одаренной женщины, создававшей свои произведения в тех особых условиях, которые характерны для жизни женщин так называемого мусульманского Востока, представляет немалый интерес. И если факт существования женщины-поэтессы в узбекской литературе в прошлом веке примечателен сам по себе, то обращение к ее творчеству и ознакомление с ним сторицей вознаграждают читателя за его пытливість, и ему открываются замечательные богатства талантливого и чуткого женского сердца. Трепетность и обилие света отличают поэтический мир Надиры.

Надира — поэт двуязычный: ее лирические стихи на узбекском и таджикском языках — прямое продолжение традиций великих поэтов прошлых времен, и прежде все-

История узбекской литературы необычайно богата красочными страницами, воспроизводящими голоса веков и времен. Имена Лутфи и Навои, Фурката и Мукими, Надиры и Увайси и многих других подлинно народных гениев вписаны в эти страницы золотыми буквами. Каждая строка их пламенных стихов волнует сердца миллионов людей. Давайте, дорогой читатель, вместе с вами познакомимся поближе с жизнью и творчеством замечательной поэтессы Надиры, жившей задолго до Великой Октябрьской социалистической революции — в начале прошлого века.

Это было время, когда печальный стон народа наполнял узбекские земли, возвещая о горестях и несчастьях. В узбекской литературе конца XVIII и первой половины XIX века, выразившей передовые устремления того периода, усилились демократические тенденции. Представители этой литературы Турды, Махмур, Гульхани, Мунис, Машраб, Агахи выражали в своих произведениях прогрессивные идеи своего времени, вели непримиримую борьбу с социальной несправедливостью, бесправием, невежеством и темнотой.

Одним из видных представителей литературы этого периода была талантливая поэтесса Надира. В ее стихах звучал голос протеста против тирании и несправедливости, против жестокостей судьбы.

دوران زبون و يارستمکار و بخت دون
 ديگر کجا رسد هوس فکر خام ما
 جان ميکنيم و بوي مرادی نميرسد
 يك بار هم نگشت فلک بر مرام ما

مکنونه خاک بر سر دوران و عیش او
خون شد نصیب ساقی قسمت بجام ما²

Времена ничтожны, любимый жесток, счастье попрано,
Изменить это мы не в силах, устремления мысли нашей слабы.
Хоть мы и прилагаем усилия [к этому], но желания

неосуществимы,
А небо ни разу не было благосклонно к нашим желаниям.

О Макнуна*, пусть поглотит земля это время с его
празднествами и пиршествами,

Коль виночерпий судьбы наполнил наши чаши не вином,
а кровью,—

писала она.

Надира пела об истерзанном женском сердце, униженных порывах, растоптанных мечтах, неисполнившихся надеждах. Она порицала невежество, подлость, гнет, воспевала человеческое достоинство, верную дружбу, любовь к людям.

У поэтессы было три псевдонима, которыми она подписывала свои стихи: Надира, Камила, Макнуна. Она писала на узбекском и персидско-таджикском языках, продолжая традиции великих двуязычных поэтов прошлого. Творчество Надиры — большой вклад в развитие литературы и культурной жизни своего времени.

В литературных и исторических памятниках, относящихся к периоду жизни Надиры и к более позднему времени, можно найти свидетельства той важной роли, которую она играла в развитии просвещения и литературы своей эпохи. Современники с восхищением отзывались и о поэтической деятельности Надиры. Однако сведения о Надире, содержащиеся в различных источниках, отрывочны, а подчас и противоречивы. Самыми лучшими и полными источниками сведений о Надире остаются

² Таджикский диван Надиры. Рукопись Института востоковедения им. Бируни АН УзССР, инв. № 7766, л. 9 а, б.

В настоящей работе принято единообразное цитирование стихотворных примеров из классической литературы в арабском графическом начертании, даже в тех редких случаях, когда эти примеры заимствованы из изданий, напечатанных современной узбекской графикой

* М а к н у н а («Сокрытая») — один из поэтических псевдонимов (т. н. «тахаллус») Надиры.

до сих пор ее «диваны»* на узбекском и персидско-таджикском языках и предисловия к ним.

В предисловии к узбекскому дивану Надира сообщает автобиографические сведения, говорит о своей творческой деятельности, о предпринятых ею начинаниях для развития литературы, науки и просвещения. В этот диван вошли также воспоминания современников Надиры, бывших очевидцами ее деятельности и усилий, направленных на развитие культуры. Среди них очень интересны воспоминания Абдунаби Хатифа о юных годах Надиры, о ее пути к вершинам поэтического мастерства, о создании ею диванов, о творчестве круга поэтов и поэтесс, группировавшихся вокруг Надиры, о политической, общественной и литературной деятельности поэтессы.

Среди своих современников — поэтов и ученых — Надира пользовалась большим уважением. Анонимный автор во введении к ее персидско-таджикскому дивану писал о поэтессе:

اساس عزت و فضل و شرف مرهون بنيادش
سراپ^{3a} معنی لطيف نکويی بوده ايجادش^{3b}
سپهری تراهی که از فضل و کمالش با خبر باشی
تأمل ساز بر مضمون شعر طبعه آزاد³

Она полна чести, достоинств и славы,
И все творчество ее от начала до конца —
изящество и доброта.
Коль хочешь узнать о ее достоинствах
и совершенстве,
Вчитайся в содержание ее вольнолюбивых стихов.

Одним из исторических произведений, сообщающих сведения о биографии Надиры, является книга «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), написанная воспитанником поэтессы историком Хаким-ханом Турой. В одном из таджикских списков этого сочинения (1843 г.) и в переведенном с него с некоторыми сокращениями на узбекский язык экземпляре имеется глава об истории Кокандского ханства⁴, где содержатся крат-

* Диван (перс.-тадж.) — сборник стихотворений.

³ Диван Макнуны. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 7766, л. 3.

⁴ Хаким-хан Тура. «Мунтахаб ут-таворих», рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 594, лл. 61 и 253—254.

кие, но очень важные сведения о поэтессе — об ее юности, жизни, государственной деятельности и трагической кончине.

Примечательны также сведения, содержащиеся в произведении «Хафт гулшан» («Семь цветников»), которое написано в 1825 году современником Надиры поэтом Надиром. В упомянутом дастане (поэме) Нади́ра «Хафт гулшан», имеющем дидактико-воспитательное значение, трактовались важнейшие вопросы той эпохи, прославлялись идеи справедливости, народности, возвышались лучшие человеческие достоинства. Надир посвятил этот труд Нади́ре — покровительнице литературы и науки. Он описывает ее щедрость, доброту, отзывчивость к людям литературы и искусства, мудрость и проницательность в делах управления государством. Его похвалы порою неумеренны, но в его сочинении ценно то, что он сообщает много фактических данных, касающихся личности Надиры, ее жизни и творчества.

انينگدیک کیلمگای دهر ایچره
انینگ کونگلی سخاوات ایچره
اگر هر ایشنی اول ایتسا ار
کرم بابیده یوز ایردین زیاده⁵

В цветнике мира не найдется более женщин
таких редких качеств,
Она печется о сиротах и вдовах.

В любом деле, которое она вершит,
Она превосходит в благородстве сотню мужчин.

Примечательно, что Надир возвеличивает поэтессу Нади́ру не как члена царствующей фамилии, не как лицо, находящееся у кормила власти, а как поэтессу, воспевающую идеи народности, как мудрого государственного деятеля, окруженного достойными сподвижницами, верными помощницами и собеседницами.

В этом проявились прогрессивные устремления поэта, прославлявшего общечеловеческие качества и достоин-

⁵ Надир. «Хафт гулшан», рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1801.

ства женщин, которые в мрачные времена феодального гнета в основной своей массе были забиты, принижены и угнетены.

Надира много занималась строительством медресе*, бань, торговых рядов и других общественных зданий, и эта деятельность поэтессы также отмечена Надиром:

ساليب بر مدرسه اول ماه آفاق
باشيني كو ككا يتكور كان ايكي طاق
انينگ هر كونگري بارغان فلك كا
بولوبان آشيان فوج ملك كا⁶

Заложила медресе та луноликая [повелительница] стран,
Главами достигли небес два купола.

Прорези их обращены к небу,
И стали они пристанищем для сонма ангелов.

Некоторые детали биографии Надиры ~~содержатся~~ в поэтической новелле ее современницы поэтессы Джахан-атын Увайси, «Воқеоти Муҳаммад Али-хон»⁷ («События [жизни] Мухаммеда Али-хана»). В этом произведении, посвященном сыну Надиры, упоминается, что одним из псевдонимов Надиры было имя Макнуна («Сокрытая»).

В книге Мутриба «Шоҳномаи девона Мутриб» («Книга царей юродивого Мутриба»)⁸, написанной после 1842 года, поэт с глубокой любовью, очень проникновенно изобразил Надиру, сочувственно отзывался о ее политической деятельности. В этом произведении большое место отведено также описанию убийства поэтессы и ее сыновей кровавым палачом — бухарским эмиром Насруллоь.

* Медресе — учебное заведение, готовившее богословов, знатоков права и настоятелей мечетей.

⁶ Надир. «Ҳафт гулшан», рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1801, л. 7.

⁷ Диван Увайси. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1837, ол. 213.

⁸ Мутриб. «Шоҳномаи девона Мутриб», рукопись Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, инв.

№ $\frac{5}{2412}$.

В произведении Мирзы Алима Мушрифа «Ансоб ус-салотин ва таворихи хавоқин»⁹ («Генеалогия султанов и история ханов»), написанном на узбекском языке в конце XIX века, содержится большой и интересный материал о жизни и творчестве некоторых кокандских поэтов, в частности и Надиры.

Кроме указанных источников, некоторые сведения, относящиеся к кокандской литературе и биографии Надиры, можно найти в следующих рукописных произведениях¹⁰: «Фаройиби сипоҳи Хўканд» («Чудеса воинства Коканда») — автор неизвестен, «Тухфат ут-таворихи хоний» («Дар историям ханов») Ниязмухаммеда Рузы бин Аттара и также «Тазкират уш-шуарон Хашмат» («Тазкирэ* поэтов Хашмата»), «Таворихи манзума» («История в стихах») Имама Али Кундузи, «Тарихи Фарғона» («История Ферганы») Исхак-хана Туры, «Хулосат ул-аҳвол» («Краткое изложение событий») Абу Убайдуллы Мухаммеда, «Тарихи жаҳоннамо» («Летопись, открывающая мир») Джунаида Аваз Мухаммеда, «Мукаммал тарихи Фарғона» («Полная история Ферганы») Фазылбека, «Тарихи Азизий» («Летопись Азизи») Азизи Ташкентского, «Анжуман ат-таворих» («Собрание летописей»), «Қўқон тарихи ва адабиёти» («История и литература Коканда») Пулатджана Каюмова; в литографических изданиях: «Тарихи Шаҳрухи» («История Шахруха»), «Тарихи аҳволи Қозон ва Булғор» («История Казани и Булгара») Ниязмухаммеда, «Таворихи хамсан шарқий» («История восточных пятерниц») Имама Курбан Али, «Туркистон тарихи» («История Туркестана») мурлы Алима Мухаммеда, а также в статье «История Коканда», напечатанной в № 13 «Газеты Туркестанского края» за 1910 год. Указанные произведения хранятся в рукописном фонде Института востоковедения им. Абу Рейхана Бируни Академии наук Узбекской ССР и в Музее литературы им. Алишера Навои Академии наук УзССР.

⁹ Мушриф. «Ансоб ус-салотин ва таворихи хавоқин», рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 3753, 1314, 7515.

¹⁰ В труде А. Каюмова «Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар)» («Узбекистон ССР фанлар академияси нашриёти, Тошкент, 1961) можно найти подробное описание перечисленных рукописей, относящихся к истории Коканда того времени.

* Тазкирэ — особый жанр старой восточной филологии, жизнеописание, мемвары, антология с комментариями.

Подлинно научное изучение жизни и творчества замечательной поэтессы Надиры началось уже в наше время — после Великой Октябрьской социалистической революции. Ее творчеством интересовались узбекские и таджикские ученые-литераторы и поэты — Садриддин Айни, Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Алим Шарафудинов, академики Вахид Захидов, Вахид Абдуллаев, доктор филол. наук Азиз Каюмов, Уткир Рашид, Лутфулла Алим, Тохтасын Джалалов и др. Краткие биографические справки о ней включены в хрестоматии, антологии и учебники.

В 1958 году А. Каюмовым впервые был издан сборник узбекских стихотворений Надиры. В его монографической работе о кокандской литературной среде дан подробный анализ жизни и творчества поэтессы¹¹.

Память о Надире живет в народе. Немало ее стихов легло в основу народных песен, и уже в течение ста с лишним лет они звучат на просторах родной земли.

До недавнего времени из богатого литературного наследия Надиры были изучены только узбекские газели. Составляющие значительную долю ее художественного наследия газели на персидско-таджикском языке оставались вне поля зрения литературоведов. Не было также и трудов, освещающих жизненный путь и творчество Надиры.

Настоящая работа — одна из первых попыток систематического изучения жизни и творчества Надиры и, в частности, ее произведений, созданных на персидско-таджикском языке. В основу предлагаемого исследования положены наиболее полные капитальные списки «диванов» на персидско-таджикском языке. Мы воспользовались также фактическими материалами из рукописей, о которых было сказано выше, и литографическими изданиями. Учтена и вся литература, имеющая отношение к теме нашего исследования.

¹¹ Автором этих строк в 1961 г. защищена кандидатская диссертация на тему: «Ноди́ра ҳаёти ва ижоди» (Жизнь и творчество Надиры), в 1963 г. составлен и издан сборник стихотворений — Ноди́ра, Девон (Ўзбек ва форс-тожик тилларидаги шеърлари) — диван Надиры (включающий в себя узбекские и персидско-таджикские стихотворения). Узбекистон ССР фанлар академияси нашриёти, а в 1965 г. издана монография на узбекском языке «Ноди́ра ҳаёти ва ижоди» (Нади́ра, Жизнь и творчество), Узбекистон ССР «Фан» нашриёти.

Надира жила и творила в сложных социально-исторических условиях феодального гнета, невежества, деспотизма, разгула фанатизма и предрассудков, когда на женщину смотрели как на бесправную, бессловесную рабыню. Рабское положение женщины как собственности мужа было закреплено законом шарриата. Она должна была сносить любые оскорбления и унижения.

В те времена, т. е. в конце XVIII — начале XIX века, на территории Средней Азии существовали три феодальных государства — Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства. Между ними шла непрерывная борьба за расширение и укрепление своих территорий и установление политико-экономического господства. Иногда они объединялись для совместного отражения внешнего врага. Но тем не менее вопрос о том, какое ханство приобретет господствующее положение и какой хан будет признан главным, всегда был предметом самых острых споров. Очень характерен в этом отношении ответ кокандского хана Умар-хана послу эмира бухарского Хайдара, приведенный в книге Имама Курбана Али «Таворихи хамсаи шарқий» («История восточных пятериц»):

سزده که میر بخارا مطیع من گردد
عمر به تخت خلافت مقدم از حیدر

Подобает, чтобы эмир бухарский подчинился мне,
Ибо и на халифском троне халиф Умар был прежде
халифа Хайдара.

Присутствовавший на приеме посол хивинского хана Мухаммеда Рахимхана тотчас же прочел в ответ следующее стихотворение:

محمد رحيم آلدیده تاپسا جا
عمر تابع اولماسمو حیدر مطیع¹²

Если перед Мухаммедом Рахимом предстанут
Умар и Хайдар,
То разве они не склонятся перед ним.

¹² Курбан Али. «Таворихи хамсаи шарқий», Казань, 1910, стр. 14.

В труде А. Каюмова «Қўқон адабий муҳити», где дается обширная историческая справка об экономической, политической, общественной и культурной жизни в Коканде этого периода, отмечается, что «жестокая феодальная эксплуатация, налоговый гнет, насилие и деспотизм, грабительские набеги, разорение дехканского хозяйства, бесчинства ханских чиновников, убийство оппозиционно настроенных элементов были характерными чертами ханского правления. Реакционный религиозный фанатизм беспощадно давил и душил всякое проявление свободомыслия, духовная жизнь страны была опутана густой сетью гнета и мракобесия»¹³.

К концу XVIII века Кокандское ханство в связи с активизацией российско-среднеазиатских отношений стало играть все возрастающую роль. При Алим-хане (1801—1811) началась экспансия вглубь казахских степей, успешно продолжавшаяся при Умар-хане (1810—1822) и при его преемнике Мухаммеде Али-хане (1822—1842), которому удалось проникнуть в Восточный Туркестан и занять видное место в политической и экономической жизни этой обширной области. Захватывая новые области, кокандские ханы разоряли и грабили население. Бывший очевидцем этих событий историк Хаким-хан Тура описал, как воины считавшегося «светочем справедливости» Умар-хана в 1233 г. х. (1820—1821) в районе Ура-Тюбе сожгли на корню выращенный дехканами урожай зерновых. По распоряжению хана нивы были подожжены одновременно с четырех сторон. В огне погибли не только нивы, но и деревья, и вся прочая растительность¹⁴.

Разорявшие крестьян феодалы наживались на народном горе. Обогащение феодально-бюрократических прослоек происходило за счет ограбления чужих земель и эксплуатации своих соотечественников. Поэты того времени горько оплакивали участь простого народа. Поэт Махмур в стихотворении «Хапалак» так описывает тя-

¹³ А. Каюмов. «Қўқон адабий муҳити», стр. 19—37; Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.), автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, 1961, стр. 7.

¹⁴ Хаким-хан Тура. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), лл. 223—224.

желую, беспросветную жизнь простого народа кишлака
Хапалак:

بار و يوق اويلارينى بنده بيان گر قيلسام
بر كتك ايكى كه په اوج آلا چوق نورت كتك

ديمه اوى بلکه زمين کن در اگر کيرسه کشى
هر طرف بيتکه اور کايلاز انينگ کور شپه لک

خلقيني کوساڭ اگر اولگوچه دور قاق و خراب
آچليکدن ايگيليب قامتى مثلى کملک

اچريغ تامين اوغور گه ساليب ميده نوييب
قايناتيب کونده ايچار آتيني ديرلار سملک¹⁵

Попробую я, раб [недостойный], рассказать
про их жилища и про все то, что там есть!
Одна клетушка, две каморки, три лачуги, четыре
хижины.

Войдешь туда,— это не дом, а словно землянка,
А в ней летучие мыши как будто бьют крылами

в лицо...

Взглянешь на людей,— измождены до смерти,
Тела их согнуты от голода наподобие луков.

Они измельчают в ступах корни пальчатки
И после кипячения их пьют каждый день, [а] пищу
эту называют сумалак*.

В это время начали крепнуть и развиваться отношения и торговые связи Средней Азии с Россией. Приближение российского рынка к границам Средней Азии имело большое значение для экономического развития страны. Быстрый рост на рынке спроса на хлопок, хлопчатобумажную пряжу и текстиль, а также на транзитные товары из Китая, Индии и т. д. привел к расширению хлопкового хозяйства, интенсивному развитию прядильного, текстильного ремесла, а следовательно и денежных отношений, к подъему старых и появлению новых городов, заинтересованных в укреплении монархии.

¹⁵ А. Қ а ю м о в. «Қўқон адабий муҳити», стр. 178—179.

* С у м а л а к — пшеничная похлебка.

Купцы из среднеазиатских ханств бывали в торговых центрах России, ездили в города Оренбург, Омск, Иркутск, Астрахань, знакомились с местными обычаями. Чтобы развивать торговлю, они стремились к овладению русским языком и ознакомлению с культурой русского народа. Стремление к изучению русского языка и ознакомлению с русской культурой, как свидетельствуют исторические документы, появляется еще до присоединения Средней Азии к России, в начале 20-х годов XIX века.

В эти годы одним из первых, кто вырос в среде узбекской интеллигенции, но ознакомился с достижениями русской культуры того времени и изучил русский язык, был историк Хаким-хан Тура, который стремился познакомить свой народ с жизнью русского народа, с русской действительностью. В своем произведении «Мунтахаб-ут-таворих» («Извлечения из летописей») он рассказывает обо всем, приключившемся с ним во время его путешествий в Мекку через Россию, сравнивает города России и Средней Азии, отмечая при этом более высокий экономический и культурный уровень и хорошую постановку торгового дела в городах России.

Развитие торговых отношений с Россией приводило в известной степени к возникновению экономической устойчивости и в ханстве. «Несмотря на то, что Средняя Азия была скована рамками феодального строя, она значительно прогрессировала в хозяйственном и политическом отношениях. Это свидетельствовало о дальнейшем развитии общественных отношений внутри феодальной общественно-экономической формации»¹⁶. Эти же причины в некоторой мере влияли и на ход культурной жизни, в частности на дальнейшее развитие письменной литературы.

Несмотря на то, что в это время продолжала царить феодальная раздробленность, перемежавшаяся с периодами яростных столкновений в усобных войнах, происходил неуклонный рост развивавшейся прогрессивной узбекской литературы, уходящей своими корнями в далекое прошлое.

Профессор И. М. Муминов в своем труде «Материалы по истории прогрессивной общественно-философской

¹⁶ История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 9.

мысли в Узбекистане» пишет, что « в конце XVIII — начале XIX века в Коканде, а затем несколько позднее в Бухаре и Хиве происходит оживление в литературе, талантливые поэты и исторники начинают создавать ценные поэтические и исторические произведения»¹⁷.

Одной из талантливейших представительниц этой плеяды мастеров узбекской литературы и была лирическая поэтесса Надира. Надира явилась выразительницей чувств угнетенных женщин, стонавших под невыносимым гнетом той эпохи, воспевала светлые мечты человека, его надежды на лучшее будущее.

* * *

В рукописных источниках по истории Кокандского ханства сведения о биографии поэтессы скудны. В силу этого обстоятельства в статьях о жизни и творчестве Надиры даже год ее рождения и имя называются по-разному. Например, в статье Лутфуллы Алима «Надира», напечатанной в журнале «Билим ўчоғи» за 1923 год (№ 2—3), в статье Уткира Рашида «Надира» в журнале «Ёрқин ҳаёт» (№ 4) за 1940 год, во II томе «Ўзбек тили ва адабиёти хрестоматияси», опубликованном в 1945 году, в составленном и изданном в 1958 году А. Каюмовым сборнике «Надира газаллари» («Газели Надиры») указано, что имя поэтессы — Камила. Однако в персидско-таджикском и узбекском вариантах произведения «Мунтахаб ут-тавориҳ» Хаким-хана Туры, которое написано в 1843 году, а также в рукописных произведениях «Ансоб ус-салотини ва тавориҳи хавоқин» («Генеалогия султанов и история ханов»), «Шоҳномаи девона Мутриб» («Книга царей юродивого Мутриба») и др., переписанных во второй половине XIX века, ясно указано, что имя поэтессы Махлар («Луноликая»). Кроме того, поэтесса сама в предисловии к своему узбекскому дивану говорит о своем псевдониме «Камила» («Совершенная»). Эти факты показывают, что «Камила» является всего лишь одним из поэтических псевдонимов поэтессы.

¹⁷ И. Муминов. «Ўзбекистонда прогрессив ижтимоий фалсафий фикрлар тарихига доир материаллар». Ўзбекистон ССР фанлар академияси нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 25.

Хаким-хан Тура в вышеуказанном произведении «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей») сообщает, что будущий муж Махлар — Умар-бек в 1806—1807 гг., подавив восстание в Ташкенте, вернулся в Коканд. Его старший брат Алим-хан, который в это время правил в Коканде, передал ему управление Маргиланом (стр. 240—253), и только после этого двадцатилетний Умар-бек (родившийся в 1787 г.) женился на Махлар. Это событие приходится на 1807 год. В некоторых рукописных источниках, описывающих трагическую гибель поэтессы в 1842 году, говорится, что когда эмир бухарский убил Надиру, ей было около 50 лет.

Исходя из вышеизложенных соображений, мы предполагаем, что поэтесса, настоящее имя которой Махлар, родилась примерно в 1791—1792 гг. (по мусульманскому летосчислению — 1206 год хиджры) в семье андижанского правителя Рахманкули-бека. Рахманкули-бек в то время находился в подчинении у кокандского хана Алим-хана, своего племянника. Имеются сведения, что мать поэтессы Айша-бегим была образованной женщиной.

Надира (в народе она известна под этим псевдонимом), как и другие женщины той эпохи, получила начальное образование у атын-айи — учительницы, которая у себя на дому учила девочек читать и иногда писать. Впоследствии Надира стала самостоятельно изучать произведения классиков восточной литературы. В ее стихах имеется свидетельство, что она умела красиво писать¹⁸.

يازيبان كو كدا قوياش لوحينه اشعاريمنى
نسخ مشق قلم مانى و بهزاد قىلاى (279_т)

¹⁸ Фотокопия узбекского дивана Надиры хранится в фондах Литературного музея им. Алишера Навои, инв. № 921, стр. 279. В примерах здесь и далее мы приводим газели из персидско-таджикского дивана № 7766, из узбекского дивана 4182 и фотокопии узбекского дивана № 921 с указанием в скобках страниц, причем после ссылки на страницу рукописного дивана № 4182 следует малая подстрочная цифра 1, а после ссылки на страницу фотокопии рукописи дивана № 921 такая же малая цифра 2, а для примеров из таджикского дивана инв. № 7766 после ссылки на страницу ставится буква «т».

Пишу в небе на солнечных скрижалях свои стихи,
Подражаю Мани* и Бехзаду ** в письме почерком

наسخ***.

По произведениям Надиры можно судить, что, кроме родного языка, она знала арабский, турецкий, азербайджанский и персидско-таджикский языки. Благодаря своим прекрасным способностям поэтесса серьезно овладела многими знаниями. Гордостью звучат в ее газели следующие строки.

در خیال دل مکنونه سواد ازل است
فہم لا یفہم و حس بیخبر و ناطقہ لال (100_r)

В сердечных помыслах Макнуны таилось

дарование,

Не охватить его ни разумом, ни чувством, не

рассказать о нем словами.

У Надиры еще в годы ранней юности проявилось сильное влечение к сложению стихов. Молодая Махтар, проникая в тайны жизни и литературы, постепенно совершенствовалась в своем мастерстве. Ее девические устремления нашли отражение в ее ранних таджикских газелях:

کمر زخم اونہان بستم
دامنی بر میان جان بستم
حسن بیکانہ عشق دیوانہ
چہ عیب دل با متحان بستم
دل نہ مکنونہ صید کا کل و بس
تار آن زلف ہم بجان بستم (110_r)

Я тайно перевязала нанесенную им рану,
Я привязала полу [надежды] к сердцевине души.

Но тщетна красота и смятенная любовь,
И напрасно я ввергла сердце в испытание...

* М а н и — полулегендарный древний художник.

** Б е х з а д — художник-миниатюрист XV в.

*** Н а с х — вид письма буквами арабского алфавита.

Сердце стало добычей косы Макнуны,
И прядь того локона я привязала к душе.

Изящные, глубоко содержательные, подчас пленительно-игривые поэтические произведения Надиры свидетельствуют о том, что поэтесса черпала свое вдохновение у классиков литературы Ближнего Востока — Навои, Фузули, Бедия, Хафиза, Саади и других. Поэтесса стремилась изобразить в художественной форме мирскую любовь. Следует сказать, что изображение человеческой, а не «божественной» любви было редкостью в литературе того времени и носило прогрессивный характер. В таджикском стихотворении, начинающемся строкой «Чу шамъе ки дар базм баст ошъён» («Словно свеча, загорающаяся на пиру»), Надира жалуется на то, как трудно свидеться влюбленным. Однако, несмотря на то, что «земля тверда, а до неба высоко»¹⁹, истинная любовь, по ее словам, не сворачивает с избранного пути и с надеждой и пылом молодости уверенно глядит в будущее:

چوشمعی که در بزم بست آشیان
همه شادو ما سوخته در میان
فغان بی اثر عمر نا پایدار
فلک بیوفا یار نا مهربان
میان من و تست صد عقبا بیم
درین رهچه سازم من نا توان
بعشقت اسیرم چه بیالچه بست
(122) زمین سخت باشد بلند آسمان

Словно свеча, загорающаяся на пиру,
Я пылаю, когда все веселы.

Мольба безответна, жизнь призрачна,
Судьба неверна, любимый неласков.

¹⁹ Народная пословица, взятая Надирой, означает трудность достижения какой-либо цели, желанья и т. д.

Между мной и тобой сотни опасностей,
Что могу поделаться я, бессильная, на этом пути?

Я пленница любви к тебе, что — высь

и что — дол? —

Земля тверда, а небо высоко.

Романтическое восприятие жизни питалось у Надиры из источника народного поэтического творчества, сердце жизнелюбивой поэтессы вдохновлялось радостью любви. Она пылко воспеваает в газелях любовь как ключ творческого подъема и вдохновения.

Мирские мотивы в лирике Надиры, последовательность в изложении мысли, сжатость и логическая стройность ее стихов говорят о том, что поэтесса стремилась к совершенствованию и овладению художественным мастерством.

Особенность раннего творчества Надиры — стремление к правдивому выражению чувств, богатого внутреннего мира человека и окружающих его условий. Поэтесса прославляет благородные человеческие качества, противопоставляет религиозным предрассудкам взгляды, возвышающие человека. Следует помнить, что это делалось в период, когда религиозный фанатизм своими глубокими корнями опутывал самые основы современного Надиры общества. Уже за одно это поэтесса достойна уважения и памяти потомков.

Махлар-айим уже в юности начала завоевывать признание своим умом и талантом художника. Судя по историческим источникам, Надира славилась по всей Ферганской долине своей редкой красотой, светлым умом и поэтической одаренностью. В это время мать Умар-бека Минг-айим по своему выбору решает женить сына, который правил в Маргилане. Однако Умар-бек любил прекрасную Махлар, доводившуюся ему родственницей. Вот как повествуется об этом в мемуарах Абдунаби Хатифа, современника Надиры:

«...Аталык — благородный и высокопоставленный Рахманкули-бек... управлял территорией Ферганы, имея там ставку и правительство из подчиненных ему чиновников. В чистоте его гарема скрывалась его луноликая дочь, обладательница царственной внешности, средоточие необыкновенной красоты. Ни одно женское существо во всем мире не блистало так своей мудростью и свежестью юности, красотой и изяществом. Цветы на лу-

жайках были посрамлены красотой ее лица, а йеменские девственницы и понятия не имеют о ее животворных рубинах (т. е. губах). Перед ее стройным станом склоняются кипарис и самшит, а при виде ее черных глаз удивляется нарцисс.

بر نادره زمان عفت
بر غنچه بوستان عصمت
اقلیم جمال کامیا بی
عصمت فلکینی آفتابی
دانش بیله فهم گما یگانه
یا اینکه یگانه زمانه

گلشن ایدی منفعل کوزیدین
آی برله قویاش خجل یوزیدین
ایردی انکا شاهزاده عاشق
عذراغه نیچوککه زار وامق
یاد ایلاب اوшул نکار دلکش
عقل و خردی ایدی مشوش
هر لحظه خیال ایتیб کرشمه
ایردی کوزی یاشی چشمه چشمه

اول نادره ایام عشقیده بول شهزاده تمنیوب کیچه لار
خلوة توتوب تا صبحدمغچه شمع ینکلیع کویار ایدی.²⁰

Редчайшая* из непорочных эпохи,
Бутон из сада целомудрия.

Несравненная в стране красоты,
Солнце на небе целомудрия.

Единственная по разуму и знанию,
Неповторимая среди времен.

Цветник был пристыжен ее глазами,
А Луна и Солнце — ее лицом.

²⁰ Фотокопия узбекского дивана Надиры. нвв. № 921, стр. 65—67.

* Здесь игра слов: имя «Надира» в его нарицательном значении означает «редкая», «редкостная».

Был влюблен в нее шахзода*,
Одержим жаждой видеть лицо, как
Вамык**.

Когда вспоминал он пленительную желанную,
Ум и рассудок покидали его.

И всякий раз, как вспоминал ее взгляд.
Глаза его наполнялись слезами.

В любви к этой редчайшей властительнице дней шахзода уединялся по ночам, и свеча у него горела до рассвета».

Молодой Умар-бек в годы пребывания в андижанской ставке рос вместе с изящной и прекрасной дочерью своего аталыка Рахманкули от Айши-ханум — Махлар (Надирой) и полюбил ее²¹.

Мать Умар-бека Минг-айим узнала о любви сына и посоветовалась с придворными. Те предложили засылать сватов. Однако Рахманкули-бек не дал согласия на выдачу дочери замуж за Умар-бека. Разгневанный этим известием Алим-хан по совету придворных вновь заслал в качестве сватов шейх уль-ислама Максум-хана Туру (отца Хаким-хана) с несколькими уважаемыми стариками. Об этом событии Хаким-хан Тура повествует так:

«В то время Андижаном правил Рахманкули-бек, дядя Алим-хана и его вассал. У Рахманкули-бека была дочь по имени Махлар, скрытая за завесой непорочности. Эмир Алим-хан хотел выдать ее замуж за эмира Умар-бека. Он послал Максум-хана Туру с бесчисленными подарками и велел ему привезти в Андижан Умар-бека, составить брачный договор и отвезти опять в Маргилан. Мой отец Максум-хан Тура приехал в Маргилан, предложил Умар-беку жениться, отвез его в Андижан и там в добрый час составили запись о браке вершины султаната (Умар-бека. — М. К.) с девицей созвездия (Надирой. — М. К.)»²².

²¹ У в а й с и й. Девон (нашрга тайёрловчилар: Ҳ. Раззоқов, Улфат, Г. Абдуллаев, Н. Маматов), ЎзССР, Давлат бадний адабиёт нашриёти, Тошкент, 1963, стр. 6.

* Шахзода — царевич.

** Вамык — эпический герой.

²² Х а к и м - х а н Т у р а. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), лл. 161 а, б.

Как пишет Хатиф, свадебное празднество было грандиозным. Это понятно, ибо любое празднество власть имущих проводилось за счет огромных средств, получаемых от ограбления народа. Хатиф пишет, что в качестве выкупа за невесту (калым) было дано много драгоценных тканей, несколько рабов и рабынь, лошади и сбруя... Описывается путешествие свадебного кортежа из Коканда в Андижан, длившееся с остановками по пути в течение семи дней, повествуется о приемах, дававшихся в честь молодоженов беками и должностными лицами. Свадебная церемония растянулась на месяц. Отовсюду, даже с берегов Аму-Дарьи, приехали гости.

Поэт Хатиф говорит об этом:

بولدی بو صلاى حشمت زور
 تاشکهور روم و هند مشهور
 دریای عموکه چه برا یا
 عزم ایلادی قیلغالی تمشا...
 اوز قصریده شاه زاده والا
 اظهاره ویروب شکوه دارا
 اوز جاییده اول مه زمانه
 اول کشور حسن ارا یکانه
 فاش اولدی نگاه طوری اولتون
 یاندوردی چراغ بخت گرجون
 آی برله قویاش کیلیب کرانه
 اویرولدی مراد ایله زمانه²³

Это было великое званое торжество,
 Прославившееся вплоть до Рума и Индии.

Народы вплоть до Аму-Дарьи
 Собрались в путь, чтобы узреть [его]...

В своем дворце великий шахзаде
 Проявил величие [шаха] Дара

²³ Фотокопия узбекского дивана Надиры, стр. 84—85.

В своем месте [пребывала] та [несравненная]
луна времен,
Единственная в стране красоты.

Когда стал известен обряд [их] бракосочетания,
в ту же ночь
Небо зажгло светоч счастья.

Луна и солнце возгорелись,
Надеждой обернулось время.

Некоторые литературоведы сообщают, что на Нади-ре первоначально хотел жениться Алим-хан, что он привез ее в свой гарем как наложницу-служанку и что лишь после настойчивых просьб, обращенных к старшему брату, Умар-бек вызволил Надиру из гарема и женился на ней. Сведения Хатифа опровергают это необоснованное мнение.

После окончания свадебных торжеств Надиру привезли в Маргилан. Здесь она снова отдается чтению любимых книг, упражняется в написании стихотворений. Надира знакомится здесь с признанной в народе маргиланской поэтессой Джахан-атын Увайси и завязывает с ней тесные дружеские отношения вплоть до того, что приглашает эту поэтессу в ханский дворец в качестве наставницы для детей и служанок и музыкантши²⁴. Обе поэтессы и в дальнейшем поддерживают дружеские связи и творческое общение.

Недовольные политикой Алим-хана, феодалы объединяются с целью отстранить его от власти и провозгласить ханом Умар-бека. В 1811—1812 гг., когда Алим-хан ушел походом на Ташкент, группа знати и военачальников увозит Умар-бека в Коканд и возводит его на престол, а телохранители Умар-хана убивают Алим-хана.

После вступления на престол Умар-хан перевозит в Коканд Надиру с сыном Мухаммедом Али-ханом. С этого времени молодая поэтесса прочно связывает свою жизнь с литературой и серьезно занимается творчеством.

В среде дворцовых мастеров литературы и искусства Надира продолжает заниматься изучением литературы и поэзии. Здесь постепенно отшлифовался и засверкал

²⁴ У в а й с и й. Девон, Уздабийнашр, 1963, стр. 7—8.

ее поэтический талант. В скором времени она стала одной из признанных поэтесс.

Спутник жизни Надиры Умар-хан был также поэтом. Он обладал литературным талантом и художественным вкусом, с юности слагал стихи и любил литературу. Общался с поэтами, участвовал в поэтических состязаниях, под руководством опытных поэтов и ученых усердно изучал поэтическое наследие прошлого. Он писал изящные стихи под псевдонимом «Амири»²⁵. Умар-хан сконцентрировал вокруг себя литературную группу, включавшую многих поэтов. Он стремился вооруженной силой держать народную массу под гнетом деспотии. Его литературное творчество также было призвано способствовать этой цели. Группировавшиеся вокруг хана поэты в большинстве своем не отличались талантами и создавали произведения серые, пессимистические, наполненные духом безнадежности и уныния. Вместе с тем все они безмерно восхваляли хана, превозносили его до небес. «Во времена Умар-хана,— пишет Хатиф,— писатели и поэты чрезмерно увлекались написанием хвалебных од и славословий, повергаемых ими к ханскому престолу»²⁶. Представители феодально-клерикальной литературы во главе с самим Умар-ханом — Султан Тура Адо (он же являлся верховным судьей Кокандского государства), Абдул Карим Фазли, который составил сборник-антологию кокандских поэтов первой четверти XIX века под названием «Мажмуаи шоирон» («Собрание поэтов»), Накиб Ошик, Нола, Маюс, Вазир и т. д. — писали в основном касыды, посвященные Умар-хану, и стихи в подражание стихам Умар-хана. Их произведения защищали интересы класса эксплуататоров-феодалов, служили укреплению ханской власти.

Например, один из ведущих придворных поэтов Фазли, гордясь тем, что может написать стихи в подражание стихам его величества Умар-хана, сравнивает себя с великим азербайджанским поэтом Низами (XII век), знаменитым таджикским поэтом Джами и гениальным просветителем узбекской литературы Алишером Навои.

²⁵ До нас дошло несколько рукописных диванов Амири на узбекском и таджикском языках. Рукописный фонд ИВ АН УзССР, инв. №№ 117, 147, 3642, 4427, 5055, 6672, 6745, 7489, 7784. Диван Амири издан в 1882 г. в Стамбуле и в 1908 г. в Ташкенте.

²⁶ Фотокопия узбекского дивана Надиры, стр. 77.

منم فضلى نامور در زمان
 نظامى عصر خودم در سخن
 بگفتار دارم ز جامى نشان
 با شعار ترکی نوایی بیان
 مضامین مسطور راز منست
 همین يك غزل هم ساز منست
 بقدر سخن یافتم اقتدار
 شدم پیرو حضرت شهریار²⁷

Я, Фазли, являюсь известным [во всех] временах,
 В слове я — Низами своего века.

В красноречии у меня признаки Джами.
 Тюркские стихи я пишу, как Навои.

Скрытые смыслы — моя тайна,
 И эта газель — тоже рождена моим сазом*.

В словах я обрел столько силы, [что]
 Смог стать последователем великого шаха.

Но прогрессивно настроенные поэты, находившиеся тоже при дворе, резко осуждали угодничество и нескромность некоторых придворных поэтов. Представители демократического направления в узбекской литературе Хазык, Гульхани, Газы, Мадан, Махмур и др. выступили против господствовавшей литературы феодально-клерикального толка, они призывали к отображению в поэтической форме жизненных тем, выражали недовольство несправедливостью, бесправием, тиранией и угнетением, воспевали народные чаяния и надежды.

Эти поэты, сочувствуя тяжелому положению народа, терпевшему мучения из-за феодального гнета и феодальных междоусобных войн, осуждали деспотизм феодальных властей. В своих произведениях они выражали пе-

²⁷ А. Қаюмов. «Қўқон адабий муҳити», стр. 69; Мажмуаи шоирон, инв. № 9914, стр. 326.

* Саз — музыкальный инструмент.

редовые общественные идеи того времени, мужественно выступали против социальной несправедливости, обличали невежество и темноту.

Надира, Увайси и Махзуна также творили в унисон с литературой передового направления. Особое место среди них занимает Надира, в творчестве которой явно проступают гуманистические тенденции. У нее крайне обострены фантазия, ум, пронизательность, чувства, ее отличает высокий настрой мысли. Поэтесса нашла свой особый путь в выражении человеческой психологии. В ранний период творчества Надира писала совместно с Амири. Об этом она сообщает во введении к узбекскому дивану:

تا اندك فرصتده شعر قائیده لاریغه موانست پیدا
قیلدیم نظم فنونیغه ماهر مضمون سپهریده ساحر بولدیم...
اولحضرت بعضی تازه مضمون لار دین بر مصرع برله سوال
طریقه سیده سورار ایردیلار فی الفور آخر مصرع برله
جواب ایتور ایردیم و طبیعت لارینی خوش قیلور ایردیم
بری بودورور که بر کون سوال قیلدیلار کیم مصرع:
— نیکا ارباب خرد اهل جنودین عاری بار؟
جواب ایدیم که مصرع:
— کیم بولار عریان الارنیڭ جبه و دستاری بار. (3۱)

«... С давних пор я сдружилась со стихами, была умелой в стихосложении и была волшебницей в небесах смысла... его величество иногда задавал мне вопрос в виде стихотворной строки, свежей по содержанию, и я тотчас отвечала стихотворной строкой в виде ответа и тем доставляла ему удовольствие. Вот, например, однажды он задал вопрос-строку:

— Почему высокопоставленные (букв. разумные) стыдятся бедняков (букв. безумных)?

Я ответила строкой:

— Потому что они голы, а у тех халаты и чалмы».

Любопытно, что в этом поэтическом состязании Надира сумела подметить неравенство, существующее в обществе между богатыми и бедными, и выразила свое доброжелательное отношение к последним.

В состязании с Амири и другими поэтами Надира достигла творческих успехов. Примечательно одно двустишие, сказанное на состязании с Амири и ставшее известным среди народа. В один из весенних дней, ранним утром поэт Амири прогуливался по саду. Вид прекрасных роз и шиповника, раскрывшихся при утренней росе, заворожил его. В мозгу поэта мелькнула мысль о том, что эти красные розы и цветы шиповника гордятся друг перед другом своей красотой. Сорвав несколько роз, он составил из них букет и преподнес сидящей на краю айвана Надире. Принимая букет цветов, поэтесса иронически прочла Амири следующее двустишие:

برای زیب دستی شاه من گلدسته آوردی
دل بلبل شکستی شاخ گل بشکسته آوردی

«О царь мой! Для того, чтобы украсить свою руку,
ты принес букет,
Ты огорчил сердце соловья, сорвав ветви цветов».

В этот период поэтесса посвящает свое творчество воспеванию искренней любви и верности. В искрометных и радостных газелях поэтесса выражает собственные чувства и волнения, связанные с переживаниями любви и радостей жизни.

Вместе с тем, хотя поэтесса и жила во дворце, она знала о положении страны и народа. Поэтесса требовала от современных ей правителей доброты и щедрости, справедливости и милосердия. Надира осмеливалась обращаться даже с наставлениями и увещеваниями к царствующему шаху:

بويله کیم ممتاز ایرورسن برچه سلطانلار* ارا
شاد قیلغیل بندهلار نیک کونکلینی احسان ایتب (38₂)

Поскольку ты — избранный среди всех султанов
Радуй подданных, проявляй благодеяния.

И еще:

فقرا حالیفه گر باقاماسه هر شاه انکا
حشمت و سلطنت و رفعت و شان برچه عبث

شاه اولدور که رعیت غه تررحم قیلسا
یوق ایسا قانده امن و امان برچه عبث (63₂)

Если царь не обращает внимания на положение народа,
То его великолепие, власть, возвеличение и слава — все
бесполезно.

Мудрый царь тот, кто милостив к простому люду,
В противном случае установления безопасности
и предосторожности — все бесполезно.

И в других газелях поэтесса противопоставляет народные интересы интересам шаха и ставит первые выше последних. Она подчеркивает, что хороший правитель, хан, должен не притеснять народ, а печься об его интересах. Если шах будет знать о положении своего народа, такому правителю будет слава и его превознесут как народолюбца.

В таджикской газели, кончающейся редифом «дигар аст» («другое»), она осуждает хвастовство, стремление к чинам, почестям, к овладению престолом и возвеличивает смелость, щедрость и мужество, заботу о народе:

کاردیگر لاف جرئت دیگر است
مرد را آثار همت دیگر است
تاج و تخت بارگاه و قصر نیست
شاه را اسباب دولت دیگر است
تا کند عرض شکوه کز و فر
پادشاهی را علامت دیگر است
در میان جمله گورد نکشان
رتبه اهل کرامت دیگر است
شعله زد تیغ زبان مکنونه را
جوهر شمشیر غیرت دیگر است (22₁)

[Бранное] дело — это одно, а болтать языком
об отваге — другое,
Признак благородства мужа — это другое.

Ни венец, ни престол, ни дворец, ни замок не являются
орудиями владычества,
Орудие правления у шаха — другое.

Если падишах захочет показать себя на поприще славы,
Для этого требуется совершенно другое.

И среди всех строптивцев
Место мужей благородства — другое.

Блеснул клинок языка Макнуны,
Но сокровища меча усердия — это другое.

Характерная особенность творчества Надиры в том, что она в своих газелях находит гневные слова осуждения для неблагоприятных деяний отдельных лиц из высшей аристократии. В упомянутой выше газели «Дигар аст» («Другое»), как и в других газелях, она высказывает мысль о том, что достоинство шаха — не в словах, а в делах его, что ему следует возвеличивать себя не за счет насилия, а за счет высокой нравственности и благородства. Шах должен гордиться не своим шахским званием, но человеческими качествами, — говорит поэтесса, — он должен не погрязать в дворцовых увеселениях, а прислушиваться к стонам сердец и т. д.

Согласно преданиям, спутник жизни Надиры Умархан внешне был очень красивым человеком. Это также подтверждается и дошедшими до нас одами, написанными в его честь, в которых поэты сравнивают его с «солнцем на земле», называют «Иосифом прекрасным нашего времени». Об этом же свидетельствуют и написанные Надирой оды в его честь.

Став шахом, Умархан деспотически правил Ферганским краем и был послушным орудием в руках высших религиозных деятелей — улемов, он получил от них прозвище «жаннатмакон» («праведник, достойный рая»). Это все были фанатики и мракобесы — и те, кто провозгласил Умар-хана ханом, и те, кто убил Алим-хана, и те, кто зверски убил впоследствии Надиру. Умархан был их шахом, их достойным рая правителем, и потому они провозглашали:

دور بزیننگ دوریمز دوران بزنیگ دورانیمیز
شاه بزیننگ شاهیمیز سلطان بزنیگ سلطانیمیز²⁸

²⁸ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 4632/IV, л. 158.

[Ты] — [само] время, наше время, [ты] — [само]
 круговращение времен — наших времен,
 [Ты] шах — наш шах, [ты] султан — наш султан.

Как уже говорилось, Надира и Умар-хан еще в юности полюбили друг друга и заключили союз любви. В светлой душе Надиры жила надежда на то, что Умар-хан будет справедливым и мудрым властителем. Она думала, что благоденствие народа зависит только от доброй воли шаха, и лелеяла надежду благотворно влиять на Умар-хана. Об этом свидетельствуют ее благородные помыслы, высказанные в тех стихах, где она призывает шаха быть справедливым, заботиться о народе, не притеснять его, заранее предупреждать вспышки войн и мятежей, крепить дружбу. Однако мировоззрения Надиры и Умар-хана и их помыслы оказались разными, надежды Надиры рухнули, и это очень печалило ее. Тем не менее сердцем она была со своим избранником и до конца жизни воспевала верность и нерушимость преданности. В исторических источниках об этом можно прочесть следующее: «Эта великая госпожа, чистая сердцем, верная, благочестивая, редкая жемчужина из моря благородства и знания, пекущаяся о благе государства, в период упомянутого ханства и эмиратов, когда стали бесконечными притеснения судьбы, когда верность была столь редкой, когда от человечности и снисхождения остались только их наименования, до конца жизни оставалась верной и искренне преданной своему спутнику жизни Амири».

У Надиры довелось дважды стать матерью: у нее родилось два сына. Старший сын Надиры — Мухаммед Али-хан родился в 1808 году, когда она еще находилась в Маргилане. Он воспитывался в обстановке ханского дворца и еще в юные годы имел возможность присутствовать на литературных собраниях при дворе. Под влиянием родителей и других поэтов их окружения он также увлекся поэзией.

При рождении младшего сына Султана Махмуд-хана / Надира так изобразила это радостное для матери событие:

بحر دولتدين بشارت سيزگه ای اهل جهان
 بر همایون طفل بابر نسلیدین بولدی عیان...

کیلدی چون دنیاغه اول شیزاده عالی گوهر
(296₂) نادره قیلدی دعای خیر ایلاسوز مختصر

Благая весть о море счастья, вам, люди мира:
Появился царственный ребенок из рода Бабура...

И когда явился в мир высокий алмаз того царевича,
Надира вознесла моление и краткое славословие.

В этой газели прославляется неиссякаемая радость и любовь матери: нет для нее никого дороже, чем ребенок. Поэтесса пленяет читателя, воспевая в полных безграничной любви строках материнскую любовь:

فرزند مهري ايلتار غم زنکيني کونکلدن
(281₂) هر چند شاد ايرورمن بو ايکي تازه گلدن

Любовь дитяти прогоняет горести из сердца,
Всегда я радуюсь этим двум невинным цветкам.

Надира не только воспитала своих сыновей, но она также приняла на воспитание и нескольких чужих детей, уделив им долю своего материнского сердца. Историк Хаким-хан был на воспитании у Надиры и также вспоминает свою радость от общения с ней: «В соответствии с принятыми обычаями я и Мухаммед Али-хан каждый день три-четыре раза входили к самой уважаемой среди женщин гарема и самой почитаемой среди них — Махлар-айим. Она была более добра и любезна со мной, чем родная мать. Входя, мы приветствовали ее и часами вели с ней беседы за чаем»²⁹. Эти факты свидетельствуют о том, что Надира придавала большое значение воспитанию детей и много сил отдавала исполнению своего материнского долга. Старший сын Надиры Мухаммед Али-хан стал поэтом, младший сын Султан Махмуд-хан — образованным государственным деятелем, а Хаким-хан — известным историком своей эпохи.

Старший сын Надиры Мухаммед Али-хан подписывал свои стихотворения псевдонимом «Хан». До нас до-

²⁹ Хаким-хан Тура. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), л. 482.

шли его небольшой диван³⁰ и несколько стихотворений из различных баязов*. Большое влияние на его творчество оказали произведения Фузули, и он даже начал писать в подражание известной поэме Фузули дастан под названием «Лейли и Меджнун».

В 1822 году, когда поэтессе было около 30 лет, в ее жизни произошло тяжелое событие: безвременно скончался спутник жизни Надиры — Умар-хан (Амири). Ее стихотворения, относящиеся к этому времени — так называемые «марсии», а также стихотворения, близкие к жанру элегии — фырак-намэ (фироқнома)** , наполнены глгучей печалью и неизбывным горем.

نكاريمدين آيرديك اى اجل فرياد دستينكدين
عجب ايرماس گرايتسام دمبدم يوز داد دستينكدين
که بولدى صبر و طاقت خرمنى برباد دستينكدين
اولوسنى خان ومانى بولمادى آباد دستينكدين
پریشان حال ايرورمن خاطریم ناشاد دستينكدين
(289₂) قيلورمن اى سپهر بيمروت داد دستينكدين

Ты разлучила с любимым, о смерть, я плачу из-за тебя,
Не удивительно, что стни стонов воссылаю из-за тебя.

Развевал ветер терпение и силы — все из-за тебя,
Страна и семья разорены из-за тебя.

Я в растерянности и беспамятстве из-за тебя,
И я ролшу, о безжалостное небо, на тебя.

Если до смерти Умар-хана Надира во всех своих стихотворениях писала об истинной любви к возлюбленному, о верности, преданности ему, о своем отвращении к измене и изменникам, то теперь, когда она лишилась

³⁰ Единственный диван Мухаммеда Али-хана хранится в рукописном фонде Государственного литературного музея им. Алишера Навои, инв. № 157.

* Б а я з — сборник стихотворений различных поэтов, нечто вроде небольшой антологии. Слово «баяз» арабского происхождения, буквально означает «переписанный набело».

** Фырак-намэ (узб. фироқнома) — из арабского فراق — «разлука» и персидского نامه — «писание» — песнь разлуки, стихотворение жанра, близкого к элегии.

«помощника и опоры в любви, разделявшего с нею ложе согласия», друга, ее лирика стала безысходно печальной. Слезы и вино разлуки, сетования на пустоту мира и на неверность судьбы — вот образцы стихов этого времени, созданных Надирой.

وصل اويين آباد فيلديم بوزدى هجران عاقبت
(25) سيل غمدين بوعمارث بولدى ويران عاقبت

Чертог соединения возвела я, [но] разрушила
его разлука,
От ливня горестей это злание стало развалиной.

В стихотворениях этой поры оплакиваются растоптанные надежды на счастье, в них рисуется «покрытый по воле злой судьбы желтыми осенними листьями цветник бытия». В этот период поэтесса создала большое количество печальных произведений, отражающих ее горе и грусть. К ним относятся стихотворения «Счастливого пути» («Яхши бор»), «Увидев» («Кўруб»), «Вспоминаю губы любимого» («Ёр лаълини ёд этармен»), «Отдам жизнь за свидание, о сладкие уста» («Берай жон висол ичра, эй нўш лаб»), «Беспомощна я в руинах разлуки» («Менки, қолдим ҳажр вайронида бесомон бўлуб»), «Отцвел и осыпался» («Гул кард, рехт»), «Ушел» («Рафт»), «Уж сколько дней, как не вижу тебя» («Чанд руз онки маҳрум шудам аз назарат»), «Приди» («Биё»), «Где он?» («Кужост») и многие другие.

На этом этапе своего творчества Надира еще более идеализирует образ своего мужа, воспекает чувство уважения, преданности и любви к нему, клянется сохранить верность ему до конца жизни.

Кроме газелей, поэтессой в дни траура были написаны также и произведения других жанров — мухаммасы, мусаддасы, мусамманы, таркиббанды, тарджибанды*

*Мухаммас (арабск. مخمس букв. пятерной, пятиугольник) — стихотворение, каждая строфа в котором содержит пять рифмующихся полустиший.

Мусаддас (арабск. مسدس букв. шестерной, шестиугольник) — стихотворение, в котором каждая строфа содержит шесть полустиший.

Мусамман (арабск. مئمن букв. восьмерной, восьмиугольник) — стихотворение, в каждой строфе которого содержится восемь полустиший.

и фырак-намэ. Они также исполнены грустных чувств. Сама поэтесса писала об этом: «И всякий раз, когда удары разлуки одерживали победу, я обдумывала марсии и элегии, сочиняла терзающие душу газели и тем утешала свое сердце» (6₂).

Тем не менее Надира стремилась не поддаваться злой воле судьбы. «Надира, не отрывай глаза от милостей неба (т. е. не переставай ожидать их)», — писала она. Горе поэтессы в личной жизни не может угасить свойственный ее творчеству оптимистический дух.

نه حاجت ناله چيکماک کوز ياشينى ايلاماک طوفان
فراق و محنت ايچره صبر ايتماکدور سزاواری (244₂)

К чему стенать и проливать потоки слез,
Боль разлуки следует претерпеть достойно.

После смерти Умар-хана управление страной перешло в руки Мухаммеда Али-хана, которому деятельно помогала Надира. Как было уже отмечено, поэтесса стремилась поддерживать и развивать культуру и искусство, собирала вокруг себя поэтов и поэтесс, ученых и мудрецов. Хатиф пишет об этом: «После смерти Умар-хана этот перл из раковины целомудрия (т. е. Надира) сочла неблагодарностью (перед всевышним) проводить дни в стенаниях и жалобах. Она отправилась в сад «Чаҳорчаман», подобный раю. Она призвала к себе на службу мудрецов, ученых, каллиграфов и граверов из Ферганы, Ташкента, Ходжента и других городов»³¹.

يغيب بر نيچه صاحب فن جوانمرد
هنر بابيده ايردى هر برى فرد
برى نازك نويس وزر قلمدور

Таркиббанд (арабск. ترکیب, „соединение“ и персидск. بند, „строфа“) — стихотворение, в котором в конце строф повторяется меняющийся каждый раз припев, отличающийся несколько от припева в предыдущей строфе.

Тарджибанд (арабск. ترجیع, „эхо“, „повторение“ и персидск. بند, „строфа“) — стихотворение, в котором рифмы припева параллельно переходят из строфы в строфу.

³¹ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 69.

برى تصوير علميده علمندور
نيچه صاحب هنر کيم ايردى همدم
بار ايردى هر برى مشهور عالم³²

Собралось здесь много доблестных мужей знания,
И каждый из них сведущ в искусстве.

Один из них каллиграф с золотым пером,
А другой — столп в науке художества.

И сколько мужей искусства было там в содружестве,
И каждый из них известен в мире.

Таким образом, пишет Хатиф, она прославилась своим умом, рассудительностью, добротой, благими делами, стала известна как бесподобная редкость своей эпохи и удостоилась одобрения и благодарности народа.

Надира в этот период отдала в переписку несколько книг диванов Навои и горячо убеждала поэтов создавать новые диваны, произведения и дастаны. Вспоминая об этом, Хатиф также говорит: «На этих днях она снова отдала в переписку книги, приказала художникам украсить их в построенном ею новом здании библиотеки. Работающим в этой библиотеке писцам, художникам, граверам она оказала такие благодеяния и милости, что слава ее разнеслась по всему миру. Находящиеся по эту сторону Аму-Дарьи писцы с рубиновыми перьями и каллиграфы, подобные Мирали, художники, граверы и позолотчики — все собрались сюда. В этом обществе был и единственный в своем роде наследник художника Бехзада домла* Мухаммед Нияз, слава которого распространилась от Туркестана до Рума. Придав в помощники этому мастеру еще несколько искусных позолотчиков, она поручила им украшать страницы. Одна из служанок гарема Алима-атын выполняла любое поручение, которое поступало от Ханум (Надиры. — М. К.). Умная, исполнительная Алима-атын была одной из старейших служанок дворца и поэтому была назначена для докладов Ханум о делах вне дворца и для сношений с государственными служащими»³³.

³² Фотокопия узбекского дивана Надиры, лл. 163—164.

* Домла — учитель, наставник.

³³ Фотокопия узбекского дивана Надиры, лл. 69—70.

Надира уделяла много времени труду каллиграфов и художников и оформлению книг, переписывавшихся в ту пору от руки. Она лично проверяла и читала рукописи, после чего разрешала делать обложки. Надира награждала переписчиков серебряными пеналами и удостоивала их титула «Обладатель золотого пера».

Хатиф так рассказывает о переписанных в этот период книгах:

کتابت قطعینی ترحینی سابق
چیکیب گردون بروجینه موافق
بویوردی هر ورقده تازه رنگی
نی رنگ آینه فرداز فرنگی
سیاهی اورنیغه زرحل ایتیبان
سحایفی اوزره قیلدی سیم افشان
جواهر بند ایتیب قیلدی مهیا
یاب لعل وزمرددین مقوا
انکا اوتقوزدی یاقوت ایلا انجو
اولوب بریرده ساکن اوت بیلده سو³⁴

Переписку и изготовление [книг] вели по прежним образцам
В соответствии с указаниями созвездий зодиака.

Приказала она разукрасить каждую страницу [так].
Как сверкают зеркала франгов*.

Применив вместо чернил золотую краску,
Сделали они страницы блестящими, как серебро.

Застежки украсили драгоценными камнями,
А переплеты — рубинами и изумрудами.

Вставили в них яхонты и жемчуг.
Обрели в них пристанище стихии огня и воды.

Как сообщают исторические источники, Надира ежегодно тратила из поступающих в казну доходов

³⁴ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 164.

* Франг — обобщенное название европейцев.

огромные суммы на культурные мероприятия и благоустройство. Она тратила золото и серебро из казны на постройку бань, гостиниц, базаров и торговых рядов, устройство улиц, проспектов, парков, строительство мечетей, медресе и караван-сараяев. В произведении «Мукаммал тарихи Фарғона» («Полная история Ферганы») также сообщается о том, что Махлар-айим построила два медресе—у большого кладбища (медресе Чалпак) и у кузнечного ряда (медресе Махлар-айим), один сиротский дом и приют для странников³⁵.

Видевшие собственными глазами все старания и дела Надиры в области культуры и благоустройства историки, литераторы и поэты восхваляли ее благотворительную деятельность и слагали об этом стихотворения. Например, один из поэтов того времени Бехдзад писал о построенном при правлении Надиры здании медресе: «Она построила красивое здание медресе, которое вытянуло свой портал вверх к небу. Каждая келья в этом медресе похожа на райский дворец и снабжена принадлежностями для занятий»³⁶.

Современник Надиры — поэт Мушриф сообщает о пище и одежде, которыми снабжались учащиеся медресе, и о том, что на полках и в нишах медресе были собраны различные книги и рукописи. Он пишет также, что вокруг медресе были переданные в вакуф* дома, сады, караван-сарай, торговые и ремесленные ряды, базары, гостиницы, бани и т. д. Поэт заканчивает свое сообщение следующей хронограммой:

يا فتم اين مصرع حسب المرام
مدرسه خانم نيكو قديم.³⁷

Подыскал я эту строку по точному подсчету:
«Медресе Ханум — благословенно и счастливо».

³⁵ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 5971.

³⁶ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 137.

*Вакуф (арабск. وقف) — так называлось имущество, отдававшееся во владение духовным учреждениям.

³⁷ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 137.

Если сложить по счету абджад* последнюю строку двустушия, то получается 1240 г. х. (1824—1825). Таким образом, через два-три года после смерти мужа Надиры было построено медресе, где обучались дети и взрослые.

О том, что Надира действительно покровительствовала ученым, поэтам, заботилась о просвещении и помогала бедным, свидетельствуют следующие строки поэтессы:

«مساكين و بينو الارغه خير و احسانلار برله بهره
ييتكورديم كرم و عطاخوانيدين فقرا خلقيني ممنون و
مستغنى ايلاب مرحمت و شفقتلار كور كوزديم... و جواريده
مدرسه فيض آثار علوم طلبه لاريغه بنا قيلديم و تجارت
اهلى و سوداخيلي ئوچون سراى عالى برپا فيلديم جد
و جهد برله سپاهى لارغه انجام و فقرائه آرام ييتكورديم
مملكتنى آباد مستمدلار كونكلىنى شاد قيلديم فضل و
دانش قبيله سيغه شفقت و مرحمتدين آنچه عنايتلار
كور كوزديم كيم اعتبار درجسيغه ترقى قيلديلار (6-7)»

«...Бедным и бездомным я оказывала помощь и поддержку, а также проявляла к ним милосердие и сочувствие, избавив бедных людей от нужды и сделав их признательными.. В окрестностях построила для учащихся радующее душу медресе, для торгового люда — большой караван-сарай. С большими трудностями я укротила (произвол) воинов и дала покой народу. (Тем самым) я благоустроила страну и вселила радость в сердца опечаленных. Ученым и людям просвещения оказала достаточную милость и покровительство, благодаря чему они достигли определенного прогресса».

Бехджад описывает жизненный путь Надиры, ее заслуги и рвение к культуре, к делам благоустройства и литературе: «Редчайшая нашей эпохи Надира благодаря своему совершенству и мудрости взяла устройство страны под покровительство трона. Добротой и благородством она радовала народ. Она благоустроила Ферганское царство. Подобная Зухре (Венере) Надира никогда не гордилась богатством и султанским достоинством. Обладательница высокого ума и таланта, по своей

* Абджад — счет по цифровым значениям арабских букв.

совершенной натуре, и день и ночь была занята писанием и чтением газелей»³⁸.

Просветительская деятельность Надиры также нашла отражение в ее творчестве. Так, в газели с редифом «тут» («держи», «сохраняй») она призывала людей ценить образование и разум.

دانش و فهم و خرد صبر و سکون و عقل و هوش
بارچه‌نی پروانه شمع رخ جانانه توت (28₁)

Знание, разум, мудрость, терпение, спокойствие,
рассудительность,—
Все оберегай, как мотыльков, вьющихся у свечи.

Как свидетельствует сама Надира, в тот период во дворце вокруг нее было много ученых женщин-поэтесс. По мусульманскому закону женщины не имели права беседовать и сидеть вместе с мужчинами. Поэтому женщины, которые находились около Надиры, собирались отдельно и изолированно от мужчин. Поэт Надир сообщает об этом так:

يغيبان هر طرفدين نيچه خاتون
باریسی فضل و دانش ایچره آتون
همه فهم و فراست ایچره یکرنيک
همه زهد و عبادت برله هم سنک
باری زیب النسادیک ایردی شاعر
باری مریم کبی زهد ایچره ماهر
الاردین ایردی آیم کونکلی خوشحال...³⁹

Собрала отовсюду многих женщин,
Все они умные и достойные.

Все они проницательны наравне,
Все они благочестивы, набожны.

Все они поэтессы, как Зебунниса,
Все они благочестием сравниются с Марией,

С ними сердце Айим было довольным...

³⁸ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 138.

³⁹ Надир. «Ҳафт гулшан» («Семь цветников»), инв. № 1501, л. 6.

Сведений о поэтессах вообще мало. Известны лишь материалы, относящиеся к жизни близкой к Надире Джахан-атын Увайси, творчество которой имело широкую популярность среди народа.

Джахан родилась в 1779—1780 гг. в семье бедного поэта Кайнар-каландара. Мать ее Чинни-биби учила дома девочек грамоте. Отец и мать обучали свою дочь наукам и стихосложению, а впоследствии Увайси самостоятельно изучала классиков узбекской литературы⁴⁰. В литературных источниках описывается, что Увайси тоже находилась в кокандском дворце Умар-хана и вместе с Надирой писала стихи и учительствовала, благодаря чему занимала видное место при дворе.

Имеются сведения, что Увайси попала во дворец из-за того, что она вынуждена была разойтись с мужем, который оказался грубым и невежественным человеком. Узнав, что во дворце Умар-хана собираются поэты и устраивают состязания в поэтическом искусстве, Увайси стремилась попасть на эти собрания. В конце концов юной поэтессе под видом старухи удалось проникнуть во дворец. После этого ее взяли наперсницей жены Умар-хана. Увайси много помогала Надире советами и была с ней в тесной дружбе⁴¹.

В других источниках говорится, что Увайси познакомилась с Надирой, когда Умар-бек был еще правителем Маргилана, и Увайси была взята во дворец в качестве учительницы и музыкантши. После, когда Надира переехала в Коканд с мужем, Умар-хан пригласил и Увайси туда же⁴². Она скончалась в 1855 году в г. Маргилане, прожив около 65 лет.

До нас дошел полный диван Увайси в четырех списках⁴³. Один из них хранится в Институте востоковедения

⁴⁰ У в а й с и й, Девон, Нашрга тайёрловчилар: Азиз Қаюмов, Эътибор Иброҳимова, ЎзССР фанлар академияси нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 6—7.

⁴¹ Ўзбек адабиёти тарихи хрестоматияси, Тошкент, 1945, стр. 240.

⁴² У в а й с и й, Девон, ЎзССР Давлат бадиий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1963, стр. 7.

⁴³ В 1961 г. группа ученых в составе Музайяны Алавиной, Э. Ибрагимовой и автора этой работы, узнав, что в Мархаматском районе Андижанской области живет правнучка Увайси Холджон-биби (1870—1962), поехали к ней. Выяснилось, что она тоже учительствовала и писала стихи под псевдонимом Магзи (что означает «Зернышко»). У нее были три рукописных дивана Увайси. В настоящее

им. Бируни АН УзССР. В этой рукописи имеется незаконченная поэма, посвященная сыну Надиры Мухаммеду Али-хану, под названием «Воқеоти Муҳаммад Али-хон» («События (жизни) Мухаммеда Али-хана») и произведения «Шаҳзода Хасан» («Принц Хасан») и «Қарбалоннома».

Более полутора веков стихи поэтессы распеваются народными певцами—хафизами. Для поэзии Увайси характерны мотивы любви к людям, недовольства несправедливостью, жестокостью и невежеством феодального общества.

زمانه کلفتدین بو کونکول داغ اولدی داغ اولدی
بو چرخ بیمروتدین کونکل داغ اولدی داغ اولدی
جراحت بولدی بغریم تیخ بیداد رقیبلاردین
بو کوناه فهم مردمین کونگل داغ اولدی داغ اولدی⁴⁴

Муками времени сердце изранено, изранено,
Безжалостной судьбой сердце изранено, изранено.

Истерзана душа мечом жестокости соперника,
Из-за неразумия людей сердце изранено, изранено,—

писала она в одном из стихотворений.

В истории узбекской литературы известна еще одна кокандская поэтесса — современница Надиры — Махзуна. Сохранились лишь отдельные ее стихотворения, а диван еще не найден. Но и по сохранившимся стихотворениям можно судить о том, что она тоже была одаренной поэтессой. До нас дошло также одно поэтическое состязание Махзуны со знаменитым придворным поэтом Фазли, которое отмечено печатью поэтического таланта. По сведениям, содержащимся в сборнике Хашмата «Тазкират уш-шуарои Ҳашмат» («Тазкирэ поэтов Хашмата»), ее настоящее имя было Мехрибон, а Махзуна ее литературный псевдоним⁴⁵.

время фотокопии одной из рукописей хранятся в Музее им. Алишера Навои АН УзССР, а остальные диваны — в библиотеке Анджанского государственного педагогического института. Кроме того, отдельные стихотворения Увайси сохранились в списках, баязах.

⁴⁴ У в а й с и й. Девон. Ўзбекистон фанлар академияси нашриёти, 1959, стр. 17.

⁴⁵ «Тазкират уш-шуарои Ҳашмат», рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 61, л. 38 б; «Қўқон адабий муҳити», стр. 236.

Фазли в сборнике «Мажмуаи шоирон» («Собрание поэтов») сообщает следующую историю поэтического состязания с Махзуной:

«У одного достойного человека была дочь благородной внешности, со звездой счастья на челе. Это была известная кокандская поэтесса, равная по разуму несравненной Зебуннисе. Она так же ласкова и отзывчива, как и ее собственное имя*. Она всегда испытывала меня. Эта красавица, которой завидовали гурии, вела со мной переписку. Псевдоним этой луноликой был Махзуна и ее отличал высокий полет мысли. Она была хорошо воспитана, веселого, доброго нрава, невинна и целомудренна. Какие бы газели я ей ни посылал, эта перелика на каждое двустихие находила достойный ответ, сверкающий, как перл. Однажды, прочтя ее стихотворение, я пришел в восторг. Я тотчас пошел к ним домой. Увидев меня, она сказала: «Прочтите стихотворение». И я прочел ей стихотворение по-тюркски, в котором вознес хвалу ее стихам⁴⁶:

فضلی

— یوز آفرین سوزینککا لب و لباب کورمای
عرض جمال ایتمو آینه آب کورمای

محزونه

— کیمدین چیقار بوسوزلار بغرین کباب کورمای
گنج اولمغای میسر حالین خراب کورمای

فضلی

— مستوره سخن غه پو شیده لیغ مناسب
معنی اعروسینی بس مین بی نقاب کورمای

محزونه

— یوق عیبی سوزلاریمنی گر بولمسا مؤدب
انداقکا اوت کوکار گای هیچ آفتاب کورمای

* В тексте игра слов. Меҳрибон — женское имя, а как нарицательное слово означает «любящая, ласковая, сердечная».

⁴⁶ Тўхта син Жалолов: «Ўзбек шоирлари», ЎзССР Давлат бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 118.

فضلی

— میگوون لبینک حدیثی مست ایتی غایبانا
کیفیت اولدی ظاهر جام و شراب کورمای

محزونه

— بروجہ بوکه طبیعیه خام اسرامیش زمانه
چرخ سپردین اول هیچ پیچ و تاب کورمای

فضلی

— مونداق که نکته‌دان سین کیم ایردی اوستادینک
آی کسب نور قیلماس تا آفتاب کورمای

محزونه

— کوپ نهرلار یغیلسا دریای پر دره اولغای
علم اهلیدین بومسکین برشیخ و شاب کورمای

فضلی

— بر نکته ایلا ظاهر فضلینی قویمه محزون
تا کیتماکای نمکنان سیندین جواب کورمای

محزونه

— بیت الحزن ایچنده غزلت توتیب بو محزون
فضل الهی دور بو یوقسه کتاب کورمای⁴⁷

Ф а з л и

Сто раз «браво» изысканнейшим твоим словам,
Могло бы зеркало отразить красоту без амальгамы?*

М а х з у н а

От кого исходят эти слова, не страдавшего
в сердечном жару,
Не достоин сокровища тот, кто не был сокрушен.

⁴⁷ Ўзбек адабиёти, III т., ЎзССР бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 594—595.

* Ам а л ь г а м а — слой, которым покрывается поверхность зеркального стекла изнутри.

Ф а з л и

Сокровенным словам приличествует одеяние,
Пусть не увижу я без покрывала привлекательность смысла.

М а х з у н а

Нет греха в моих словах, даже если они и не вечны,
Ибо и трава зеленеет, не видя солнца.

Ф а з л и

Рассказ о твоих рубиновых губах цвета вина
заочно опьянил меня,
Блаженство наступило даже и без чаши вина.

М а х з у н а

Дело в том, что я еще неопытна; время уберегло [меня],
И я не видела еще невзгод от [его] круговращения.

Ф а з л и

Ты столь красноречива, кто был твой наставник?
Ведь Луна не будет светить, не увидев Солнца.

М а х з у н а

Много ручейков, сливаясь, становятся полноводной рекой,
Я бедная была лишена наставника из ученых старцев
или молодых.

Ф а з л и

Обрадуй острым словцом, не опечаль Фазли*
Не уеду в Наманган, не получив от тебя ответа.

М а х з у н а

В доме печали уединилась Махзуна,
Он (т. е. дом) полон достоинств**, а если [их] нет,
то [мне] не видеть и книг.

В мухаммаса Махзуны «Я влюблена» реальные, жизненные переживания ставятся выше неземных радостей. Махзуна рисует образ своего возлюбленного и выражает чувство любви к нему. Ради своей любви она готова даже отречься от веры:

* В узбекском тексте игра слов: обращение к Махзуне, буквальное значение псевдонима которой «опечаленный, опечаленная».

** Игра слов: слово «фазл», от которого произведено имя Фазли, означает «достоинство». Махзуна хочет сказать, что ее уединение наполнено высокими помыслами (другой смысл: наполнено сущностью Фазли), а если их не будет, то вообще не видеть ей книг.

دوست لار بر حسنى بى همتايه عاشق بولميشام
 حور پيكر بر ملك سيمايه عاشق بولميشام
 نطقى شيرين لعلی روح افزايه عاشق بولميشام
 غمزسى قاتل كوزى شهلايه عاشق بولميشام
 حسن ايلی ننگ شاهی بر مرزايه عاشق بولميشام
 ای مینی محزون مسافرغه ملامت بی سبب
 توتماسام فرمانینی مردود ایتیب ایلار غضب
 جز رضایی دوست عشق اهلیغه نی بولغای طلب
 چیقغالی اسلامدین زنار باغلاب یوق عجب
 مینکه بردین آفتی ترسایه عاشق بولمیشام⁴⁸

Друзья, в несравненного влюбилась я,
 В подобное гурни существо с лицом ангела влюбилась я,
 В сладкоречивого с животворящими рубинами-устами
 влюбилась я.

В существо с красивыми, разящими насмерть глазами
 влюбилась я,
 В царственного юношу — повелителя людей красоты
 влюбилась я,

А мне — печальной страннице [суждены] несправедливые
 укоры,

Если я не исполняю его повелений, он, причиняя мне
 горе, мучает [меня].

И нужно ли хоть что-либо мне, кроме благоволения
 друга любви?

Не странно, если я повяжу пояс неверных, чтобы
 отречься от ислама.

[Так как] в проклятого верой неверного влюбилась я.

В личной жизни Махзуна была глубоко несчастлива. Она была выдана замуж за нелюбимого и невежественного человека. Законами и обычаями шарията предписывалось держать женщин в ичкари*, взаперти, в полной изоляции от внешнего мира. Однако и среди женщин были такие, которые не мирились со своим положением бесправных рабынь. А наиболее одаренные из них обра-

⁴⁸ Узбек адабиёти тарихи хрестоматияси, II т. 1945, стр. 251—252.

* Ичкари — внутренняя часть узбекского жилища, где находились женщины и дети.

щались к поэтическому слову, мир поэзии для них был средством раздвинуть тесные оковы семейного рабства и бесправия. Многие женщины-поэтессы по своему дарованию не уступали лучшим поэтам-мужчинам. В числе таких женщин-поэтесс была и Махзуна.

Видной поэтессой была также Дильшад. В 1967 году на страницах «Литературной газеты» под заголовком «Поэтическая находка в Янгиюле» сообщалось, что таджикский поэт Мирзо Турсун-заде обнаружил в городе Янгиюле одну рукопись стихотворений Дильшад, писавшей под литературным псевдонимом «Барно». Она писала стихи на узбекском, азербайджанском и таджикском языках.

Дильшад родилась в 1800 г. Когда на Ура-Тюбе напал кокандский правитель — муж Надиры Умар-хан, ее угнали вместе с пленными. Сколько она пробыла при дворе с Надирой — неизвестно. Есть сведения, что она была наказана ханом и оставила дворец. После того она пятьдесят один год преподавала в кокандской школе для девочек. Других сведений о поэтессе пока не обнаружено. В одном из стихотворений Дильшад сообщает, что она написала свыше тысячи газелей и стихотворных загадок, однако найдено пока только девяносто девять стихотворений поэтессы. Диван Дильшад хранится в Институте истории Академии наук Таджикской ССР.

Мирзо Турсун-заде в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» говорил: «Меня восхитили стихи Дильшад. Написаны они превосходно, в лучших традициях восточной литературы, глубоко лиричны и вместе с тем мужественны»⁴⁹.

По одной из песен Дильшад, опубликованной в «Литературной газете», можно судить, что ее творчеству не были чужды и социальные темы. Вот отрывки из ее узбекских стихов в переводе Т. Стрешневой:

Пылает мир в огне страданья,
Туманят небо воздыханья.
Не в силах я сдержать стенанья,
Мои признанья, изливанья
Приводят камни в содроганье.

Мой край зовется Ферганой,
Тоскою полон он одной.
Весь день загружен суетней,

⁴⁹ «Литературная газета», № 1, 4 января 1967 г.

А ночью дождик проливной
И вторит он моим рыданиям.

Лик солнца мгла заволокла,
Полоска алая мала,
Терзает птицу клюв орла,
Народ мой разорен дотла
В несчастном, нищем Андижане.

Зато вовсю пирует знать
И ни о чем не хочет знать.
Атлас должна ткачиха ткать,
Который ей не надевать.
Растут волненья в Маргилане.

В почете похоть и разврат,
Собачьи празднества творят,
Юнцов безусых не щадят.
О боже, кинь на землю взгляд!
Коканд гниет, подобно ране.

А в Намангане в свой черед,
Где груз гранатов ветки гнет,
Плоды снимает садовод,
Но вкуса их не знает рот
Крестьян в изодранном чапане.

Барно писала мухаммас,
Пусть смысл коротких этих фраз
Звучит, читатель, как наказ,
Чтоб стала Фергана для нас
Землею счастья в мирозданье⁵⁰.

В Институте востоковедения им. Бируни Академии наук Узбекской ССР хранится рукопись второй половины XIX века, принадлежащая руке женщины-переписчицы Саодат Муштары. В этой рукописи она сообщает некоторые сведения из своей биографии.

آلتى ياشده مشتر مکتب کيردى بيلينگ
يتى ياشده كلام الله توندى بيلينگ
اون ياشيده دعوت قلم آلدى بيلينگ⁵¹

В шестилетнем возрасте Муштары поступила в школу, знайте,
В семь лет овладела священными словами, знайте,
В десять лет вяла зову калама*, знайте.

⁵⁰ «Литературная газета», № 8, 22 февраля 1967 г.

⁵¹ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 9922, л. 123а.

* К а л а м — тростниковое перо.

Отец Муштари был при Умар-хане кокандским казим-ем*. Сама она в течение сорока лет служила писцом при дворе кокандского хана и переводила с персидского языка на узбекский различные произведения, в частности «Усыпальницу царей» («Даҳман шоҳон»), «Книгу назидания» («Ибратнома»). В одном переписанном ею произведении есть такие строки о себе:

بو خط بر لاه فرغانه گه میرزا بولدی
خدایارخان پادشاگه کتاب ایتدی
قرق یلکاچه همینشین خانلار بولدی
بوسبیدین یوراکیمدا کوب داغلار بار⁵²

Благодаря [владению] искусством письма была
писцом в Фергане,
Изготавливала для падишаха Худояр-хана книги,
Сорок лет была собеседницей ханов
И поэтому мое сердце очень изранено.

Можно полагать, что Муштари была одной из тех поэтесс и переписчиц, которые составляли окружение Надиры.

Изучение жизни и творческой деятельности поэтесс — современниц Надиры является одной из интересных задач узбекского литературоведения.

Надира возглавляла культурное и литературное движение в Коканде и в то же время, хотя и неофициально, принимала участие в политической жизни страны. Поэт Хатиф свидетельствует, что Надире были близки не только культурные и литературные интересы своего времени: «Эта женщина, достойная похвалы... в устройстве государства и нужд народа, путем прозорливости, справедливости и созидания все устраивала так рассудительно и разумно, что все умные и достойные люди и весь народ благословляли ее и постоянно молились о продлении ее правления»⁵³.

Рассуждения Надиры о политических проблемах своей эпохи отмечены печатью исторической ограниченности и не выходят за рамки идеалов справедливости и человеколюбия. Принадлежавшая к высшей правящей

* К а з и й (арабск.) — судья.

⁵² Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 9922, л. 125.

⁵³ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 69.

прослойке, она, естественно, не поднялась до осознания противоречий в современном ей обществе, не видела корней социального неравенства. Поэтесса думала, что если царь будет справедлив, то в стране можно будет установить мир и спокойствие. Такая ограниченность ее мировоззрения непосредственно связана с условиями феодального строя и литературного движения того периода. Тем не менее ей удалось занять видное место среди передовых людей того времени и возвыситься над феодальным окружением благодаря глубоко человеческой основе ее творчества. Интерес Надиры ко всему человеческому представляет собой резкий диссонанс по отношению к эгоистическим устремлениям правящей феодальной верхушки. В некоторых строках Надиры можно усмотреть элементы понимания того, что только объединенные действия сил справедливости могут принести успех в борьбе:

بخود سران جهان آبروی معرکه نیست
 باتفاق کند کار زوالفقار انکشت (24г)

Строптивцы мира не добудут себе славы на поле битвы,
 Пальцы рук, объединившись, совершат дело Зульф리카ра*.

Об участии Надиры в делах управления свидетельствуют следующие строки Хатифа:

حوری بو صفت آرا کیلور آز
 خورشید کبی جهانده ممتاز
 عالم آرا بسکه حکمران دور
 بلقیس ممالک زمان دور⁵⁴

Даже гурии с такими достоинствами редки,
 В мире она — избранница, подобная солнцу.

Достойна того, чтоб стать царицей мира,
 Она лучшая из правителей [нашего] времени.

* Зульфикар — название меча халифа Али — одного из наиболее почитаемых мусульманских святых.

⁵⁴ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 166.

Об участии Надиры в государственных делах говорят также письма, заявления и жалобы, адресованные Надире как государственному деятелю. Характерно заявление касанца [жителя Касана] Узлата, в котором он жалуется на угнетателя-чиновника:

میں ایردیم اسیر چرخ خونخوار
ظالم ایلی ایلگینه کرفنار
میں خسته غریب ایلابین عرض
ییتماق مینی عرضیمه ایرور فرض
ناکاه کیلیب بر او ییلانندیك
کویاکه بلایی ناکهاندیک
بولدی همه ظلمیدین هراسان
غم لایکه باتدی اهل کاسان
جور ایله مینی هلاک ایستی
گلدیک یوراکیمنی چاک ایتی
یاغدوردی باشیمه غم تاشینی
بحر ایلادی ایکی کوز یاشیمنی
سالدی همه راحتکا محنت
یاپتی مینی عزتیمغه کلفت
ای ماه عیالمند دورمن
فقر اویده مستمند دورمن
عرضیم ایشتیك عنایت ایلاب
خرم کیتایین سعادت ایلاب
بز خسته کونکلنی شاد ایتارمیز
اولکونچه دعاده یاد ایتارمیز⁵⁵

Я был пленником кровавого колеса судьбы,
Десница тирана схватила меня.

⁵⁵ Фотокопия узбекского дивана Надиры, лл. 169—170.

Я бедный, несчастный повергаю заявление,
Да будет благосклонно внимание к нему...

Внезапно пришел некто, как змея,
Свалился, как неожиданная беда.

Лег гнет на нас тяжелым камнем,
Погряз в тине горестей люд Касана.

Притеснением погубили меня,
Мое сердце разъято, как [лепестки] розы.

Обрушил на меня камни печали,
Исторг из глаз потоки слез.

Обрек на тяготы мое спокойствие,
Нагрузил невзгодами мою славу.

О Мах [Лунолика], я обременен семьей,
В обители бедности я несчастнейший из бедняков.

Выслушай просьбу мою и смилуйся,—
Да уйду я радостный и осчастливленный.

И возвеселим израненное сердце,
И до самой смерти будем поминать вас в молитвах.

Среди просьб о материальной помощи, обращенных к Надире, есть заявление поэта того времени Хиджлата, в котором он пишет:

مېنىم خېلىت دىعا گودر دمندى
يقيلىغان غرېت ايچرە مستمندى
كېلىب قېش ايكنىدە يوق پوستىنى
بو ايرمىشدور حقيقت سوزنى چىنى
نى باك اظهار ايتسام قىلماي احوال
الوغومغا قىلورمن عرض احوال⁵⁶

Я — Хиджлат-бедняк, творящий молитву,
Нуждающийся и поверженный среди бедствий.

Надвигается зима, а на плечах нет одежды.
Это — мои правдивые слова.

⁵⁶ Фотокопия узбекского дивана Надиры, лл. 181—182.

Разве боязно выразить [просьбу], не утруждая [ею].
Я ведь обращаюсь к великой [стоящей] надо мной.

Писавшиеся на имя Надиры заявления и жалобы были разнообразными. Некоторые из них были составлены в стихах, другие — в прозе или одновременно в стихах и прозе. Один человек из племени саид Мирза Абдурахман Ташбек-Кутлуг-оглы свое льстивое заявление начинает традиционным вступлением: «Заявление в следующем: сверкающая звезда чистоты гарема, красивейшая правительница страны целомудрия, рассудительная в море весны мудрости, говорящая в поэтических состязаниях остроумные четверостишия, горлинка дворца мелодичности в дастанах* красноречия, певчий соловей из сада изысканности, остроумный попугай из сладкой страны совершенства, звезда из созвездия непорочности, жемчужина целомудрия, цветок сада чистоты, скрытый завесой целомудрия соловей сада верности, любящая единение, чистая праведница, светило, освещающее миры, сверкающий на небе серп луны...» и т. д.⁵⁷

Льстивые восхваления— дань традиции, и они были освящены обычаем как ритуал обращения к лицам, высоко стоящим на социальной лестнице. Нас в данном случае интересует другое. Важен сам факт обращения к Надире с разнообразными просьбами, свидетельствующий о том, что к помощи Надиры как представительницы власти прибегали люди различных сословий, что она прислушивалась к прошениям и оказывала покровительство как простым труженикам, так и деятелям науки и искусства. Неслучайно в очень многих исторических источниках Надиру описывают как отзывчивого человека, отмечая при этом ее заботу об обиженных, ее незаурядные человеческие качества. По свидетельству современников, она была мудра и благородна более, «чем сто мужчин». Надиру называли «редчайшей женщиной эпохи». Писатель Аттар в книге «Тухфат ут-таворих» пишет: «Махлар-айим сидела под покровом стыдливой чистоты, она отверзла руку щедрости. В то время имя Надиры — редчайшей женщины эпохи — победило имя Хатама**. Она постоянно делала дары, открыла двери щедрости ученым и мудрецам, бедным и бесприютным.

* Дастан — героическая поэма.

** Хатам — легендарный герой, символ щедрости.

⁵⁷ Фотокопия узбекского дивана Надиры, лл. 145—146.

Она радовала сердца всех вдов и сирот. По внешности она — обладатель престола, по нраву — ангел, по доброте и благородству беспримерна»⁵⁸.

В некоторых исторических источниках сообщается о том, что в эпоху Надиры и при ее участии в известной степени развивалась и музыка. Древнее музыкальное искусство узбекского народа в этот период поддерживалось стараниями Надиры. При дворе были собраны музыканты и танцовщицы, во время торжественных приемов и на сборищах, где читались стихи, музыканты играли на бубнах, чангах, рубабх, тамбурах, гиджаках и других музыкальных инструментах, а танцовщицы исполняли красивые танцы. Хаким-хан Тура в произведении «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей») сообщает, что Мухаммед Али-хан в 1830—1831 гг. построил специальные помещения для музыкантов⁵⁹.

Покровительница различных культурных начинаний, Надира придавала большое значение развитию разных видов искусства. Любовь к искусству, в частности к музыке, нашла отражение и в творчестве поэтессы. В одной из газелей Надира так пишет о музыке и музыкантах:

وفاقانونیدین صوت و ترنم ایلا ای مطرب
بیاد دوستان عشاق بزמידه نوا کیلتور

Воспой в мелодии лад верности, о музыкант,
Напомни песню друзьям на пиршестве влюбленных.

В этих строках некоторые слова употреблены в двух значениях: мутриб — «музыкант» и «певец», канун — «закон» и «лад», савт — «голос» и «напев», нава — «мелодия» и «песня», ушшак — «влюбленные» или «мелодия».

Несмотря на то, что религия и шариат запрещали музыке, песни и танцы, женщины, подобные Надире и Увайси, занимались искусством и стремились выразить печаль своих сердец его языком. Увайси тоже умела перебирать струны и могла выразить с помощью их печальных звуков горести, надежды и стремления угнетенных в

⁵⁸ Аттар. «Тухфат ут-таворихи хоний» («Дар историям ханов»), Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР, инв. № 340, л. 229; А. Қаямов. «Қўқон адабий муҳити», стр. 233.

⁵⁹ Хаким-хан Тура. «Мунтахаб ут-таворих», л. 398.

то время женщин. Прелестные газели Надиры и Увайси о любви и верности перекладывались на музыку и завоевали известность в народе.

Во времена Надиры и, видимо, под ее влиянием в Кокандском ханстве значительно вырос интерес к литературе и в особенности к поэзии.

(37₁) تیغ زبانینگ اولدی مفتاح کنج دانش

«Меч языка стал ключом сокровищницы знаний»,— писала Надира, а неизвестный автор предисловия к ее таджикскому дивану сказал:

اقبال یافت فهم معانی زفطرتش
رونق گرفت شعر بلور و زمان او (4₇)

Благодаря своей проницательности она постигла,
в чем счастье.
В ее эпоху расцвела поэзия.

ДИВАНЫ СТИХОВ НАДИРЫ

Литературное наследие Надиры по своему объему и значению, идейным мотивам и художественным достоинствам является замечательной страницей нашей классической поэзии.

До недавнего времени литературоведам была известна только одна неполная рукопись дивана⁶⁰ (собрания стихов), подписанного псевдонимом «Надира» (что означает «Редкостная»). Этот диван содержит 109 газелей (из них 81 на узбекском и 28 на таджикском языке). В предисловии к этому дивану поэтесса пишет, что ее называли также и Камилой, однако газели под псевдонимом «Камила» не были известны. В результате изысканий, предпринятых автором настоящей книги, удалось

⁶⁰ На листах 1—52 этой рукописи (рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 4182) содержатся произведения Надиры, на листах 53—155 — газели, мухаммасы и рубаи других поэтов, на листах 155—229 — произведение «Шабистони хаёл» («Опочивальня мечты»). Научное описание этого дивана дано А. Каюмовым в статье «Надира» в журнале «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1958, № 2, стр. 35.

выявить в архивах Исторического музея 19 стихотворений, подписанных псевдонимом «Камила» (что означает «Совершенная»). Они оказались вкрапленными в рукопись стихотворений Фазли, переписанную в середине XIX века. Среди этих 19 газелей 11 написано на узбекском и 8 — на таджикском языке. При их сличении со стихами дивана Надиры оказалось, что стихи Камилы совпадают с газелями, подписанными псевдонимом «Надира». Эти факты убеждают, что «Камила» — второй псевдоним поэтессы.

Поиски творческого наследия замечательной поэтессы продолжались. В начале 1963 г. нам сообщили, что в личной библиотеке Мусаллам-ата Бабаханова — сына поэта Надима, жившего в конце XIX века в Намангане, имеется еще одна рукопись собрания стихов поэтессы на узбекском языке. Институт языка и литературы заинтересовался этими сведениями и направил автора настоящей работы в Наманган к Мусаллам-ате. Мусаллам-ата, любитель поэзии, узнав, что я работаю над изучением произведений Надиры, очень любезно и гостеприимно встретил меня. Зная, что к печати готовится полное собрание ее сочинений, он дал мне во временное пользование бесценную рукопись — сборник сочинений Надиры на узбекском языке, содержащий очень много стихотворений, ранее не опубликованных и не известных читателям⁶¹. Эта редкая рукопись позволяет составить более полное представление о литературной деятельности замечательной поэтессы.

Диван открывается большим предисловием, написанным Надирой, в котором даны обширные сведения о жизни, творчестве и общественной деятельности поэтессы. В нем собрано 180 стихотворений, или около трех тысяч стихотворных строк, из них 136 на узбекском и 44 на персидско-таджикском языке, подписанных псевдонимом «Надира». На лл. 271, 342 и 344 имеются две газели, один тарджибанд и один таркиббанд, подписанные псевдонимом «Камила». Среди газелей имеется 11 мухаммасов, содержащих 103 строфы, два мусаддаса в 11 строф, один мусамман в пять строф и одна фыракнаме в десять строф, а также стихи других жанров (тард-

⁶¹ Фотокопии этого дивана хранятся в Государственном музее литературы им. Алишера Навои АН УзССР, инв. № 921.

жибанды, таркиббанды и др.). Есть здесь также и мухаммасы на произведения Навои (лл. 279—280) и Бедля (л. 578), которые свидетельствуют о мастерстве и широте творческих возможностей Надиры.

Некоторые стихотворения вновь найденного дивана Надиры входили в состав ранее известного неполного дивана, хранящегося под инв. № 4182. Из 136 газелей на узбекском языке 61 входила в тот диван, а остальные 75 (1930 двустихий) до сих пор не были известны. Обнаруженный диван Надиры восполняет пробелы ранее известного дивана. В обоих диванах имеются написанные самой Надирой предисловия одного и того же содержания. Однако во вновь найденном диване предисловие полнее, нежели в диване под инв. № 4182.

В предисловии к дивану Надира сообщает о приведении в порядок своих узбекских стихотворений и собрании их в один диван следующее: «...Я писала на отдельных листках бумаги газели, мухаммасы и рубаи. И всем, кто читал эти листки, эти стихи нравились. В конце концов находящиеся у меня на службе ученые и мудрые подруги и мои прекрасные собеседницы-поэтессы однажды обратились ко мне с мольбой, говоря, что такое состояние этих листков не принесет ничего, кроме расстройства, и что пока эти разрозненные листки не стали добычей рассеивающего быстрого ветра, было бы красиво и одобрительно переписать их в порядке. чтобы наряду с диваном их высочества Амири был бы краткий диван, за который друзья возносили бы молитвы, и отпустили грехи, и который был бы для них источником радости и веселья. Волей-неволей я одобрила и приняла это достойное награды пожелание этих редких по нраву девиц и почтенных праведниц, предприняла шаги к собиранию, старательно и прилежно переписывала каждое стихотворение, и каждому нашлось место в общем расположении. Возможно, что друзьям и обладателям большой души они понравятся, и они вспомнят нас с благими молитвами:

رباعی

الوان غزلا، یغیلدی دیوان اولدی
دیوان دیمه کیم رشک گلستان اولدی

دسانکنده جهان تا با کا پرغ، ذلار تو خسته باشمنه پسندین مرغان

ز با جو مازدن تنیم پسنگا نه بک که تها پس فغانیم پسنگا

بایم با یا یکنگ دور اسر سهر و ناز فدا دور بو کشفته جانیم پسنگا

فراقینکده ایگه رواندور ندام کتا و هل اولغا ر، ایزیم پسنگا

نور کارسن پسیر جهانه بر دجانا تصدق بو جان جهانیم پسنگا

کلر ایزیم بو وادرا ای حای غذا بو نفوسیر استغونیم پسنگا

قران ایته غم کسکه مر جا یتمه: یقل عرض معترانیم پسنگا

خیل اجه هر نیس نظر ایلایم باقا رویده خون فنیم پسنگا

دسانکنده جهان تا با کا پرغ ذلار تو خسته باشمنه پسندین مرغان

قیام بار دینک اشکم دی سیر غلک سیر در کجولکا فرخ پندیر

در نیس که نهج جو زشنگا و چون مرآت کلیل ایجا در مرغ پر

بوزونک

هجرانیده سوزلاریم پریشان ایردی
هر کیم او قودی طبعی پریشان اولدی (10)

Рубаи

Пунцовые газели собраны, и получился диван,
Не называй диваном его, ибо это [предмет]
зависти цветника.
В разлуке мои слова были разрознены,
Каждый, кто читал их, огорчался.

Считая описки и ошибки извинительными, я должна признаться, что многие из стихов написаны с воодушевлением и даже в порывах кипения страсти, а некоторые — в приступах равнодушия.

Бейт

اوشال کیم هوشمند و نکته دانلدور
خطاسی خطلارین معذور توتقای
بیریب اصلاح انینگ نقصانلاریغه
مخالفی طعنه سیدین دور توتقای (7-10)

Бейт

Благосклонные обладатели острого ума,
Да отнесутся снисходительно к ошибочным писаниям.
Пусть исправят их недостатки,
И воздержатся от упреков».

На листах рукописи 13—63, 224—301 и 342—356 дивана Надиры собраны стихотворения поэтессы, а на листах 65—221—оды и марсии поэтов Хатифа, Хазыка, Хиджлата, Мушрифа, Фазли, Адо и др., а также оды и хронограммы, посвященные культурно-литературной деятельности Надиры. На листах 184—223 и 325—341 рукописи собрано 80 не известных до сих пор стихотворений современника поэтессы поэта Надіра. До настоящего времени мы знали только дастан «Хафт гушан» («Семь цветников»), посвященный Надіром Надире, но стихи поэта под псевдонимом «Надир» обнаружены впервые. Кем и когда переписана эта рукопись—неизвестно.

Как мы уже говорили, каллиграфически переписанный Хатифом на голубой бумаге, в роскошном переплете, украшенном изумрудными камнями, диван Умар-хана заканчивается следующим тарихом (хронограммой):

تاریخ برای ختم این نسخه زر
میخواست زممنشی خرد دوش جواب
اتمام کتاب پادشاهی با جهد
فرمود رقم برای تاریخ کتاب⁶²

Дата окончания этого золотого экземпляра
Требует от мудрого писца следующего ответа:

«Окончание книги падишаха со старанием»
И дает цифру завершения книги.

Строка «Итсмси китоби подишоҳи бо чаҳд» по счету абджад дает цифру 1239. Из этого следует, что книга написана в 1239 г. х. (1823—1824 христианской эры). В эти годы, как указывалось выше, было переписано много диванов. Диваны Надиры и Амири были переписаны, вероятно, в эти же годы. Следовательно, Надира уже в первой четверти XIX века была известна как автор дивана стихов.

Доктор филологических наук С. Ибрагимов подарил музею литературы тетрадку с некоторыми узбекскими и таджикскими газелями Надиры. Стихотворения в этой тетради переписаны в 1926 году в Андижане из рукописных источников. Среди газелей есть также образцы мусаддасов, мусамманов и тарджибандов.

В фондах музея литературы хранится также тетрадь, содержащая около 180 двестиший газелей Надиры, собранных поэтом Махджуром. Некоторые газели из этих источников — новые произведения, частично восполняющие узбекские диваны Надиры⁶³.

Некоторые газели поэтессы можно встретить в баязах и сборниках того времени.

Таким образом, до настоящего времени нам удалось собрать около 4 тысяч двестиший стихотворений на узбекском языке, подписанных псевдонимами „Надира“ и „Камила“. Однако мы не можем сказать, что выявлены полностью все произведения Надиры на узбекском языке, ибо если мы имеем свыше 20 газелей, оканчивающихся на рифмы или редифы с буквами «ت»

⁶² Фотокопия дивана, л. 76.

⁶³ Эти тетради хранятся в Музее литературы под инв. № 297.

(т), «م» (м), «ن» (н), то почти нет газелей и рубай, оканчивающихся на «ل» (л), «ع» (айн), «ف» (ф), «ق» (қ). Между тем Надира в предисловии к узбекскому дивану упоминает о том, что она в ранний период творчества написала много мухаммасов и рубай.

По свидетельству современников Надиры, был составлен также и полный диван ее произведений на узбекском языке. Диван этот еще не разыскан, и обнаружение его, несомненно, даст новые материалы для изучения творчества Надиры.

Очень важным источником для изучения биографии Надиры является поэма ее современницы Увайси — «Воқеоти Муҳаммад Али-хон» («События (жизни) Мухаммеда Али-хана»). До недавнего времени науке были известны псевдонимы поэтессы «Надира» и «Камила». Доктор филологических наук Азиз Каюмов, основываясь на вышеуказанном поэтическом произведении Увайси, сообщает, что у поэтессы был еще и псевдоним «Макнуна».

Увайси писала об этом так:

شاهلار اراسيده عمرخان
برنيچه كون سوردی دوران
مه پاره ایدی انینگ ضعیض
مکنون دو تخلصی لطیفی
فرزندلاریدین اولدی پیدا
محمد علی خان آتی براغلا⁶⁴

Среди шахов был Умар-хан,
Некоторое время царствовал он.

Лунолика была его женой,
С изящным псевдонимом Макнуна...

Появился у них сын
С прекрасным именем Мухаммед Али-хан.

⁶⁴ А. Каюмов. «Надира», «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1958, стр. 38 и диван Увайси, хранящийся в фондах ИВ АН УзССР, инв. № 1837, л. 213а.

Это обстоятельство позволило нам в 1959 году разыскать в рукописных фондах Института востоковедения им. Бируни АН УзССР еще один диван стихотворений Надиры на таджикско-персидском языке, подписанный псевдонимом «Макнуна» (означающим «Сокрытая», «Тайная») ⁶⁵. Произведение переписано в конце XIX века, в нем около 5000 двустиший. В диване 333 газели. Введение к нему написано неизвестным поэтом. Из-за отсутствия последних страниц невозможно выявить, кем он переписан. По утверждению анонимного автора введения, этот диван собран по приказу Надиры. Об этом здесь сказано: «Целомудренная подруга, жемчужина из моря совершенства, нашедшая воспитание под покровом султаната, в шатре благолепия, редкая драгоценность из раковины почитания и счастья, удостоившаяся восхваления больших и малых за дело защиты народа и подданных, превосходящая тысячу мужчин в написании приятных сердцу стихов и в их разумении женщина. Ее хорошие достоинства и похвальные качества бескрайни и неисчислимы. Однако вследствие того, что мне, рабу, пользовавшемуся ее милостями, хлебом-солью, говорить более об этой скрытой завесою гарема непорочности было бы невоспитанностью, я сокращаю свою речь. Одним словом, эта женщина, находясь в венце славы и величия, во время радости и воспламенения сердца писала свои многогранные стихи. За короткое время накопилось много разрозненных газелей, вот почему по высочайшему повелению эти стихотворения были собраны в сборник... По совету приближенных, глубоко понимающих поэзию и литературу, было решено назвать эту тайную жемчужину, скрывающуюся в раковине целомудрия, псевдонимом «Макнуна».

این نام شد بشعر نشان و بیان او
 آری تخلصیت موافق بشان او (37)

В стихотворениях это имя было указателем
 ее авторства.
 Конечно, ее славе этот псевдоним приличествует».

⁶⁵ Таджикский диван Надиры, рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 7766.

<p> زباید آرد کوی روزنما شای مرا سرو مولود قامت خورشید مالاک خنده می نشا خود این سپی پهای بخت اگر بر سه پستان او بد حکا ای خدا بی ل اندوه فرسای نیست غمخیزد در دودل معنی سخن </p>	<p> در خیال یا چون نظار و جاغم و چید را پیشه ایها فغان من معلوم نیست من غبار دامن خورشیدم از همت عشقم نه منید بر سر بر سر چه دون دل از می زود افشا شعر من کمنونه تا شهر دگر دازد </p>
<p> رستم بجایی که نایب خبر ما ای سبب جهان هیچ بود و نظر ما چون نقش با قوت نباشد ضرر ما از لوله نایب خبر ما </p>	<p> چون بوی گل ز خویسین سفیر ما بستم زخم چشم دل ز کشن ایام از صحت من می گویان زده نکر دو بسین نهانخانه کلبانک نهما شد </p>

Страница из персидско-таджикского дивана Надиры (фотокопия).

Введение к дивану и стихотворения написаны на кокандской бумаге обычным насталиком*. Газели расчленены на два столбца, промежутки между ними и поля раскрашены золотыми и голубыми линиями. Книга содержит 132 листа, страницы и обложка хорошо сохранились. Обложка сделана, вероятно, впоследствии, и на ней золотом вытиснено «*ملا محمد سخاى ۱۳۲۹*» («Мулла Мухаммад Саххаф, 1329»). Это говорит о том, что книга была переплетена в 1911 году вторично. Диван этот не окончен.

Исследованием установлено, что из 28 газелей на таджикском языке, которые вошли в узбекский диван (инв. № 4184), 26 входят в диван Макнуны (инв. № 7766). В первом диване эти газели везде подписаны псевдонимом «Надира», а во втором — «Макнуна». Кроме того, в вышеупомянутом диване Фазли имеется 8 стихотворений на таджикском языке, подписанных псевдонимом «Камила». Четыре из них вошли в диван, подписанный псевдонимом «Макнуна». Например, в диване Надиры под номером 4182 последний бейт газели, начинающейся строкой: «Боз он ки месузад дилам чун шамъи базм аз рафтанат» — «Вновь пылает мое сердце, словно свеча на пиру, из-за твоего ухода [из жизни]», гласит:

لعل خموشت در سخن خون ملاحظت ريخته
 نيرنگ و عياري بود از نادره دل بردنت (28)

Твой безмолвные губы пролили нежную кровь речи,
 Это колдовство и хитрость, что ты унес сердце
 Надиры.

А в диване под номером 7766 эта же газель заканчивается псевдонимом Макнуны:

لعل خموشت در سخن خون ملاحظت ريختند
 نيرنگ عياري بود مکنونهرا دل بردنت (21)

Твой безмолвные губы пролили нежную кровь речи,
 Это колдовство и хитрость, что ты унес сердце
 Макнуны.

И еще, если последний бейт в газели с редифом «сурх» («красный»), подписанной псевдонимом «Камила», звучит так:

* *Н а с т а л и к* — разновидность почерка буквами арабского алфавита.

چون کامله بنازم بر حسن ان شکر لب
کز وصف لعل اوشد در کام من زبان سرخ

Мне, Камиле, гордиться красотой этого сладкогубого,
Ибо от описания его мой язык стал красным,—

то в диване Макнуны под номером 7766 он выглядит следующим образом:

مکنونه می بنازم بر حسن آن شکر لب
(46т) کز وصف لعل اوشد در کام من زبان سرخ

Я, Макнуна, горжусь красотой этого сладкогубого,
Ибо от описания его мой язык стал красным.

Сравнивая газели, подписанные этими псевдонимами, мы находим в них лишь различия в отдельных словах или замену псевдонимов. Следовательно, некоторые стихи поэтессы, написанные на таджикском языке и подписанные псевдонимами «Надира» и «Камила», при составлении таджикского дивана поэтессы вошли туда под псевдонимом «Макнуна». Так как в этом диване переписчиком допущено очень много ошибок стилистического и грамматического характера, думается, что диваны, составленные при жизни Надиры и лично просмотренные ею, еще не найдены.

В некоторых баязах, хранящихся в рукописных фондах ИВ АН УзССР и переписанных во второй половине XIX века, также имеются газели Надиры на таджикском языке, подписанные псевдонимом «Макнуна». В баязе под номером 660 имеется около 250 газелей. В рукописи под номером 2090 из-за ветхости первых и последних листов сохранилось только 90 газелей.

Таким образом, в данное время нам известно более пяти тысяч стихотворных строк (на таджикском языке) под тремя псевдонимами: Камила, Надира, Макнуна. Всего до настоящего времени нам удалось собрать около десяти тысяч двустуших стихотворений Надиры на узбекском и таджикском языках.

Обнаружение двух ранее не известных диванов Надиры дало нам возможность глубже изучить творчество этой замечательной поэтессы. Как видно, Надира оставила большое литературное наследие также и на таджикском языке, но оно до самого последнего времени оста-

валось вне поля зрения наших литературоведов. Изучение таджикских газелей, которые по своему идейному и художественному уровню так же ценны, как и написанные на узбекском языке, имеет большое значение для более полного представления о творчестве Надиры.

Надира не случайно писала на таджикском языке. Большинство среднеазиатских поэтов, с благоговением относившихся к таджикскому языку, считало почетным долгом в совершенстве изучить таджикский язык и писать на нем свои произведения. Известный советский востоковед проф. Е. Э. Бертельс отмечал, что с XV века таджикско-персидский язык становится вторым литературным языком узбеков⁶⁶.

Надира в своем творческом совершенствовании последовательно проводила традицию классической литературы и создавала свои произведения на узбекском и таджикско-персидском языках. Этим самым поэтесса послужила делу укрепления вековой дружбы узбекского и таджикского народов, их солидарности и литературного единства.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ НАДИРЫ

Надира придерживалась традиций литературы прошлого. Она училась у великих мастеров поэтического слова, живших до нее, — Фирдоуси, Низами, Хафиза, Атайи, Навои, Бабура, Фузули, Бедиля, Зебуннисы и др. «Первым учителем» в творческом совершенствовании поэтессы был, несомненно, Алишер Навои. Именно он оказал наибольшее влияние на ее творчество.

Алишер Навои посвятил все свое искусство и мастерство народу и стране. Поэт призывал правителей к справедливости и заботился об образовании народа. Он клеймил позором усобицы, распри, вражду и лицемерие, восхвалял человеческие достоинства. Эти черты, занимавшие большое место в творчестве Алишера Навои, содержатся также и в творчестве Надиры. Надира создавала созвучные лирическим двустихиям Навои стихотворения. Например, у Навои сказано:

⁶⁶ Е. Э. Бертельс. Персидская литература в Средней Азии, «Советское востоковедение», т. V, 1948, стр. 227; двуязычные поэты были и до XV в. (вспомните автора «Мухаббат-намэ» (Книга любви) Хорезми — XIV в.).

توکاندی اشک گلگون ایمدی قالمیش زعفرانی یوز
فلک ظلمی بدل قیلدی خزان برله بهاریمنی⁶⁷

Прекратились розовые слезы, и стало шафранно-
желтым лицо.
Гнет судьбы заменил мою весну осенним листопадом.

У Надиры:

قزیل قاندور سرشکیم زعفراندور چه ره⁶⁸ زردیم
مینى کیم کورسه فرق آیتماس خزان برله بهاریمدین (356.)

Красная кровь — мои слезы, шафранна желтизна
моего лица,
Кто увидит меня, не отличит листопада от моей
весны.

В обоих этих двустишиях чувствуется единство ритма, стиля, сходство некоторых слов, единство замысла. В обоих двустишиях мы видим применение приема соположения слов. Для выражения чувств человека Надира пользуется методом параллелизма, встречавшимся и у Навои. В этом отношении характерен следующий пример:

Навои

قورقوتمه مینى تاموغدین ای زاهد یخ
جنت منکا بولغوسی دیبان اورمه زنج⁶⁸

Не пугай меня адом, о холодный аскет,
Не болтай, что лишь для тебя будет рай.

Надира

ایشانمه لافی محبتدین اورسه ایлка زنج
که بارحور عشق بیله زاهد ارسی یوز فرسخ (47.)

Не верь, если он болтает слова любви,
Ибо между любовью и аскетом сто фарсахов*.

У предшественника Навои иранско-таджикского поэта Хафиза есть двустишие:

⁶⁷ Алишер Навои. «Ҳазойин ул-маоний», т. I. Критик текстини нашрга тайёрловчи Ҳ. С. Сулайманов, Ўзбекистон ССР фанлар академияси нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 656.

⁶⁸ Там же, стр. 747.

* Фарсах — мера длины.

زاهد بطعنه گفت برو ترك عشق كن
محتاج جنك نيست برادر نميكنم⁶⁹

Отшельник [аскет] с укором сказал: «Отрекись
Нет, брат, не стоит, не отрекусь. ^{от любви!»}

Навои

قىلور جنون و قدح منعيني مينكا زاهد
ديكايمو تيلبه كا بو سوزنى بولمسا ابله⁷⁰

Запрещает любовь и бокал мне аскет,
Разве говорил бы такие слова, если он не
сумасшедший?

Современница Надиры — Увайси отвечала отшель-
никам, проповедовавшим отказ от мирских наслаждений:

Сказал отшельник-аскет: отрекись от своей любви,
Зло исходит от любви — зато для меня она услада.

Как и ее предшественники, Надира выступала против
религиозных догм и реакционных мистико-богословских
идей, тормозящих развитие человеческого сознания, про-
тив предрассудков и обычаев, душивших свободу жен-
щин:

ترك عشق ايت ديدى مينكا زاهد
ديمادى هيچ تيلبه مونچه قبيح (431)

Сказал мне ревностный фанатик: откажись от любви,
Ни один сумасшедший не говорил никогда более гнусно.

При всем сходстве приведенных выше двустихий
между ними имеются и различия: если в двустихиях
Навои отшельник запрещает любовь и вино, то в дву-
стихиях Хафиза и Надиры отшельник призывает к от-
казу только от любви.

Хафиз, Навои и Атайи общепризнаны как певцы
мирских благ. Например, Атайи прославлял красоту ист-
инной жизни:

⁶⁹ Хофиз. Девон, фонд Музея литературы, инв. № 28, л. 252.

⁷⁰ Алишер Навои. «Ҳазойин ул-маоний», т. 1, стр. 553.

سراغنىكده بيا بانلار كيزيب بى پواسر يوردوم
قويوندىك چرخ اوروب جسميم غبارين كوكتا ساوردوم
سمن عزم ايلاب كيتارغه مين بولوب بيمار قايغوردوم
كونكل جان برله باردى هر هينك مين درد ايله نوردوم
سينكا جان برله كونكلومنى سيني تينكريكا تاپشوردوم

وداعينكى قىلوردا كويدى جانيم خيربادى دين
فلك سقى قاراردى دود آهيم نينگ مداديدين
چشان ظلمت سر ايبى دود آهيم امتداديدين
نشان دور تيره بولغان اختر بختم سواديدين
توگانلار كيم فراقينك اونيدين غم شامى كويدوردوم...

ضرر قىلماس محبت اهلينغه اغيار نينك طعنى
ايرور بدخواه لار نينك گفتم و گويى برچه بيمعنى
بوكون اى نادره باشدين قويوب ناج مرصعنى
مكان گلخن كولين قىلدى نو ايبى تىلبه ديك يعنى
جنون تاراچيدىن آخر قراتفر اققه اولتوردوم.⁷²

В расспросах о тебе я бродил в пустыне гол и наг,
И налетел дикий вихрь, и взметнул мой прах к небесам.
Когда ты в путь ушла, я стал немощным и горевал.
Душа и сердце стали [твоими] спутниками, я стоял, объятый горем.

Их отдал я тебе, а тебя поручил богу.

Когда ты прощалась, сгорела моя душа от [этого] прощания,
Свод небес потемнел от дыма моих вздохов.
•Весь мир — чертог мрака из-за дыма моих бесконечных
вздохов,

Остался лишь темный след от звезды моего счастья.
Клейма от огня разлуки я разжигаю, как светильник скорби...

Влюбленным не приносят вреда укоры соперников,
Болтовня зложелателей всегда бессмысленна.
Сними, о Надира, с головы драгоценный венец.
Пепел костра сделал Навои своим пристанищем, словно
безумный,
Безжалостность безумия превратила его в черный прах.

⁷² Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 280.

Когда поэтесса писала тахмис на газель Навои, она стремилась развить его мысли и расширить художественную задачу, поставленную ее великим предшественником. Характерно, что в мухаммасае обращение Навои к возлюбленной остается без изменения в своем значении, причем Надира адресует его к влюбленному, применяя форму поэтического состязания. Тем не менее гармоничность стихотворения обеспечивает единство всего целого, и художественное задание разрешается силой таланта двух художников слова:

قاشنيك ياسى تمناسيدهوز پيوسته قديم خم
 يوراك زخميفه مرحم ايتساب ايتماس من ترددهم
 كونكل ناوك لارينكنى زخميدىن راحت تاپارهردم
 ياغاچ برله باشاق كيم تنده قالميش اولدورور مرحم
 جنوندين كيم فراقينك اولقلارين جسميده
 سيندوروم (280)

Нежность твоих сросшихся бровей согнула мой стан,
 Я даже не стану искать противоядия против отравы
 сердца,

От яда твоих стрел [ресниц] сердце находит
 отдохновение,

Их наконечники — живое древо, и они сами исцеляют,
 Это от безумия сломал я стрелы разлуки с тобой.

В первой строке этого стихотворения стан влюбленного уподобляется букве арабского алфавита «ح» (ха), а брови возлюбленной — букве «ى» (яй). Уподобление страдающего и тоскующего человека согнутому луку стало традицией. Во втором двустишии сердце признается, что оно ранено стрелой, выпущенной из лука, и говорит, что не хочет искать лекарства для избавления от этой боли, потому что от яда стрел (ресниц) возлюбленной сердце может обрести покой. В третьей строке также продолжают и развиваются образы лука, стрелы и раны из первой и второй строк. Надира в этих трех строках неразрывно связывает свои мысли с высказываниями Навои, а затем выводит из них дальнейшее продолжение. В вышеприведенной третьей строке поэтесса ссылается на Навои в разъяснении, почему сердце обретет покой. Таким образом, четвертая строка этой стро-

фы, т. е. первая строка двустихия Навои приобретает такое звучание:

ياغاچ برله باشاق کيم تنده قالميش اولدورور مرهم

(Их наконечники — живое дерево, и они сами исцеляют). И в пятой строке также эта мысль продолжается: здесь говорится, что сколько бы ни мучали влюбленного застрявшие в сердце стрелы разлуки, однако они дают покой и отдохновение пылающему от любви сердцу.

Под благотворным влиянием Навои в творчестве Надиры постепенно укреплялись мотивы любви, верности и преданности, милосердия и снисхождения к человеку, стремления к свободе и справедливости, осуждения феодальной морали. Перелистывая произведения своего учителя и создавая свои, Надира стремилась возвыситься до идеалов творчества Навои.

قصه فرهاد و مجنون قالدی مینهم عشق ارا
(348₂) نادره برجانگداز افسانه بنياد ايلارام

Повесть о Фархаде и Меджнуне осталась, и я
в любви,
Надира, сама составлю легенду о расплавленном
сердце.

Надира — талантливый и умный ученик своего великого учителя. Она продолжает лучшие, благородные традиции его творчества. У Навои сказано:

بو گلشن ایچره که یوقتور بقاگلیگا ثبات
عجب سعادت ایرور چیقسه یخشی لیک بیله آن

В этом цветнике нет устойчивости для цветка
вечности,
Если выпадет счастье, то это — доброе имя.

Надира, как бы перекликаясь с Навои, пишет:

خوشا عاقل که ایلاب یخشیلیق بنیادینی محکم
(36₂) اونار بو دیرفانیدين اوزیتی نیکنام ایلاب

Хорош и умен тот, кто заложит прочное основание
добра,
Уйдет из этого бренного мира, оставив по себе
доброе имя.

По творчеству Надиры можно видеть, что она благотворно использовала также свои познания в области поэтического наследия крупнейших представителей восточной классической литературы Хафиза и Бедиа. Это ясно можно видеть и на страницах дивана Макнуны, и в ее мухаммаса, посвященном газели Бедиа.

Надира стремилась овладеть языковым богатством персидского и таджикского народов, чтобы уметь выразить в своей лирике тончайшие смысловые оттенки, прекрасные образы, обогатить свое мастерство новыми художественными средствами. Эти ее устремления нашли свое отражение в мухаммаса, написанном на газель Бедиа.

Влияние поэзии Бедиа на литературу народов Средней Азии крайне велико. До последнего времени в таких городах, как Ташкент, Коканд, Бухара, Андижан, Хива, Самарканд, Наманган, устраивались вечера литературного чтения и комментирования поэтических произведений Бедиа. Изучение влияния поэзии Бедиа на узбекскую литературу требует специального исследования.

В XIX веке в Средней Азии широко распространилось литературное наследие великого азербайджанского поэта Фузули, и его лирические газели в известной степени оказали влияние на узбекскую литературу. Надира также с большим почтением относилась к Фузули. Когда она писала «назирэ»* на его стихотворения, то с целью сохранения рифмы она вводила в стихи также некоторые элементы азербайджанского языка.

Для сравнения приведем образцы из схожих газелей Фузули и Надиры.

Ф у з у л и

ای کونکل یار ایسته جان دین کیچ
سر کوین کوزات جهان دن کیچ⁷³

О сердце, ищи любимого друга, откажись от жизни,
Отдай все, откажись от мира.

* Назирэ — творческое подражание произведению какого-либо поэта, своеобразный отклик, «ответ» на него.

⁷³ Мухаммад Фузулини асарлари, т. I, Азәрбајҹан ССР Элмәр Академијаси нәшрийәти, Бақы, 1958, стр. 102.

Надирә

- (42,) وصل يار ايستاسنك جهاندين كيچ
هرنه مقدورينك اولسه آندين كيچ

Если жаждешь свидания с другом, откажись от мира,
И откажись от всего самого дорогого.

- (41,) ای کونکل یار اوجون جهاندين كيچ
هوس باغ و بوستاندين كيچ

О сердце, откажись от мира ради друга,
Откажись от сада желаний.

Фузули

کیمسهده رخسارينه طاقت نظاره یوخ
عاشقی اولدوردی شوق بر نظره چاره یوخ⁷⁴

Если у кого нет терпения видеть ее лик,—

Страсть погубила влюбленного, и ничто [значит]
не поможет.

Надирә

- (45,) یار کیراک عاشقه مينده سیور یار یوخ
دردو غمیم بیعدد سورغالی غمخوار یوخ

Друг нужен влюбленной, у меня нет любимого

Мой боли и печали бесчисленны, некому друга.

позаботиться об этом.

Фузули

نی کمی مردم که بزم و صلینی یاد ایلام
تا نفس باردور قوروق جسمیمده فریاد ایلام⁷⁵

Каждый раз, как вспомню я пиршество свидания,
Я буду стенать, пока есть дыхание в моем иссохшем теле.

⁷⁴ Мухаммад Фузули асарлари, т. I, Азербайжан ССР Элмлер Академияси нэшрийяты, Баку, 1958, стр. 107.

⁷⁵ Там же, стр. 245.

Надира

مین که فرقت تونلاری اول گل یوزین یاد ایلارام
بلبلدی دورمن خزان فصلیده فریاد ایلارام

Когда я вспоминаю среди ночей разлуки то цветущее
лицо,
Я испускаю стоны, как соловей в период опадания
листьев.

هر فچان کیم اول پریوش وصلینی یاد ایلارام
چرخ بنیادینی بر آه ایلا بر باد ایلارام (348₂)

Всегда, когда я вспоминаю свидание с тем ангелом,
Я вздохом своим разрушаю основы небосвода.

О связи узбекской и азербайджанской литератур той эпохи свидетельствует также то, что многие поэты Азербайджана — современники Надиры — были близко знакомы с ее произведениями и черпали вдохновение из этого источника.

Так, газели Надиры, начинающейся строками

ای صبا رازدلمنی بیخبر یاریمغه ایت
دردیغ کونکلومنی احوالینی دلداریمغه ایت (27₁)

О, утренний ветерок, расскажи о моем сердце
не ведающему [о нем] другу,
О моей скорбной душе, о моем [бедственном]
состоянии расскажи любимому,

близка по содержанию газель азербайджанской поэтессы Хейран-ханум Думбули:

ای فلك دردو غم شرحینی جانانه یتور
ثبت قیل ملک خراجینی اوسلطانه یتور⁷⁶

О небо, донеси до любимого повествование о моей
скорби и печали,
Опиши мои утраты и султану [моему] сообщи.

⁷⁶ Хейрон ханым. Сечилмиш асэрлэри, Бақы, Азербайджан, 1951, стр. 27.

В поэтическом искусстве Надира придерживалась передовых традиций восточной классической лирики, неустанно изучала их и совершенствовала свое мастерство. Вместе с тем талантливая поэтесса собирала замечательные благоухающие букеты из цветника своих слов и оживляла их дыханием и голосом своего времени.

Тематический круг лирических стихотворений в диване Надиры широк и разнообразен, в нем нашли отображение богатые впечатления поэтессы от жизни, внутренние переживания и в известной мере ее отношение к социальным явлениям. Идейное содержание лирики Надиры проникнуто интересом к земной любви, духом гуманизма. Сердцевину ее творчества составляют возвеличивание человека, воспевание его прекрасных качеств, высокого пафоса любви, верности и преданности, боли разлуки, стремления к свиданию. Певица любви, верности и преданности, Надира во введении к узбекскому дивану приводит следующее четверостишие.

يارب بوسواد عشقه صادق بولغاي
اقبال بياضيغه موافق بولغاي
عشق اهلينى خاطرى بولوب خوش اندين
(92) مقبول طبيعت خلایق بولغاي

О боже, будь неизменен в любви к этим письмам,
Да будут они подобающими баязу счастья.
Да возрадуется от них дух любящих
Пусть будут они по праву людям...

Классические поэты отводили большое место в своих произведениях теме любви. Однако в рамках тематики, традиционной для жанра газели, они стремились отразить не только чувства любви как таковые, но и те мысли и идеи, которые они не могли в условиях своей эпохи выражать иными средствами,— о несправедливости, тирании, лицемерии и ханжестве духовенства, о попрании человеческих прав и достоинства людей.

Знаменитые представители узбекской классической литературы Атаи и Лутфи, Саккаки и Амири выдвигали в поэзии жизнеутверждающие мирские мотивы прославления красоты и совершенства человека. В поэзии великого Алишера Навои тема искренней любви, верности и

безграничной преданности достигла своей вершины. В творчестве Навои красота, достоинства и героизм женщин, их искренняя любовь к другу и к реальной жизни, мотивы материнского сердца очень мастерски и конкретно воспеты в живых строках.

Надира, изображая в своем творчестве человеческую любовь, стремилась глубже раскрыть сущность самых сложных и нежных человеческих чувств и придать им в некоторых случаях социальное звучание. «Одним из важнейших достоинств творчества Надиры,— говорит проф. В. Захидов,— является то, что у поэтессы сильны фантазия, полет мыслей, стремление к воле и свободомыслию. Она стремится глубже раскрыть и широко отразить сложную человеческую психологию, внутренний мир и тонкие чувства, воспевает с помощью замечательных средств человеческую любовь. Эти искренние чувства она иногда противопоставляет религиозным догмам и набожности, увязывает их с некоторыми социальными проблемами. Это свидетельствует о том, что положенная в основу ее творческой деятельности и воспетая ею любовь понималась широко»⁷⁷.

جهانده بويلاکه بولميش مين عشق آيينهسى
(30.) مينکا زياده بولور يار حسنيدين حيرت

В мире [случилось] так, что стала я зеркалом
любови,
И ни к чему мне восхищение красотой друга.

Этот пример чрезвычайно показателен для творчества Надиры как в плане ее отношения к традиционно описываемой в газелях любви, так и для уяснения того скрытого подтекста, который всегда мог присутствовать в газелях под видом описания будто бы только любовных переживаний. Приведенный бейт содержит «дерзкий» подтекст. Известно, что «подтекстовый» смысл, который связывался со словом «яр» («друг», «возлюбленный»), заключал в себе указание на бога. «Лукавый» подтекст — одна из характерных особенностей жанра газели, и эта особенность представлена и в творчестве Надиры.

⁷⁷ В. Захидов. Узбек адабиёти тарихидан. ЎзССР Давлат бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1961, стр. 177.

Жизнь без любви в глазах Надиры лишена всякого смысла и прелести. Вот почему она так категорично восклицает:

محبت سيز کيشی آدم ایماسدور
(28۱) گر آدم سن محبت اختیار آیت

Человек без любви — не человек,
Если ты человек — предпочти любовь.

В этом двустишии подчеркивается, что любовь является истинным достоинством настоящего человека. Надира воспевала не всякую любовь, а только искреннюю, идущую от всего сердца. По мнению великого русского критика В. Г. Белинского, «любовь к женщине — высокое чувство. Однако она истинна только тогда, когда идет не от ума, а от сердца»⁷⁸.

В связи с этим необходимо подчеркнуть широту диапазона образов Надиры. Если в произведениях некоторых лирических поэтов прошлого тематический круг ограничивался только лирическими чувствованиями влюбленного и возлюбленной, то Надира, выражая переживания женского сердца, часто вкладывала в свои стихи и иной, более широкий, смысл.

В эпоху Надиры судьба женщин была тяжелой и трагической. Они были угнетены и физически, и нравственно, были лишены права любить и быть любимыми. Их судьба находилась в распоряжении отцов, братьев и мужей и часто решалась жестоко, безжалостно. Их выдавали насильно замуж в очень юном возрасте под паранджой. Такую жизнь — жизнь, прошедшую без любви, Надира считала беспельной и бессмысленной. В своих лирических газелях она стремилась показать, какое глубокое и могучее воздействие оказывает любовь на жизнь человека:

جهانده نادره عشق اختیار آیت
(24۱) محبت سيز کیچورگان حیف اوقات

В мире, Надира, надо любить,
Жизнь, прошедшая без любви, растрочена попусту.

⁷⁸ В. Г. Белинский. Собрание сочинений, М., 1948, т. 3, стр. 9.

Бесправие женщин ранило нежное сердце поэтессы, она безгранично страдала за своих подруг и сетовала на их тяжелую судьбу. В своих стихах она затрагивала и проблему равноправия в любви, выражала протест против существующего неравенства, видела в любви средство возвеличения человека:

کویوب ای نادره عالم ایلیگا
محبت شیوه سینی آشکار ایت (281)

Заботясь о роде человеческом,
Открой ему, Надира, язык любви!

هر کیمده اگر بار ایسه آثار محبت
ایلار انکا محبوب لار اظهار محبت

راحت تیلاسنک عشق بناسینی پناه ایت
آسوده ایرور سایه دیوار محبت (572)

Если у кого есть в сердце след любви,
То и любимая ответит любовью.

Коль желаешь счастья, лелей здание любви,
Принесет покой тень стены любви.

Любовная лирика Надиры благодаря своей певучести и искренности чрезвычайно популярна в народе.

В своих газелях на таджикском языке, в которых воспевается любовь, она высказала очень оригинальные для своего времени мысли. Например, в газели с редифом «муҳаббат» («любовь»), где говорится: «мое печальное сердце — источник любви», поэтесса проявила себя как вдохновенная певица высоких человеческих чувств. Художница слова, воспевавшая в условиях господства феодальных отношений любовь, умение ценить близкого человека, действительно достойна уважения народа и в наше время.

ای زلف سیاه توشبستان محبت
انوار جمالت مه تابان محبت
بی حرف خوشت زنده کیی نیست بدلها
جانان لبعل توبود جان محبت

باشد رخ تومعدن رعنائی و خوبی
باشد دل غم پرور من کان محبت

افغان و غم وآه و جفا و ستم و داغ
این است بدوران تو سامان محبت

تاچند کنی خاک مذلت بسرما
ای جان محبت مشکن شان محبت

خواهی ستم و ظلم نماخواه عنایت
(417) مکنونه بود بنده فرمان محبت

О, твои черные кудри — опочивальня любви,
Сияние твоей красы — сияющая луна любви.

Без твоих сладких слов нет жизни сердцам,
Твои рубиновые губы — душа любви.

Лицо твое — источник миловидности и красоты,
Мое печальное сердце — источник любви.

Стоны, горести, вздохи, муки, притеснения,
огорчения —
Вот что вижу от твоей любви.

Любовь гонит меня в пустыню безумия.
Твои жестокости разбили чашу любви.

Доколе будет сыпаться нам на голову прах?
О душа любви, не разбивай славу любви.

Окажешь ли жестокость, окажешь ли милость,
Макнуна — все равно пленница велений любви.

Образы лирики Надиры изящны и совершенны. Тонкость мастерства поэтессы необычайна. Перед узбекским литературоведением стоит большая задача — изучить мир образов Надиры, их своеобразие и самобытность.

Поэтесса отстаивала право женщин на любовь и верность, на то светлое чувство, которое дарит человеку возвышенная любовь. Она говорила: «Даже если бы у меня была вечная жизнь, моя рука всегда бы держалась за полу верности». Она воспевала верность и предан-

ность, лежащие в основе любви. Без такой любви, по ее мнению, жизнь не имеет смысла. Н. Г. Чернышевский писал: «Равноправие влюбленных проявляется в их почитании друг друга людьми, в их равенстве»⁷⁹. Аналогичные мотивы мы видим и в творчестве Надиры:

ای خوش آن عاشق که در کوی وفا
(48г) جان خود تسلیه جانان میکند

О хорош тот влюбленный на пути верности,
Который душу свою положит за красавицу.

Современница Надиры поэтесса Увайси называла влюбленного, отказавшегося от предмета своей любви и не сдержавшего обета верности, «безбожником», «вероломным»:

جان فیدا بولسون انکا کیم بولدی جانیدین جدا
کیمکه مهر یاردین تانور که ایماندین جدا⁸⁰

Стала жертвой жизнь того, кто ее лишился,
А кто отказался от любви друга, — лишен веры.

Обе поэтессы утверждали, что именно в любви, верности и преданности — человеческое счастье и радость жизни. На слова великого Навои — «Пусть верность станет твоим девизом» поэтесса отвечала:

بولسه تا عمر و حیاتیم باقی
(11) مینى ایلکیم دورو دامان وفا

Если бы жизнь моя была даже вечной,
Мое первое требование — верность.

Однако в период господства реакционной мусульманской идеологии поиски счастья и верности наталкивались на преграду, часто оставаясь лишь мечтами. Горькие размышления об этом можно найти в произведениях Надиры и Увайси: «Верность — это редкая драгоценность, которую не сыщешь в мире».

⁷⁹ Н. Г. Чернышевский. «Что делать».

⁸⁰ Увайсий. Девон, л. 9.

جهان مکاره زال بیوفادور
وفا برله کونکلنی قیلمادی شاد (52₁)

Коварный мир — неверный искуситель,
Не обрадовал сердце верностью,—

писала поэтесса.

Надира в своих произведениях сетовала на изменчивость судьбы, на неверность возлюбленного и причиняемую ей боль. Следует иметь в виду, что «измена» любимого мужчины в том мире, где властвовал ислам, была узаконена религией. Поэтому сердце женщины, действительно любившей своего избранника, было осуждено на постоянные муки ревности и терзания. Тем более побеждающее звучание получают стихи женщины-поэтессы, воспевающей верность и постоянство в любви. Примечательно в этом смысле стихотворение на таджикском языке с редифом «Чи мепурсӣ» («Что спрашивать?»).

زهجرائت بدر دونه گرفتارم چه میپرسی
بداغ عشق همچون لاله افکارم چه میپرسی
اگر صد ظلم آید از بسلاها رو نگردانم
بتیغ ناز کشتن را سزاوار چه میپرسی (131₁—130)

От разлуки с тобой я охвачена скорбью и печалью;

что спрашивать [об этом]?

Терзаниями любви полны мои мысли; что спрашивать
[об этом]?

Если даже сто бедствий грозят мне за это,

не отверну лица,

Я готова быть убитой клинком лукавства,

что спрашивать [об этом]?

В личной жизни Надиры также не было истинной радости. Однако мотивы безнадежности чужды ее творчеству. Наоборот, хотя ее «тело было изранено клинком мучений судьбы», торжество всепобеждающей любви продолжает оставаться главной темой ее лирики.

ایرور عشق و محبت مدعا ایجاد عالمدين
غرض بو جذبۀ توفیق دور کون و مکاندین هم (348₂)
محبت کشوری آباد ایرور اقبال جاہمده
تانک ایرماس بولسه لار عشق و جنون اهلی پناهیمده

محبت کشوریده دستکاهیمنی تماشای قیل
(241) ملکنی گردنی باغلیق کمند دود آهیمده

Любовь и привязанность — это то, о чем я всегда молю
творца,

И это — самая притягательная цель в мире.

Любовь — обетованная страна моего счастья и надежды,
И не удивительно, если одержимые любовью и безумием
найдут у меня прибежище.

Обозри мое могущество в стане любви,
Дым моих вздохов связал небосвод.

موج ینکلخ سوغه سال یاشمع ینکلخ اوتلاره
(352) عشق ایچره هر نه بولسه بنده فرمانیگم

Брось [меня] в воды, бурлящие волнами, или в пламя

свечи,—
Что бы ни случилось в [моей] любви, я — раб твоих
повелений.

В лирике Надиры мастерски изображаются стремление влюбленных к соединению друг с другом, мучения верных сердец в огне разлуки и постоянство верности, торжествующее над тысячами различных препятствий. В газели, начинающейся строкой «Дило ба ишқи бутон толиби вафо мебош» («О сердце, будь взыскующим верности в любви к [своим] кумирам»), говорится о том, что залогом любви являются верность и преданность:

دلا بعشق بتان طالب وفا میباش
همیشه بر در اهل وفاگدا میباش
خوش است شیوه بیگانه کی زبیدردان
بهر دلیکه بود درد آشنا میباش
وفا شکفته گلی گلشن محبت اوست
(89г) بهر طریق تو مکنونه در وفا میباش

О сердце, будь взыскующим верности в любви

к [своим] кумирам,
Будь всегда просителем у дверей тех, кто предан

верности.

Держись дальше от самодовольных,

И води дружбу с каждым сердцем, в котором есть

горе.

Верность — это цветок в цветнике любви,
Любой ценой будь верна в любви, Макнуна.

Надира в газели, начинающейся словами «Он ки» («Тот, который»), мастерски использовала прием контраста, противопоставления беспечного и коварного возлюбленного и несчастной влюбленной, сохраняющей ему верность и томящейся в разлуке:

آنکه دل سزک و ستمکار و جفا جوست توئی
آنکه ما'یوس بالادیده زارست منم
آنکه خورشید بود در فلک ناز توئی
(1117) آنکه چون سایه سیه روزنگارست منم

Жестокосердый губитель и мучитель это — ты,
Тот, кто страдает в беде отчаяния, это — я...
Солнце на небосводе капризов, это — ты,
Тот, у кого почернело лицо от тебя, — это я.

Аналогичные мотивы мы находим в стихотворении одного из современников поэтессы — поэта Гази, которое также построено посредством приема противопоставления:

همه جور و جفا مهر و وفا آن از تو این از من
زدن سزک ستم دایم دعا آن از تو این از من
کشیدن تیغ فهر و گردن تسلیم خم کردن
81 کمر بستن بکین صدمر حبا آن از تو این از من

От тебя — жестокость и мучения, от меня — любовь
и верность,
Удары камней притеснения — от тебя, вознесение
молитв — от меня.

Тебе [суждено] заносить меч гнева, мне — покорно
склонять шею,
Ты замышляешь дурное, а я [посылаю] сто
благословений.

Лирика Надиры питалась соками классической поэзии. Как бы перекликаясь со строками Навои

⁸¹ А. К а ю м о в. «Ғозий», ЎзССР фанлар академияси нашриёти, Тошкент, 1959, стр. 18.

که عشق اهلیدین اولغای داستانی
محبت خیلیدین قالغای نشانی

Да живет повесть о влюбленных,
Да останется [в мире] след приверженцев любви,

Надира пишет:

(108r) از کتاب عشق چندین داستان دارد دلم
همچو داغ لاله از سودا نشان دارد دلم

(57r) در محبت بوالعجب افسانهها انگیختم
در جهان آوازه این داستانم میرود

Из книги любви много поэм появилось у меня в душе,
Пунцовые, как маки, следы переживаний испещрили
сердце.

Я вызвала к жизни удивительные сказания о любви,
И слова этой поэмы распространяются по всему миру.

В газелях Надиры, в ее проникнутых печалью строках много мотивов автобиографического характера, и это, конечно, легко объяснимо, если учесть, что положение женщины, даже столь высоко стоявшей в обществе, как Надира, было нелегким в эпоху господства мусульманского фанатизма и безграничной власти духовенства. Поэтесса в своем собственном «я» видит не только себя, но и всех женщин своей эпохи, угнетенных и приниженных. Лирику Надиры можно назвать голосом скорбящего сердца, повестью правды. Мы вправе сказать, что жалобы и стоны в лирике Надиры окрашены известным социальным оттенком.

В написанной в подражание Бедилю газели с редифом «оташ аст» («огонь») она ярко изображает бездонную пропасть между желаниями пламенного сердца и противоречиями жизни:

بی تو در بزم طرب موج شرابم آتش است
بی می لعل لبث نقل و کبابم آتش است
وصل مشکل یار بی پروا فغانم بی اثر
دوستان رحمی که درجان خرابم آتش است

از تب و تسابی دل زاره میپرس ای همنفس
 شمع هجرانم تبسم داغست و تبسم آتش است
 زاهد خشك از چه میپرسی ز حال زار من
 سینۀ پر حسرتی دارم جوابم آتش است
 در کلامم نیست مکنونه بغیر از سوختن
 دفترم مجموعه داغ و کتابم آتش است (41r)

Без тебя на веселом пиру вино мое — огонь,
 Без вина рубинов твоих губ закуска и шашлык —

огонь.

Свидание [с тобой] недостижимо, любимый
 равнодушен, стоны мои безответны.

Сжальтесь надо мной, друзья, в моей истерзанной
 душе огонь.

Не спрашивай об огне, испепелившем мое сердце,

о друг,

Разлука — свеча для меня, разочарование — жар,

все — огонь.

Жестокий отшельник, почему ты спрашиваешь меня
 о причине моего горя?

Грудь моя полна скорби, поэтому ответ мой — огонь!

В словах Махнуны нет ничего, кроме горения,

Моя тетрадь — собрание скорбей, а книга моя —

огонь!

В период, когда жила Надира, условия и окружающая среда были очень сложны. Это не могло не оставить своего отпечатка на творческой деятельности поэтессы. Очень характерна в этом отношении газель с редифом «Этиб кет» («Уйди»).

کیل دهرنی امتحان ایتیب کیت

سیر چمن جهان ایتیب کیت

بسی دردلارینک جفالاریدین

فریاد چیکیب فغان ایتیب کیت

عالم چمنینی بلبلی سین

گل شاخیده آشیان ایتیب کیت

ای اشک کوزیمنی مکتبی دین

حیرت سبقین روان ایتیب کیت

مقصودنه ایدی جهانہ کیلدینک
(531) کیفیتنی بیسان ایتیب کیت

Испытай прелести жизни мира и — уйди,
Соверши путешествие по его цветущему саду
и — уйди.

От жестоких обидчиков,
Стеная, уйди.

Ты соловей сада мира,
Свей свое гнездо на цветущей ветви

и — уйди.

О слеза! В школе моих глаз
Усвой урок изумления и — уйди...

С какой целью явился ты в мир,
Поведай о ней и — уйди.

Эта газель может служить эпиграфом к творчеству поэтессы.

Надира воспевала жизнь и счастье человека. Она хорошо понимала, что человек достоин счастья на земле. Поэтесса обращалась к своим современникам с вопросом: «Какими делами ты подтвердил свое звание человека, с какой целью ты пришел в этот мир, выскажись об этом».

Приведенная выше газель уже в свое время получила очень широкую известность благодаря своей содержательности, певучести и музыкальности. Поэты-современники и жившие позднее поэты — Залили, Хадими, Надим, Раджи и др. — написали мухаммасы на эту газель.

Надира призывает стремиться к добру, к преодолению горестей, печалей. Очень характерна в этом отношении газель поэтессы с редифом «Гузар аст» («Пройдет»).

کار خود را بوقت باید کرد
فرصت روزگار گذر است
صبر کن تا فرح بدست آید
پیچ و تاب خمار در گذر است
ای فلک بر شکوه خویش مناز
این همه کی رودار در گذر است
دهر آینه است مکنونه
(19r) هر که گردد دوچار در گذر است

Дело нужно делать своевременно,
Ибо удобный момент пройдет.

Если будешь терпелив, придет радость,
И горькое похмелье пройдет.

О небосвод, не гордись своим величием,
Ибо всяческая суета пройдет.

Макнуна, мир — это зеркало,
Кто [в нем] ни встретится, пройдет!

Поэзия любви у Надиры неразрывно связана с ее безграничной любовью к родной стране. В ее газелях созданы живые картины красот родного края, зарисовки отдельных явлений природы, несущих человеку радость и свет.

В своих лирических газелях Надира отображала оптимистические и гуманистические идеи, созвучные прекрасным картинам природы, с помощью красивых оригинальных сравнений, уподоблений, гипербол и других художественных средств. Она художественно живописует душевную красоту человека на фоне красот природы, а его внутренние переживания — в неразрывной связи с явлениями природы. В этом отношении характерна ее газель «Табиат» («Природа»).

Поэтесса стремилась наделить картины природы реалистическими чертами и придать стихотворениям социально-философское звучание. В газели на таджикском языке, начинающейся строкой «Соқиё қадах пур кун фасли навбахор омад» («О виночерпий, наполни бокал, пришла новая весна»), она говорит:

عندليب باگل گفت پر مشو بخود مغرور
(46т) چون تو صد چمن بالید همچومن هزار آمد

Соловей сказал розе: «Не будь слишком гордой,
Потому что через цветник мира прошли сотни таких,
как ты, и ушли тысячи таких, как я».

Надира в идущих из глубины сердца словах воспева-ет цветник весны и украшающие ее цветы — фиалку, шиповник, зеленую траву, тюльпаны. Ее газели «Баҳор омад» или «Баҳор келди» («Весна пришла»), «Баҳор» («Весна»), «Бинафша» («Фиалка»), «Гулу лола мавсумида» («Порой цветов и тюльпанов») и еще многие стихи отражают любовь человека к весне своей родины. В пре-

лестных газелях, подобных приведенной ниже, Надира с помощью приема контраста сопоставляет картины природы и внутренние переживания человека, создавая трогательные сердце музыкальные строки:

غنچه لار گلشن ارا آچيلماسون اول يارسيز
غنچه ينكليغ تامنيك كونگوم داغى قان اولماسون
آچماسون زلفيني سنبل باغ ارا دلدارسيز
تاكه سنبلديك ميننگ حاليم پريشان اولماسون
توشماسون شبنم گل اوزره گلعداريمدين جدا
تاكه شبنمديك كوزوم ياشى فراوان اولماسون
ابر نيسان لحظه لحظه ياساغماسون گلزارغه
ابر نيسانديك كوزوم هر لحظه كريان اولماسون (225)

Бутоны в цветнике не распустятся без друга,
И мое сердце — как бутон, пока его не испещрят

горести.

Не откроет гиацинт своих кудрей без любимой,
Пока я не стану расстроенной, как гиацинт.

Не капнет росинка с моего лица на цветок,
Пока не польются мои слезы обильно, как роса.

Весенняя туча не прольется над [моим] цветником,
Пока мои глаза не станут всегда плачущими,
подобно весенней туче.

Выше уже было сказано, что Надира принимала участие в просветительской деятельности. Ее мысли о науке и образовании, о грамотности, знаниях и просвещении имели крайне важное значение для своего времени. В ее газелях «Қалам» («Перо») и «Хат» («Письмо») говорится о том, что при помощи пера и письма можно выразить душевные переживания человека. В стихотворении «Қалам» перо сокрушается о своей «черной судьбе». Его жалобы — это сетования поэтессы на гнет и несправедливость, царящие в мире, где человек получает возможность самовыражения только при помощи пера. В этих газелях Надира говорит о своей судьбе: «Мой удивленный взгляд — начало письма о затворнической жизни». О кро-

вавых слезах, текущих с пожелтевшего, как шафран, лица, поэтесса может поведать миру только благодаря существованию письма.

چوروزمن نبود تیره خال شبر نکت
به بخت من ز سیاهی نشود برابر خط
نگاه حیرت ما سر خط گرفتاریست
بود بصفحه آینه موج جوهر خط
چه نقشها که بروی فلک ز آه منست
که دیده است درین صفحه زین نکوترخط
سرشک سرخ چو مکنونه بر رخ زردم
(93г) پدید گشت ز شنکرف کاغذ زر خط

Ты огорчен, если не омрачен мой день,
Доля моя по черноте не сравнится и с письмом.

Наш удивленный взор — начало письма о затворничестве,
Письмо [мое] будет, словно жемчужные волны
на глади зеркала.

А узоры, [что начертаны] на лице небосвода
от моих вздохов,—
Видел ли кто-либо на нем письма красивее?

Кровавые слезы на пожелтевшем лице Макнуны,
Словно красные письма на золотой бумаге.

В этой газели поэтесса употребляет слово «хат» в нескольких значениях — «письмо, рисунок, линия, красная краска» и «документ». С помощью оригинальных сравнений и гипербол поэтесса уподобляет волнение своего сердца морской волне, отчаяние влюбленного — черному узору, а черную тучу в небе — своей черной судьбе. Надира говорит, что книга и перо были ей постоянными спутниками и сопечальниками в жизни:

گردانده ز روز و شب ورقها
(107г) عمر گذران کتاب دارام

День и ночь листаю страницы,
Всю жизнь книги со мной.

Надира сообщает свои впечатления о среде, в которой она жила и творила, в лирической форме. Поэтесса здесь проявила себя как зрелый художник-лирик. Последовательное наблюдение Надирой явлений жизни и умение анализировать их позволило ей проникнуть в их суть глубже, нежели это удавалось многим ее современникам.

В своих газелях Надира поведала миру свое гневное недовольство феодально-клерикальной моралью, унижениями и несправедливостью по отношению к женщинам, принижением человеческого достоинства, лишением человека права на осуществление вековечных желаний и чаяний. Эти мысли поэтесса связывала с печальной судьбой женщин в ту эпоху.

Самый близкий к Надире человек — ее наставница Увайси, так жалуется на несправедливости своей эпохи в четверостишии «Гранат», содержащем в себе загадку с разгадкой. Здесь она уподобляет притеснения и невежество темноте внутри плода граната, а находящиеся в нем красные зернышки — угнетенным и бесправным женщинам, испытывавшим унижения, тонкую пленку зерен — покровам девушек, гранатовый сок — крови их сердец:

اول نه گنبدور ايشيكي توينو كيدين يوق نشان
نيچه گلگون پوش قزلار انده ايلابدور مكان
سيندوروب گنبدورنى قزلار حاليدين آلسام خبر
يوزلاريغه پرده تارتاغليق تورورلار بغرى قان⁸²

Что за купол, в нем нет и признака дверей и окон,
Сколько красно одетых девиц нашли пристанище

в куполе том!

Разломав купол, чтобы справиться о них, я увидела
Их закрытые покрывалами лица и kloкочущие кровью
сердца.

Надира, так же, как и Увайси, говорила: «Уделом моей жизни является сидение под завесой, с сердцем, обгаренным кровью», и она также присоединяла голос своего сердца к волнующим иносказательным стихам своей сестры по перу.

⁸² У в а й с и й. Девон, ЁзССР Давлат бадний адабиёт нашриёти, 1963, стр. 220.

Надира жаловалась на несправедливость судьбы, говоря: «Если я вознесу жалобу на судьбу, не странно будет, если в скорбь разлуки превратится мое веселье», «Ты не видело верности от небосвода, о сердце, хотя ты полностью испытало небеса».

(18i) فلكدین اوتتی فغانیم قویاشقا یتى اونوم
هنوز نادره کم بولمادی بو آه و نوا

Сквозь небеса прошли мои рыдания, голос мой

Но и поныне, Надира, мало этих песен печали. достиг солнца,

Жалкая жизнь угнетенных женщин находила свое выражение и в творчестве женщин-поэтесс предшествующих эпох. Жившая на два века ранее Надиры поэтесса Зебунниса восклицала:

در نهان خونیم ظاهر گرچه رنگین نازما
رنگ من در من نهان چون رنگ سرخ اندر حنا است
بسکه بارغم برون اندا ختم بر روزگار
جامه نیلی کرد اینک بین که پشت او دوتاست
دختر شاهه و لیکین رو بفقیر آورده ام
زیب ذینت بس همینم نام من زیب النساست⁸³

Хотя я и светла, но внутри все залито кровью,
Мой [истинный] цвет скрыт во мне, как в хне —

багровая окраска.

На жизнь мою я нагрозила ношу стольких печалей,
Что она [жизнь] согнулась, как плечи красильщика.

Я дочь падишаха, но я обращаюсь к немущим,
Мое имя — Зебунниса*, и это достаточно украшает меня.

Как бы вторя своей предшественнице, Увайси жаловалась:

اولامین اوشبو دنیانیک و فاسین بیلмадім
واژگون ضایع فلک نینک مدعاسین بیلмадіه⁸⁴

⁸³ Зебуннисо. «Маҷмуаи шеърҳо», Нашриёти давлати Тоҷикистон, 1958, стр. 12.

* В подлиннике игра слов. Входящее в состав имени «Зебунниса» «zeb» означает «красота», «украшение».

⁸⁴ Фотокопия рукописи Увайси, стр. 230.

Искони я не видела верности в этом мире,
Но неведомы были мне напрасные роптания на судьбу.

Стоны угнетенных отражаются эхом в творчестве поэтессы. Надира жалуется на свою эпоху, которая доставляет бесчисленные боли и горести, ранит сердце ножом печали. В следующих строках она изображает безысходную судьбу бедных, приниженных и угнетенных того времени:

پیره زال چرخ کیم عاشق کش و مکاره‌دور
جوړو ظلمیدین یوراکده بی نیهایه یساره‌دور
یغلامای نیلای که غم جانیمنی اورتاب باره‌دور
(271₂) چاره تابه‌ای دردیغه بو نا توان بیچاره‌دور

Коварна судьба, влюбленный вдвойне коварен,
От гнета эпохи на сердце бесчисленные раны.

Как же мне не плакать, печаль сжигает мне душу,
Нет исхода для бед немоцного.

Надира была художником с благородным чистым сердцем, и хотя сама она жила в окружении довольства и почестей, она не могла считать себя счастливой, так как ее духовный мир испытывал гнет царящей вокруг действительности, губительное воздействие дворцовых интриг, тяготы догм религии ислама, законов и обычаев шариата. Надира в одной из газелей жаловалась: «Видя меня на вершине султаната, не думайте, что я провожу дни в благоденствии».

سروینکلیغ قامتیمنی بار محنت قیلدی خم
(271₂) درد یار و غصه همدم غم فراوان عیش کم

Мой подобный кипарису стан согнули заботы,
Мне другом стала боль, помощником — горесть,

у меня много несчастий и мало радости.

Еще она писала:

مینیک قصه روزگاریم فراوان غم هجرینک افسانه‌سیدیک
(27₂) که بر نکته‌سین شرح قیلسام بولور نیچه دفتر رساله پیدا

Повесть моей жизни была словно поэма, полная
печали и разлуки.
Если бы я описала из нее хотя малую долю,
получилось бы послание, [состоящее]
из многих тетрадей.

Надира создала много строк, в которых выражены непокорность, непримиримость с существующим положением, гнев и боль. Две приведенные выше строки как бы подводят итог грустным раздумьям над жизнью.

В творчестве Надиры большое место отведено изображению трагичности жизни и горестным переживаниям женщин:

ساقيا كوب خسته خاطر من جفا دورانیده
بر قدح می توتغیل آزار د ایلاغم زندانیدین
قالمادی من کورماگان بیداد دوران ایلکیدین
داغه ویردی کونکلمی آندوه بی پایانیدین
ایتمانیکیز ای دوست لارمیندین نشان نام کیم
(228۰) ییلکا واردی تفر اغیم آه و فغان طوفسانیدین

О виночерпий, я пала духом в эту жестокую пору,
Налей бокал вина, освободи [меня] из темницы
печали.

Не осталось такой горести, какой бы я не видела
от десницы времен.
Раны покрыли сердце от бесконечной печали.

Не говорите, о друзья, каковы мое звание и имя.
Мой прах уйдет в землю от урагана вздохов и рыданий.

В тяжких условиях тирании и мракобесия Надира мечтала о справедливости и правосудии. Однако действительность разбивала вдребезги ее надежды и желания. Поэтому во многих газелях Надира жаловалась на свое суровое время:

داد از دست چرخ شعبده باز
طرفه دون پرورست و سفله نواز
میدهد خلق را بوعده فریب
(87۰) هت افسانه هایش افسون ساز

О горе [мне] от десницы изменчивой судьбы,
Она улыбается лишь презренным низким людям.

Народ она обманывает пустыми обещаниями,
Ее сказки — лишь обманчивая ворожба.

Еще одной особенностью творчества Надиры было осуждение аскетов-отшельников и фанатичного духовенства, втапывающих в грязь человеческие чувства, глухих к красоте жизни, претендующих на безграничную власть над людьми.

Для каждого периода истории характерна борьба реакции с прогрессом, фанатизма с передовой мыслью. Великие классики восточной литературы Низами, Навои, Бедиль, Фузули и многие другие прославляли мир, воспевали красоту жизни, силу человека, его благородные качества и с гневом отвергали реакционные учения различных шейхов, аскетов и ханжей, проповедующих отказ от всего мирского. Идеи великих гуманистов прошлого были подхвачены и развиты в XIX в. деятелями литературы прогрессивно-демократического направления. В своих произведениях они обнажили реакционную сущность богословского мракобесия.

Надира прославляла мир, жизнь, красоту бытия, могущество человека, его благородство, порицала аскетизм и мистицизм, учения шейхов и суфийских пиров*. Она продолжала традицию Навои, разоблачавшего лицемерных шейхов. Участвуя в управлении страной и общаясь во дворце и вне его с различными людьми разных социальных прослоек, она могла непосредственно наблюдать хитрость и коварство лицемерного духовенства, его жадность и продажность. Развивая бессмертные идеи предшественников, Надира критикует прогнившие догмы апологетов религиозного фанатизма, разоблачает коварные проделки шейхов:

ریا و حرس و طمع صوتیلور ترانه شیخ
ایشتماکیم همه افسون ایرور فسانه شیخ
ریا و زرق طریقیده تشنه کام اولور
سراب بحر خیالات بیکرانه شیخ

* Пир — наставник, религиозный руководитель.

خموش ايتارمىن انى بر شرار آه بيله
 اگرچه تيز ايرور اوت كى زبانه شيخ
 كونگلار اولدى ساوق صحبتى دين افسرده
 ايرور چوباد خزان آه عاشقانه شيخ
 بيرور غرور ايله آرايش فش و دستار
 كه خود نمالىغ ايرور زيب كارخانه شيخ
 تاپلسه نادره بر شيخ عارف كامل
 باشيم هواسين ايتاي نذر آستانه شيخ (41)

Лицемерие, жадность, корысть звучат в напеве
 Не слушай [его], все это — ложь выдумок шейха...

На пути лицемерия и обмана является жаждущим
 Мираж безграничного моря мечтаний шейха.

Я единой искрой вдоха ввергаю его в
 Хотя язык шейха стремителен, словно огонь.

Сердца стали оледенелыми от его холодной беседы,
 Так как бывают ветром осени влюбленные вздохи шейха.

Он старается придать себе красоту своей чалмой,
 Ибо бахвальство — это [вся] красота деяний шейха.

Если бы, Надира, нашелся среди шейхов хоть один
 То я гордость свою принесла бы к его порогу.

Однако встречающиеся в лирике Надиры элементы известного «свободомышлия» по отношению к религии и ее деятелям не означали, разумеется, что она была неверующей. Безусловно, на ее сознание и психологию влияли и ислам, и шарият, потому что она была дочерью своего времени. Отмечая прогрессивные для своего времени мотивы в творчестве Надиры, мы не должны вместе с тем забывать, что она жила в период феодальной деспотии и господства ислама и сама принадлежала к аристократическим кругам феодального общества. Например, во введении к узбекскому дивану она писала: «От сейидов и их

потомков, от шейхов и улемов я получила дары и благословения... я проявила приверженность и верность к религиозным аскетам»⁶⁵. Из этого явствует, что Надира, как дочь своей эпохи, не могла не быть в плену религиозных представлений и воззрений.

Верная своим идеалам, Надира желала, чтобы религиозные деятели, как и деятели государственные, были справедливы и заботились о народе. Встречающиеся кое-где в творчестве Надиры религиозно-мистические настроения также связаны с условиями тогдашнего времени. Однако Надира продемонстрировала в своем творчестве и чувства недовольства и протеста против феодально-клерикальной морали, против несправедливости и угнетения женщин, против подавления извечных стремлений человека к счастью. Благодаря именно этим сторонам своего творчества Надира смогла подняться над своим классом и проявила тяготение к литературе демократического направления.

Характерной чертой лирики Надиры является то, что она, жалуясь на несправедливости своего времени, не впадает в отчаяние, а с уверенностью смотрит в будущее. Эта мысль с особой силой выражена в ее газели «Умед ҳаст ки субҳи умеди мо бирасад» («Я питаю надежду, что настанет зоря наших упований»):

امید هست که صبح امید ما برسد
نهایت شب زندانیی بلا برسد
بیمن چاک گریبان نا مرادان باز
مراد چست کند دامن قبا برسد
فراش ناخن بیکانه حریفانرا
ز لوح دل برود حرف آشنا برسد
چوشمع در شب غم روشنم کنند از غیب
رود سیاهی و پروانه ضیا برسد
نسیم صبح دل بسته ایم بر نفسش
نفس کشاید و انفاس دلکشا برسد

⁶⁵ Фотокопия узбекского дивана Надиры, л. 7.

سپهر پیر کشد پنبهٔ نجوم از گوش
زعین هوش بمضمون ماجرا برسد
!سیر حلقهٔ کیسوی اوست مکنونه
بصوب عالم جمعیت از گجا برسد (63 ت)

Я питаю надежду, что нагнет заря наших упований,
Придет конец бедам закованной в темницу ночи.

И к неудачникам в одеждах с разорванным [от горя] воротом,
К этим несчастным надежда сама придет, ухватив [их]
за полы [одежды].

Раны, нанесенные когтями супостатов,
Заживут, и скрижали сердца наполнятся словами

дружбы...

Моя печальная ночь осветится, словно светоч придет
из небытия,
Рассеется тьма, прилетят мотыльки света.

Мы сердцем надеемся, что подует утренний ветер,
Он освежит наши сердца веселящим дыханием своим.

Если бы старец-небосвод вытащил из ушей вату звезд,
Он услышал бы, что с нами происходит.

Макнуна — пленница кудрей и локонов надежды
Хотела бы понять, откуда к людям придет это благо.

Это стихотворение — образец вдохновенной, оптимистической лирики, окрашенной гражданскими мотивами, оно посвящено обществу, народу. Народ достоин жить в мире света, солнечные лучи прогонят ночь, застилающую надежды людей на свободную счастливую жизнь. В произведениях, подобных приведенному, имеющих глубокое социальное содержание, Надира с уверенностью смотрит в будущее, она верит, что настанет лучшая жизнь. Пленив воображение Макнуны, эта надежда водит ее пером, и из-под него выливаются строки радостной веры в светлую жизнь.

Такими живительными, оптимистическими стихами Надира стремилась воспитать у современников веру в лучшее будущее. Характерны в этом отношении следующие строки:

در خانه تاريك دل اى جان صبورى پيشه كن
 شايد كه پرتوافكند خورشيد و ماه از روزت (20 г)

В узкой клетке сердца, о душа, терпи,
 Может быть, откроются двери, и блеснут солнце
 и луна.

* *
 *

Внимательное ознакомление с творчеством Надиры показывает, что она была одарена необычайно многогранно. Ей были доступны разнообразные жанры классической поэзии. Диваны поэтессы пленяют своей высокой художественностью, в них мы находим прекрасные газели, рубай, мухаммасы, мусаддасы, мусамманы, тарджибанды, таркиббанды и элегии (фырак-намэ) и др. Следуя передовым традициям классической поэзии, Надира создала прекрасные образцы оригинальных лирических стихотворений.

Творчество Надиры замечательно и разнообразием примененных ею стихотворных размеров. Ее узбекские и таджикские газели исполнены арузом и содержат 5, 7, 9, 12, 13 и даже 18 бейтов. Основная масса ее газелей состоит из 7 и 9 бейтов.

В лирике Надиры можно встретить самые разнообразные стихотворные размеры аруза. Например, в приводимом ниже отрывке из газели, написанной бахром «хазадж», применен один из самых игривых и веселых размеров хазаджа «хазажи мусаддаси ахраб мақбузи маффуф» (неполный шестистопный хазадж). Его ритмическая схема или парадигма следующая:

Дун | ё | ча | ма | ни | ни | бул | бу | ли | сен
 маф | у | лу | ма | фо | и | лун | фа | у | лун
 — | — | у | у | — | у | — | у | у | —
 Ты соловей цветника мира

Вот другой пример:

Фи | гон | ким | гар | ди | ши | дав | рон | а | йир | ди | шах |
 су | во | рим | дин
 Ма | фо | и | лун | ма | фо | и | лун | ма | фо | и | лун |
 ма | фо | и | лун

у | - | у | - | у | - | у | - | у | - | у | - |
у | - | у | -

Я плачу, круговорот времен разлучил [меня] с
возлюбленным.

Эта газель написана сложным, самым полным вариантом бахра 16-сложного хазаджа «хазажи мусаммани солим» (полный восьмистопный хазадж).

На примере мухаммаса, посвященного Надирой великому Навои, мы убедились, как живительна была ее любовь к классической литературе, традиции которой она продолжала и развивала. Вдохновленная газелями Навои, поэтесса создавала оригинальные стихи, отлитые в тех же самых формах, какие применял Навои. Ярким образцом такого благотворного влияния является следующая строфа из мухаммаса, посвященного Надирой своему учителю:

کریبان چاک ایرورمه‌ن صبح وصلینک انتظاریدین
قرانغو بولدی شامیم دور آهیم‌نینگ غباریدین
شررلیق شعله‌لهر باش چیکدی کو کسوم خارخاریدین
توناشتی شمعدیک هر بارماغیم هجران شراریدین
ایلیک مرحم قویای دیب چون کونکل چاکیکاینکور دیم (280)

Разорван мой воротник в ожидании утра свидания
с тобой,
Темна стала моя ночь от чада, принесенного дымом
моих вздохов.
Грудь мою пронизывают искры и лучи волнения,
Воспламенились, словно свечи, все мои пальцы от искр
разлуки.
Наложу я теплый пластырь на раны сердца.

В двустипии Навои, вписанном в эту строфу, поэт употребляет образ воспламенившихся пальцев.

Такой прием преднамеренного объяснения какого-либо события или явления посредством неожиданного образа или иносказания носит название «хусни таълил». В строке

قرانغو بولدی شامیم دور آهیم‌نینگ غباریدین

(«Темна стала моя ночь от чада, принесенного дымом моих вздохов») поэтессой также применен очень изящный «хусни таълил». Гиперболический образ «дыма вздохов» представляет собой художественное средство, оставляющее глубокое впечатление у читателя. В действительности, выражение «оқшомнинг дуди» (вечерний дым) служит для раскрытия духовной подавленности человека. Этот же прием поэтесса применяет и в третьей строке:

شررلیق شعله‌لار باش چیکدی کوکсом خار خاریدین

Грудь мою пронизывают искры и лучи волнения.

Здесь Надира говорит, что в груди человека, томящегося в разлуке, от игл смятения появляются искры и зарницы. Это также «хусни таълил».

حسن عشق ایلار سیننی خاکستر ینکنی توتیا
شمعدین کویماکنی کسب ایت مذهب پروانه توت (49)

Очарование любви превратит твой прах в тутью*,
Научись сгорать от свечи, прими удел мотылька.

В первой строке этого двустишия также применен способ «хусни таълил» — сравнение пепла сгоревшего от любви человека с целебной мазью тутьи.

В своих газелях Надира часто применяла способы «муқаррар» (повтор) и «қўш муқаррар» (двойной повтор). Вот пример применения способа «қўш муқаррар»:

تلخکا مانرا بساغرا از لب و دندان او
زهر شهد و شهد شیر و شیر شکر میشود (74г)

Горькая судьба его переходит с губ и зубов на бокал,
Яд становится медом, мед — молоком, молоко — сахаром.

В газелях Надиры также часто использовался прием «муроот ун-назир» (следование сходству, симметрия). Этот прием — один из самых сложных в классической поэзии. Он требует, чтобы изображенные в строках детали следовали духу и облику первого образа. В следующей фахрие (этот термин объясняется далее) Надира применила прием «муроот ун-назир».

* Тутьё — лекарственное вещество.

نادره غزل سرا نظمینی کورسه ناکها
دروجواهرین قیلور فکریغه بهروکان فدا (15)

Если бы увидели вдруг звучащие газелями стихи Надиры
То принесли бы в жертву ее мыслям свой жемчуг ^{море и копи,}
и драгоценности.

Здесь бейты газели представляются длинными нитями, на которые нанизаны жемчужины-строки замечательных двустиший поэтессы. В приведенном двустишии Надира применяет еще один прием, заключающийся в том, что в концовке стихотворения она выражает гордость своими стихами. Этот прием носит название «фахрия» («горделивость»). Подобные концовки-фахрии встречаются в произведениях Хафиза, Саккаки, Лутфи, Джами, Навои, Бабура и других поэтов. Поэты-классики не считали зазорным писать фахрии, наоборот, они считали это законным правом и необходимой обязанностью поэта. Однако непременным условием написания фахрии должно было быть действительно высокое качество стихотворений.

Надира имела право гордиться своими газелями и сравнивать их с жемчужинами. Это — законная творческая гордость.

تانگ ایماسدو بولسه بو مدتده استاد سخن
نادره اشعاریغه تحسین ایتار سلمان کوروب (18)

Не удивительно, если бы сейчас был мастер слова
Салман: он похвалил бы стихи Надиры, увидев их.

Имя собственное Салман в концовке этой газели указывает на известного персидского поэта XIV века Салмана Саваджи. Навои высоко оценивал его, отзываясь о нем так: «Ходжа Калим ид-дин Салман ловкий наездник на поле [составления] од и несравненный сладкогласный поэт своего времени»⁸⁶.

Встречается в лирической поэзии Надиры и прием «талмих». Этот термин широко известен в классической поэзии и происходит от арабского «ламха» (взгляд искося, взгляд красшком глаза). Суть этого способа в том,

⁸⁶ Алишер Навоий. «Муҳокамат ул-луғатайн», т. III, Ўзбекистон ССР давлат нашриёти, Тошкент, 1948, стр. 198.

что автор, отвлекаясь от основной линии повествования, внезапно вводит новый образ. Например:

فرقت ایچره توشتی سودای زلیخا باشیمه
قیمت یوسفی بها تاپتی خریداریمغه آیت (27₁)

В разлуке [на меня] обрушилась страсть [как у]
Зулейхи.
Скажи моему покупателю, что ценные [качества]
Юсуфа нашли [достойную] оценку.

Надира в этом двустишии мастерски интерпретирует известные с давних пор в восточной поэзии образы Юсуфа и Зулейхи; старый образ неожиданно сверкнул новыми гранями. Надира хочет сказать, что хотя легендарная Зулейха обрушивала всяческие бедствия на бедного Юсуфа, возводила на него напраслину и клевету, тем не менее она, Надира, знает цену Юсуфу сама. Этот талмих звучит очень свежо и оригинально. Из таких самобытных штрихов складываются элементы новаторства, которые вносила Надира в поэзию.

بولماغیل فرهاد و مجنون دیک جهان افسانسه
عشق ارا ای نادره آیین ننگ و نام توت (26₁)

Не стань притчей мира, как Фархад и Меджнун,
В любви, о Надира, держись обычая беречь честное
имя.

В этом бейте Надира упоминает имена известных в классической литературе влюбленных подвижников Фархада и Меджнуна. Однако в отличие от поэтов, уподоблявших себя Фархаду и Меджнуну, она призывает найти свой путь в любви, отличный от того, которым шли известные герои восточных сказаний. Несомненно, что здесь содержится намек и на необходимость для женщины найти свой, «женский» идеал любви.

В произведениях Надиры встречается массовое применение приемов иносказания, уподобления, аллегории, метафоры, гиперболы, антитезы, постепенности, одушевления и др. Все они в совокупности называются «художественными средствами» («саноей бадиййя») классической поэзии. Применяя их, поэтесса использовала жемчужины, выработанные многовековым опытом поэтической мудрости, а также большое количество приемов из уст-

ной народной поэзии. Наряду с этим она и сама умела создавать новые художественные перлы. Например:

عاشق اولدينك اى كونكل ايمدى رهميخانه توت
مست اولوب ساقى اياغينى اوپوب پيمانه توت (281)

Ты стало влюбленным, о сердце, теперь держи
Пьянев, целуй чашу кравчего, держи бокал. путь в кабачок,

В этом двустишии поэтесса обращается сама к себе. Такое обращение-восклицание, или призыв к самому себе, создавало очень удобные возможности для раскрытия духовной настроенности героя в классической лирике. Вместе с тем в стихотворении словно бы возникает второй лирический герой, двойник самого автора. В вышеприведенной газели Надира от начала до конца применяет прием обращения к себе. Слова «держи путь в кабачок» представляют собой один из традиционных образов классической поэзии. Вино, утхи винных увеселений, многочисленные слова со значением «вино» — «май, шароб, бода, чагир, саҳбо» и «чаша» — «соғар, қадах, паймона» — все это арсенал образных средств, призванных воссоздать радостный мир простого человеческого бытия, далекий от ханжеского смирения перед сковывающими догмами религиозного благонравия. Здесь же содержится и игра слов: «аёқ» имеет два значения — «чаша» и «нога».

Применение омонимов (слов, которые, совпадая по форме, несут совершенно различное содержание) в качестве украшающего средства (игры слов) называется в классической литературе «ийҳом». В письменную узбекскую литературу этот прием вошел не без влияния жанра «туюг» из узбекского фольклора.

Щедро рассыпанные в стихах Надиры тонкие, изящные иносказания, аллегории, уподобления убедительно показывают яркость и красочность ее поэтического языка. Например, «Кўнгул гизолин ром тут» (укроти пищу сердца), «фалак қасри» (замок небес или твердыня судьбы), «нишқ уйи» (дом любви), «қошларнинг шамшири» (сабля бровей), «кўзларнинг жаллоди» (палач очей), «беқарор кўнгул» (непокойное сердце или непостоянное сердце), «заҳри фиоқ» (яд разлуки), «лаъли шакарбор» (сахароносный рубин), «жафо тифи» (клинок мучения), «қаддинг

раъно ниҳоли» (стан твой — побег шиповника), «жамолингга харидор эт» (найди поклонника твоей красоты), «газма тиги» (клинок кокетства), «асири зулф» (пленница кудрей), «тиги забон» (клинок языка), «ганжи дониш» (сокровищница знаний), «сарви гулрӯй» (розоликий кипарис), «ҳуршид жамоли» (светило красоты), «нишқ сайёди» (ловец любви), «паридулар каманди» (силки красавиц, подобных пери), «халқан зулф» (кольцо кудрей), «ғунчадек оғзи» (подобный бутону рот), «шарбати лаъли» (рубиновое вино), «юзингнинг ойи» (луна твоего лица) и т. д.

Надира придавала большое значение подбору рифмы и редифа, соответствующих не только форме, но и содержанию стихотворения, сообщающих ему красоту и легкость звучания, придающих ему гармоничность. Больше всего она обращала внимание на звучность рифмы. В большинстве ее газелей бросается в глаза мастерство в умении подбирать изящные, музыкально звучащие слова. Например, в ее газели, начинающейся строкой «Ёр лаълин ёд этарман гунчаи хандон куруб» (Я вспоминаю рубиновые уста любимого, когда вижу раскрывшийся бутон), все рифмы подобраны из слов, оканчивающихся на полногласный закрытый слог. В этой газели, состоящей из семи двустопных, применены рифмы: хандон — райхон — ҳайвон — султон — саргардон — жонон — ҳайрон — Салмон. Эти слова служат для раскрытия богатства душевных переживаний лирического героя. В приведенной газели поэта, наряду с перечисленными рифмами, применила также редиф «кӯруб» (увидев).

Редифы в газелях Надиры подобраны из слов, которые могут служить заглавием для всего стихотворения. Например, редифы «фидо» (жертва), «ажаб» (удивительно), «офтоб» (солнце), «айлаб» (сотворив), «саломат» (здоров), «эшит» (послушай), «муҳаббат» (любовь), «эт» (сделай), «тут» (придерживайся), «баҳс» (рассуждение, спор), «абас» (напрасно, бесполезно), «етмас» (не достигнет), «ёд» (память, воспоминание), «қилма» (не делай), «айлагач» (сделав), «кеч» (пройди, прости), «фироқ» (разлука), «фалак» (небеса, судьба), «тасаддуғинг» (выкуп за тебя), «ўлмасун» (пусть не будет), «бормукун» (есть ли), «ўргулай» (милый мой) и др., которые показывают основную направленность содержания стихотворения.

В творчестве Надиры очень ярко проявляется тенденция сближения письменного художественного языка с устным народным языком. Следует подчеркнуть, что Надира с особым тактом и чуткостью умела творчески использовать в своей поэзии богатство устного народного творчества. Она подбирала народные пословицы и поговорки, загадки и афоризмы и умело использовала их в своих стихах. Таковы, например, пословицы «ер қаттиқ, осмон йироқ» (земля тверда, а до неба далеко) и «ҳо паст, ҳо баланд» (то высоко, то низко или то вверх, то вниз). Некоторые пословицы, поговорки, народные афоризмы и выражения подвергались под пером поэтессы своеобразной переработке. Таковы, например, «фигон беасар, умр бебақо» (жалобы безответны, жизнь преходяща), «ҳусн бегона, ишқ девона» (красота чужда, любовь безумна) и др.

Читая газели Надиры, мы видим в них употребление народных выражений «бахти қаро» (черная судьба), «багрим кабоб» (мое измученное сердце), служащих для усиления образности стихотворения.

غمیمنی شرحینی یوز مینگیدین برینی دیدیم
فلک انی کوتارورده خم ایلادی قامت (301)

В изложении моей печали я сказала лишь тысячную
долю,
Даже небо согнуло бы свой стан под ее тяжестью.

ماه تابان یوزلوکوم هر لحظه یاد ایتسام سیننی
دور بغریمدین چیقار اوت ایچره توشکاندیک کباب (17)

О мой луноликий, всякий раз, как вспоминаю тебя,
Из груди моей исходит дым, словно от шашлыка
на огне.

Некоторые строки из поэзии Надиры превратились в афоризмы:

محبت سیز کیشی آدم ابماسدور
گر آدم سن محبت اختیار ایت (281)

Человек без любви — это не человек,
Если ты человек, то изъяви любовь.

عالم ايلينه وفا تايلماس
(20₁) بوگوهر ايرور جهانده ناياب

Среди людей мира не найти верности,
Это редкий перл в мире.

В стихах Надиры гармонически сливаются форма и содержание. В одной из газелей она говорит:

غزل بنياد قيلدى نادره ياريغه عرض ايلاب
(15₂) كونكلده باغلاگه ن مضمونينى اظها قيل يارب

Создала газель Надира, обращаясь к любимому,
Передай все, что накопилось в сердце, о боже.

Большинство средств художественного изображения, примененных в произведениях Надиры, служит более полному раскрытию содержания. Они помогают полнее представить изображаемый предмет, ярче очертить описываемое.

Хорошо знакомая с традициями классической поэзии Надира широко применяет метод сравнения или уподобления одного предмета или явления другому предмету или явлению. Характерны с этой точки зрения следующие строки:

بند ايتيب ز لفونك اراكونكلمنى آزاد ايتكانينگ
(17₂) قوش اوچور كانديك ايرور باغلاب اياغيغه تناب

Ты освобождаешь мое сердце, опутав его своими
волосами,

Это все равно, что отпустить птицу, связав ей
ноги нитью.

Надира использовала также прием гиперболы. Высокое мастерство поэтессы обеспечило органическое единство гипербол со всем стихотворным текстом, так что эти гиперболы не выпадают из стиля и содержания стихотворения. Например, Надира, изображая муки любви, применила следующую гиперболу:

بو درد عمکه انی ناتوان کونکل کوتارور
 محبت اهلغه یوزدین بیری ایرور آفت
 مینکا برابر ایماس کوهکی بیله مجنون
 (30۱) الارده برغم ایدی لیک مینده مینک حسرت

Из тех горестей и печалей, которые переносит
 слабое сердце,
 Для любящих достаточно одной сотой [части],
 чтобы стать бедствием.

Не равны мне Кухкан* с Меджнуном,
 У них было одно горе, а у меня — тысяча.

Подобные гиперболы в поэзии Надиры служат средством сообщения стихотворению пафоса, соответствующего силе описываемой любви.

С помощью эпитетов поэтесса создает яркие образы, набрасывает живую, зримо осязаемую картину явлений природы и событий жизни. Используемые ею эпитеты всегда соответствуют характеру изображаемого события или явления. Таковы, например, примененные поэтессой эпитеты вместе с их определяемыми «гулгун қабо» (розовое платье), «дардлиғ кўнгул» (израченное сердце), «гамза тифи» (клинок кокетства), «васл даврони» (счастье свидания), «ишқ ойинаси» (зеркало любви), «доми зулф» (силки кудрей), «сарву гўё қомат» (стан, как стройный кипарис), «лола рухсор» (тюльпанолицый, тюльпанолицая) и т. д., которые делают содержание стихотворных строк более ярким и впечатляющим.

Живописуя художественными средствами явления действительности, Надира мастерски изображает образ влюбленного. В ее произведениях внешние черты влюбленного описываются выражениями, в которых стан сравнивается с кипарисом, лицо — с блистающей луной, красота — с солнцем, кудри — с кольцами, смеющийся рот — с бутоном, волосы — с гиацинтом. В них изображаются внутренние свойства лирического героя (характер, нрав, качества: мучитель, безжалостный, неверный, с каменным сердцем и свойства, противоположные этим: верность, любовь, печаль, раздумье, рассудительность, отвага, справедливость и др.). Великий революционный

* К у х к а н — прозвище Фархада.

демократ критик В. Г. Белинский считал, что поэт должен не доказать, а наглядно показать изображаемое читателю⁸⁷. Надира действительно умеет передать в ярких красках различные явления и состояния души. Словно живой, предстает перед читателем на страницах лирический герой стихотворения:

صورتى يادیده رنگین فکرلار دین هر زمان
(348₂) صفحه فطرت ارا تصویر بهزاد ایلام

При воспоминании о его облике [я] всегда из
цветистых мыслей
На скрижалях природы делаю изображение [достойное]
Бехзада.

В этих строках можно усмотреть высокую требовательность, которую поэтесса предъявляла к себе при подборе средств художественного изображения.

Надира очень широко применяла в узбекских и таджикских газелях изафетные (определятельные) конструкции, часто встречавшиеся в классической поэзии и в народном творчестве. Словосочетания типа «табъи парижон» (растерянное состояние), «табиати халойиқ» (людская природа), «шуълаи ҳусн» (луч красоты, блеск красоты), «базми ишрат» (пир любви), «дарди ҳижрон» (боль разлуки), «сарви ноз» (изнеженный кипарис), «шӯри жунун» (сумятица безумия), «неъмат алвон» (алые дары), «савдон Зулайҳо» (страсть Зулейхи), «ёри вафодор» (верный друг), «гулшани ишқ» (цветник любви), «моҳи осмон» (луна небес), «шароби арғувон» (напиток красной лозы), «занжири амал» (цепь деяний), «ҳури паризод» (рожденная среди пери гурня), «ороми жон» (отдохновение души, услада души), «абри найсон» (весенняя туча), «гули рухсор» (роза лица), «гавҳари шахвор» (шахская драгоценность) свидетельствуют о ее мастерском умении использовать в поэтической речи богатства словарного запаса языка.

Тщательность и гладкость обработки любого поэтического произведения достигаются благодаря умелому подбору материала, предоставляемого языком. Надира в своем творчестве уделяла серьезное внимание изобра-

⁸⁷ В. Г. Белинский. Сочинения, т. I, М., ОГИЗ, 1948, стр. 445.

зительности и образности в языке. Создавая образ, она пользовалась точными, ясными и вместе с тем изящными языковыми средствами. Средства художественного изображения в языке Надиры зрелы, богаты и многогранны.

В произведениях Надиры, как и у других поэтов ее эпохи, встречается много персидских и арабских слов. Это, конечно, в определенной степени затрудняет понимание ее произведений. Однако среди заимствованных слов есть и такие, которые уже давно стали достоянием узбекского языка. Таковы арабские слова «сабр» (терпение), «таҳаммул» (выдержка), «қомат» (стан), «васл» (свидание), «ҳижрон» (разлука), «оқибат» (последствие), «мафтун» (очарованный), «маъзур» (извинительный), «иншо» (сотворение), «ғам» (горесть, кручина), «надомат» (раскаяние), «финоқ» (разлука), «асло» (ничуть), «абас» (втуне, напрасно), «абжад» («абджад» — система счета по арабскому алфавиту) и персидские слова: «пироҳан» (платье), «ошкор» (явный), «пинҳон» (скрытый, тайный), «гирибон» (воротник), «ашк» (слезы), «поймол» (растоптанный, попраный), «мур» (муравей), «ҳарчанд» (сколько бы ни), «ангушт» (палец) и др.

Несмотря на то, что творчество поэтессы было признано еще при ее жизни, она была скромна и считала, что должна работать еще больше, чтобы принести больше пользы. Она писала:

گیرم بموج شاه رفیقان سفینه اند
من زورقم بپیلوی یاران هوشمند
ماندی زهمکنان خود امروز کامله
هرگز نشد که توسن طیعت شود دوند (59 т)

Если принять шаха и его друзей за корабли на волнах
То я лишь лодочка возле мудрых друзей.

Отстала ты сегодня от сверстниц, Камилла,
Не всегда твой конь быстрокрыл.

Очень характерны для Надиры также следующие строки:

قطرة آبم گراز گوهر بجیحون میرسم
ذره خاکم گراز رفعت بکردون میروم (109 т)

Если я стану жемчужиной и попаду в Аму-Дарью,
то все равно я — лишь капля воды,
Если я в [моем] высоком положении достигну неба,
то все равно я — лишь пылинка.

Высокохудожественные газели Надиры с их глубоким содержанием и гуманистическими мотивами проповедовали и воспевали передовые идеи своего времени. Поэтесса с большой любовью прославляла человека и его элементарные права. Она выдвигала прогрессивные для своего времени мысли. Это явилось важным вкладом в развитие узбекской литературы демократического направления.

Просмотр имеющегося литературного наследия поэтессы дает возможность проследить эволюцию в творчестве Надиры. По нашему мнению, ее произведения, направленные против невежества, ханжества и лицемерия, защищавшие честь, совесть и справедливость, были написаны уже после смерти Амири. Как уже говорилось выше, после смерти Умар-хана Надира участвовала, хотя и неофициально, в управлении государством. В это время в ее произведениях, посвященных темам любви, вина, весны, значительно усиливаются гражданские мотивы, появляется социальная тематика. Характер стихов этого периода показывает, что Надира стояла намного выше своего придворного круга. Ее поэзия превратилась в рубаб* сердца, воспевавший священные человеческие чувства, надежды и чаяния угнетенных женщин той эпохи. Эти жизненные идеи в творчестве Надиры выдвинули ее в ряд прогрессивных поэтов.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Последние годы жизни Надиры совпадают с периодом, когда еще более усилились социальные противоречия, еще более жестоко разгорелись феодальные распри, когда еще резче определилось внутреннее расстройство ханства и проявились серьезные неурядицы в его внешних связях. Надира тратила все свои силы и умение на то, чтобы направить на истинный путь своего сына Мухаммеда Али-хана, проявлявшего своеволие и произвол.

* Р у б а б — музыкальный инструмент типа лютни.

В 1832—1842 гг. территория ханства расширилась и управление им осложнилось. Однако вследствие легкомысленной политики Мухаммеда Али-хана положение стало еще более серьезным. Надира прилагала усилия, чтобы помочь ему удержать власть в руках. Но она была бессильна ликвидировать феодальные противоречия в ханстве, кризис в стране и напряженность между государствами. Внутреннее положение в стране продолжало осложняться. Притеснения и гнет ханских чиновников, введение новых налогов, поборов и штрафов крайне озлобило народные массы. Лежавшие на народе тяжелые повинности по строительству медресе, мечетей, дворцов, поддержанию в порядке ирригационной системы еще больше утяжеляли положение народа, снижение уровня его жизни приводило к голоду. Все это вело к возникновению народных восстаний. В течение 1840—1841 гг. произошло несколько народных выступлений.

В эти же годы возникла серьезная опасность нападения эмирской Бухары на Кокандское ханство. Задавленные трудящиеся массы были готовы на борьбу как против деспотизма ханской власти, так и против агрессии Бухарского эмирата. Это движение возглавил его активный участник медник Хаджи Каландар⁸⁸. Он прославился среди народа как прекрасный мастер, выделяющий драгоценные изделия из меди, и завоевал авторитет среди людей благодаря своей мудрости и смелости. Хаджи Каландар в одно время служил у Хаким-хана Туры. Он совершил путешествие в Аравию, посетил некоторые страны, разбирался в общественной и экономической жизни различных государств, пристально следил за событиями в своей стране и давал им правильную оценку. Вот почему в нем был силен гнев против хана и его приближенных, бессовестно угнетавших народ.

В 1840 году Хаджи Каландар стал собирать вокруг себя ремесленников, кустарей и бедных крестьян и организовал их для борьбы. Как пишет Хаким-хан Тура, восстание под руководством Хаджи Каландара приняло такие широкие размеры и людей, примкнувших к нему, было столько, что никогда ранее не приходилось видеть такие толпы народу, даже в дни самых больших празд-

⁸⁸ Р. Н. Набиев Народные восстания в Коканде в 1840—1842 гг., журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 7, стр. 37—50.

ников. Восставшие разделили между собой имущество восемнадцати приближенных Мухаммеда Али-хана, подожгли их дома и убили некоторых из них⁸⁹. Однако чиновники Мухаммеда Али-хана хитростью заманили Хаджи Каландара во дворец и приговорили к смерти. Но и после того народные восстания продолжали вспыхивать в разных краях ханства.

Подданные Кокандского ханства не ограничивались борьбой против хана и его чиновников, они также продолжали борьбу и против бухарского эмира Насруллы, грабившего население Ферганы и сделавшего набеги своим обычным делом. В 1841 году народ, недовольный сдачей Ходжикента Насрулле, собрался в ханской ставке. И когда хан спросил о причине недовольства, народ дал ему следующий ответ:

«В течение нескольких лет наш народ переживает такие муки и деспотизм, каких не видел никакой другой народ, это яснее ясного. За такие притеснения и черные деяния хана эмир бухарский даже обвиняет нас в безбожии... Мы же не хотим зря погибать за вас»⁹⁰.

Воспользовавшись народными восстаниями, всевозможными распрями и усобицами среди феодалов, эмир бухарский совершил в 1842 году поход на Коканд. В этот поход он захватил с собой младшего сына Надиры Султана Махмуд-хана, правившего в Шахрисабзе. Заняв Ура-Тюбе, эмир Насрулла назначил Султана Махмуда правителем этого города. Почувствовав, что страна находится под угрозой, Надира тотчас стала предпринимать энергичные меры для ликвидации распри между ее сыновьями и водворения мира. После того, как эмир ушел из Ходжента, она прибыла туда и помирила обоих сыновей. По этому соглашению земли до Ура-Тюбе, Ходжента и Ташкента отводились Султану Махмуд-хану, а Ферганская долина оставалась под правлением Мухаммеда Али-хана. Таким образом, была остановлена междоусобная война, и в стране воцарился мир⁹¹.

⁸⁹ Х а к и м - х а н Т у р а. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), л. 398.

⁹⁰ Х а к и м - х а н Т у р а. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), инв. № 592, л. 660.

⁹¹ А. Қ а ю м о в. «Қўқон адабий муҳити», стр. 228; Герман В а м б е р и. «История Бухары или Моварауннахра», т. II, М., 1924, стр. 225; «Тарихи Шахрухий» («История Шахруха»), Музей литературы, инв. № 160, стр. 133—134.

Однако, несмотря на это, политические отношения между Кокандом и Бухарой продолжали обостряться. Бухарский эмир не отказался от мысли напасть на Коканд. «Жестоко подавляя внутри своего государства всякие проявления феодального сепаратизма, эмир Насрулла стремился вместе с тем усилить свое господство за счет соседних — Коканда и Хивы»⁹².

Известно, что в этот период верховные административные и религиозные должности при дворе занимало духовенство. Опираясь на религиозные догмы и законы шариата, оно обманывало и эксплуатировало народ и вместе с тем строило козни и провоцировало мятежи в самом дворце. При Умар-хане интересы основных феодальных группировок имели прочную защиту, все их распри тщательно сглаживались, а при Мухаммеде Али-хане эти реакционные духовные группировки преследовались. Доходило до того, что некоторых из придворных чиновников казнили, некоторых отстраняли от занимаемых постов и даже изгоняли из страны. В числе изгнанников были Хаким-хан и его отец Масум-хан Тура. Изгнанные феодалы и духовенство слетались в Бухару (центр религиозного фанатизма той эпохи) под покровительство эмира Насруллы. Оттуда они вели борьбу против Мухаммеда Али-хана, распускали вздорные слухи о том, что якобы «Маъдалихан (Мухаммед Али-хан) женился на одной из своих мачех, и нужно освободить Фергану от этого нечестивца».

При активной поддержке группы духовенства и служилого сословия, бежавшей из Коканда в Бухару, эмир Насрулла в 1842 году организовал новый поход против Кокандского ханства. Он шел на Коканд под предлогом «защиты чистоты религии ислама». Узнав о нападении Насруллы на Коканд, Султан Махмуд в последние часы битвы подоспел к Коканду. Однако было уже поздно. Войска бухарского деспота ворвались в Коканд. В стычках и столкновениях город был разрушен, имущество народа разграблено, прогрессивные люди казнены. Эмирские солдаты поймали бежавших из Коканда сыновей Надиры и привели их в ханскую ставку. Мухаммед Али-хан и Султан Махмуд-хан были на рассвете зарезаны во

⁹² История народов Узбекистана, т. II, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1947, стр. 166.

дворце. Потрясенная этим зверством, Надира со слезами на глазах и с негодованием в сердце пошла к эмиру и выложила ему в лицо все, что она думает о казнях неповинных людей, о том, что он проливает кровь рекой, о том, что он зверски убил ее детей, и прокляла его. Перед кровавым эмиром стояла отважная, смелая женщина, не боявшаяся никаких казней, готовая постоять за свою власть и за своих сыновей. Особое негодование Надиры вызвал приказ эмира зарезать ее малолетнего внука Мухаммеда Амин-хана. Надира вновь гневно высказывает эмиру свое безграничное негодование. Тиран приказывает также убить и Надиру. Вместе с поэтессой были убиты и ее приближенные Хушхал-биби, Нар-биби и жена Мухаммеда Али-хана Айбибиш. В произведении «Анжуман ат-таворих» («Собрание летописей») говорится, что этот кровавый день приходится на начало месяца раби ус-сани 1258 г. х. По христианскому летосчислению это приходится на 12 мая 1842 года⁹³.

О зверском убийстве Надиры среди историков и литературоведов имеются различные мнения. Некоторые из них говорят, что Надира была повешена на виселице, другие утверждают, что она была четвертована на глазах у толпы, а в некоторых источниках говорится, что она была живьем зарыта в землю, зарезана на конюшне или была замурована и умерла от голода и жажды. Из всего этого самым близким к истине был, по нашему мнению, рассказ Хаким-хана Туры, который сообщает, что Надира вместе с несколькими приближенными была зверски убита палачами Насруллы в самом ханском дворце.

Насрулла не ограничился проведением кровавого террора в Коканде, он также пытался уничтожить и собиравшиеся народом в течение столетий памятники культуры. Он «разграбил ханскую казну, приказал мелко изрубить мечами книги из медресе и предать их огню»⁹⁴. После одиннадцатидневного пребывания в Коканде Насрулла передал правление самаркандцу Ибрагиму Парваначи, а сам с награбленным имуществом возвратился в Бухару. Вместе с собой он вывез многих ремесленников, ученых и поэтов.

⁹³ «Анжуман ат-таворих», л. 95.

⁹⁴ Нияз мухаммед. «Тарихи аҳволи Қозон ва Булғор» («История Казани и Булгара»), стр. 252.

Бывший свидетелем этой трагедии поэт Хазык, плененный эмиром Насруллою и вывезенный насильно в Бухару, написал следующие строки:

بریدی برقد خود از ملامت
لباسی تا بدامان قیامت⁹⁵

Ты одел на себя одежду из проклятий,
Которую не снять тебе до судного дня.

Население Коканда не желало подчиняться эмиру бухарскому. Узбекские, кыпчакские и киргизские общины в окрестностях Ферганы объединились под главенством Шерали-хана, младшего брата Нарбуты — сына Ходжи-бека, бежавшего при Алим-хане. Они изгнали воинов Насруллы с территории ханства и добились победы.

После воцарения на кокандском престоле Шерали-хан с почетом похоронил останки Надиры и ее сыновей в усыпальнице властителей. Памятник из больших камней, стоящих в изголовье надгробия Надиры, и до сих пор напоминает о великом образе поэтессы.

О трагедии Надиры довольно полно говорится в работах А. П. Каюмова «Қўқон адабий муҳити» («Кокандская литературная среда») и Т. Джалалова «Ўзбек шоирлари» («Узбекские поэтессы»). В рукописной книге «Тарихи жаҳоннамо» («Летопись, открывающая мир») о казни поэтессы сказано: «В среду, в месяце савр 1258 г. утром (начало месяца савр приходится на 22 апреля) бухарцы подвергли все грабежу. Братья бежали к Самарканду. Однако, когда они прибыли к крепости Узген, человек по имени Махмуд Ходжа Абдували хитростью предал их Насрулле. Султан Махмуд-хан и Мухаммед Али-хан были на рассвете убиты в золотом дворце... А мудрая Махлар-айим, Хушхал-биби и мать Мухаммеда Амина Нурбибиш были убиты на скотном дворе и зарыты в землю. Впоследствии Шерали извлек их тела и с почестями похоронил в усыпальнице царей»⁹⁶. Об этом событии

⁹⁵ А. Каюмов. «Хозик». Узбекистон ССР ФА нашриёти, Тошкент, 1967, стр. 51; Мушриф. «Ансоб ус-салотин» («Генеалогия султанов»), рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1314, л. 217 б.

⁹⁶ Джунaid Аваз Мухаммед. «Тарихи жаҳоннамо», инв. № 9455, л. 164.

Хаким-хан Тура пишет следующее: «Махлар-айим, мать Мухаммеда Амин-хана Айбибиш-ханум и служанки оделись в траур и рыдали, разорвав на себе воротники. Отчаявшись в попытках спастись и потеряв надежду в жизни, Махлар-айим оскорбила эмира Насруллу. Ее вместе с двумя женщинами он подверг унижению и зверски убил»⁹⁷.

Поэт Азизи в своем произведении «Тарихи Азизи» («Летопись Азизи») сообщает о резне, устроенной кровавым палачом эмиром Насруллой. Здесь говорится о том, как разгневанная зверским умерщвлением Мухаммеда Али-хана и Султана Махмуд-хана Надира пришла с плачем к Насрулле, оскорбила и прокляла его. «Узнав об этом событии, родительница хана, потерявшая его навсегда, оделась в траур и с плачем и причитаниями стала говорить: «Эй, мангытский шах, какое у тебя было право прийти к повелителю правоверных венценосному падишаху и проявить к нему такую жестокость? Ты забыл веления шариата». После этого их всех по приказу эмира заперли в доме и замуровали дверь, и там они умерли от голода и жажды»⁹⁸.

А автор произведения «Анжуман ат-таворих» («Собрание летописей») сообщает об убийстве Надиры следующее: «В начале месяца раби ус-сани 1258 г. х. после полуночи Мухаммед Али-хан, Султан Махмуд-бек ибн-Умар-хан и Мухаммед Амин-бек, мать Мухаммеда Али-хана Махлар-айим, мать Мухаммеда Амин-бека и его беременная жена, а также две уважаемые придворные женщины по приказу эмира бухарского были убиты в саду, примыкающем к царскому павильону»⁹⁹.

В рукописи «Ғаройиби сипоҳи Хўқанд» («Чудеса воинства Коканда») об этом событии говорится так: «Злобными руками тирана эмира население Ферганы было предано грабежу. Среди бухарских воинов из уст в уста распространилась фраза: «Бей мечом по шее пленника». От такого зверства и погибла мать хана. Меч жестокого палача пролил ее кровь на землю. Для того чтобы записать дату этого убийства, была состав-

⁹⁷ Х а к и м - х а н Т у р а. «Мунтахаб ут-таворих» («Извлечения из летописей»), инв. № 592, л. 317.

⁹⁸ А з и з и. «Тарихи Азизий», фонд. ИВ АН УзССР, инв. № 11108, л. 245.

⁹⁹ «Анжуман ат-таворих», л. 95.

лена хронограмма «Модари хон ҳам шаҳиди пок шуд»¹⁰⁰ («Мать хана также стала невинной мученицей»). Эта дата приходится на 1258 г. х. и 1842 год христианской эры.

Таким образом, историки сообщают различные сведения об этих жестоких событиях и их причинах. В некоторых источниках говорится, что причиной нападения Насруллы на Коканд была якобы женитьба Мухаммеда Али-хана на женщине, которая до того была в браке с его отцом, т. е. «на своей матери». За совершение этого противного шариату деяния эмир Насрулла решил наказать «отступников от религии». Однако не это было настоящей причиной описываемых событий, ибо в таком случае эмир должен был ограничиться лишь казнью Мухаммеда Али-хана или другими мерами по отношению к нему. Между тем, войска эмира обрушили свою кару на весь народ Коканда, эмир проводил там кровавый террор и отдал на разграбление имущество всего населения. По нашему мнению, корни этих кровавых событий следует искать в политических и экономических отношениях и в факторах, связанных с господством идеологии ислама.

В 20—30 годах XIX века в Кокандском ханстве экономическое и политическое положение очень осложнилось. Территория ханства расширилась и граничила на севере с принадлежавшим России Внешним Сибирским округом, на западе — с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, на юге — с Каратегином, Дарвазом и Кулябом, на востоке — с Кашгаром. Расширение ханства становилось опасным для Бухарского эмирата. К тому же эмир и его окружение с опасением приглядывались к деятельности Надиры, при участии которой строились медресе, библиотеки, гостиницы, базары, торговые ряды. Культурные начинания Надиры не могли не вызвать недовольства эмира, столица которого была центром мусульманского фанатизма.

Непосредственное руководство женщиной культурными делами в стране, развитием в Коканде науки и художественной литературы не могло не повергнуть в волнение также и реакционное духовенство. В условиях феодализма шариатом запрещалось участие женщин в

¹⁰⁰ «Ғаройибн сипоҳи Хўқанд» («Чудеса воинства Коканда»), инв. № 5408, лл. 26—27.

общественной жизни. В религиозной книге «Шархи сабот ул-ожизин» («Толкование книги «Терпение слабых») говорится, что мужья должны запрещать женщинам даже участвовать в тоях (свадьбах и праздниках), потому что там женщины развлекаются и радуются. В этой книге рекомендуется нарушительниц живьем закапывать в землю. Вся книга полна таких реакционных высказываний. И когда в этой обстановке разгула реакции Надира своим творчеством возвеличивала человека, прославляла благородные качества женщин, отстаивала их человеческие права, призывала к просвещению, к активному участию в культурной жизни страны,— все это не могло не вызывать недовольства реакционных кругов и особенно фанатичного духовенства.

Бухарский эмир Насрулла, находившийся под влиянием невежественного духовенства, поставил своей целью совершить поход против Коканда для того, чтобы нанести удар развивающимся там прогрессивным тенденциям и получить таким образом власть над соседним ханством. Фанатик и невежда, эмир бухарский предпринял действия, которые нанесли серьезный удар культурной и экономической жизни Коканда.

Однако Надира, павшая жертвой этой трагедии, оставила яркий след в истории литературы и завоевала любовь народа. Прекрасные газели поэтессы живут и поныне. Надира писала:

سعی فرما که برآید بنکویی نامت
تابود نام نکوهست بعالم اثرت (2:т)

Стремись, чтобы твое имя прославилось добрым
делом,
Доброе имя останется как твой след [в этом мире].

Эти благородные мысли поэтессы всегда с любовью и уважением повторяет народ. Любимая поэтесса узбекского народа своим творчеством создала себе вечный памятник.

ВЕЧНО ЖИВАЯ

✓ Видная представительница узбекской классической литературы Надира проявила себя как талантливая поэтесса, прославлявшая радости жизни и возвеличивавшая

человеческое достоинство. В творчестве Надиры, стремившейся воспеть светлые человеческие идеалы, с большим мастерством отражены мотивы любви и верности. Ее лирическая поэзия явилась большим вкладом в узбекскую литературу. Поэтому современники поэтессы и другие представители узбекской литературы, жившие после нее, вдохновлялись ее жизнелюбивой лирикой, писали подражания на ее газели, мухаммасы и развивали прогрессивные элементы ее творчества.

Как было отмечено выше, газель поэтессы с редифом «этиб кет» (и — уйди) привлекала к себе внимание многих художников слова благодаря тому, что в ней воспеты красоты природы, человеческое достоинство, радости и горести любви, мечтания человека. Поэты, писавшие мухаммасы на эту газель, в которой с высокой художественностью были изображены глубочайшие чувства сердца, сожалели о горькой участи Надиры, жившей в тяжелое время, и в своих произведениях стремились подняться до высот ее творчества. Они многократно повторяли строки, проникнутые грустью и болью.

Кокандский поэт Раджи написал на эту прекрасную газель Надиры мухаммас, в котором говорил:

دنياگه کيليب زيانه کيلدينک
کلفت اوييگه مکانه کيلدينک

زحمت اوقى کا نشانه کيلدينک
مقصده ايدى جهانہ کيلدينک
کيفيتنى بيان ايتيب کيت¹⁰¹

Появившись в мире, ты терпишь ущерб,
Ты пришла в дом горестей,
Ты — мишень для стрел тягостей,
С какой целью ты пришла в мир?
Поведай об этом и уйди.

У поэта Залули в мухаммасае сказано:

عاشق ديماکاي کيشيغا عشقين
لازم دور انکا همیشه تمکين
گر بولسنک اول آي گه عاشق چين

¹⁰¹ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 5868, лл. 66—68.

فاش ایتما اولوسقه عشق سرین
کولکلده انی نهان ایتیپ کیت¹⁰²

Влюбленный не расскажет другому

Ему всегда нужна [в этом] сдержанность,
Если ты влюблен в эту луну [красавицу].
Не открывай тайну любви всем,
Утай ее в своем сердце.

У поэта Ходими в мухаммасае есть такие строки:

گلشن ارا والہ گلی سین
جوینده زلفی سنبلی سین
قمری کبی طوق لیک قلی سین
دنیا چمنینی بلبلی سین
گل شاخیده آشیان ایتیپ کیت¹⁰³

Ты удивительная роза в цветнике,
Тянущаяся к кудрям гиацинта,
Ты, словно луна,— игривое дитя,
Ты соловей на лужайке мира,
Своей гнездо на цветущей ветви

и — уйди.

Живший в конце XIX — начале XX века поэт Надим также посвятил этой газели мухаммас:

دوران ستم و بلالاریدین
کونگولنی غم ویرالاریدین
احبابنی بیوفالاریدین
بیدردلارینک جفالاریدین
فریاد چیکیب فغان ایتیپ کیت¹⁰⁴

На притеснения и горести эпохи,
На горе и раны сердца,
На неверность друзей,
На мучения, приносимые обидчиками,
Вознеси стенания и стоны.

¹⁰² «Тухфат ул-обидин» («Подарок праведникам»), рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 122, лл. 145—146.

¹⁰³ Баяз, фонд Музея литературы, № 320, л. 142.

¹⁰⁴ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 4179, лл. 278—279.

Надим написал несколько мухаммасов на газели Надиры: «Марҳабо, эй пайки султон, марҳабо» («Пожалуйста, о посланник султана, пожалуйста»), «Ҳар табу тобики, ул шамъи шабистонимдадур» («Каждый жар — как свеча в моей черной ночи»), «Ёрдин айру мени бедилни зор эттинг фалак» («Разлучив с любимой, ты заставило страдать меня влюбленного, о небо»), «Эй мусохиблар, мени дардимга бир дармон этинг» («О друзья, утешьте меня в моем горе»), «Эй хуш он соат ки дар гулшан мақоме доштем» («О как хорошо был тот час, когда были мы в цветнике»), «Айладинг азми сафар, эй шаҳсуворим, яхши бор» («Ты собрался в путь, о царственный, — счастливого пути»), «Фигон ким гардиши даврон айирди шаҳсуворимдин» («Я плачу, круговорот времен разлучил [меня] с возлюбленным») и т. д.

Выдающийся узбекский поэт-просветитель Закирджан Фуркат в начале своего творческого пути также создал отдельные лирические произведения под влиянием творчества Надиры. «Поэты века, такие, как Завки, мавлоно Нисбати, мавлоно Муками, — писал Фуркат, — часто устраивали совместные собрания и поэтические состязания и писали подражания на одну газель, находя различные способы выражения одного содержания... и иногда, упражняясь в описании любви и красоты, брали одну веселую газель из сборников поэтов прошлого, и каждый из нас писал на нее мухаммас»¹⁰⁵. Эти слова Закирджана Фурката, конечно, относятся и к газелям Надиры. Фуркат писал подражания на некоторые газели Надиры и развивал заключавшиеся в них мотивы. Например, содержащая восемь двестишый газель Фурката, начинающаяся строкой «Эй лутфи каму жафоси чух ёр» («О любимая, у которой мало милости и много жестокости»), написана в подражание газели Надиры, начинающейся строкой «Жон кўрмади рузадин ҳаловат» («Душа не видела сладости в постеле»).

Надира:

جان كورمادى روزەدين حلاوت
افطارده يارسيز نه لذت
هر شام مينكا نواله غم

¹⁰⁵ «Туркистон вилоятининг газети» («Газета Туркестанского края»), 1891, № 16.

افطار قیلورغه بولدی قسمت
ماه رمضان که فیضی چو خلدور
مین خسته گه یارسیز نه راحت (32,1)

Душа не видела сладости в посте,
Что за удовольствие в разговении без любимого.

Каждый вечер приносит мне горе,
Наступает пора разговляться.

От месяца рамазана, дарующего блага,
Что мне за радость без любимого?

Ф у р қ а т:

ای لطفی کم و جفاسی چوخ یار
تاچند چیکای غمیگده آزار
ماه رمضان که فیضی چو خدر
آخر مینکا سنسرین نه درکار
هر شام مینکا نواله غم
106 قسمت بولوبان قیلورغه افطار

О любимая, у которой мало милости и много жестокости,

Доколе мне терпеть горе от тебя?
От месяца рамазана, дарующего блага,
Что мне нужно, если нет тебя?
Каждый вечер приносит мне горе,
Когда наступает пора разговляться.

Газель Надиры, начинающаяся строкой «Я плачу, круговорот времен разлучил [меня]с возлюбленным», содержащая семь двустиший, примечательна по широте содержания и художественной зрелости.

فغان کیم کردش دوران ایردی شہسواریمدین
غمیم چوخ ای کونکل سین بیخبر سین حالزاریمدین
غباریه عشق وادی سیده بر باد اولدی اندا قکیم
بیابانلارده مجنون توتیا ایزلار غباریمدین

¹⁰⁶ Ф у р қ а т. Танланган асарлар, 1959, т. I, стр. 195.

قزىل قاندىور سر شكيم زعفرندور چهره زرديم
مىنى كىم كورسه فرق ايتماس خزان بهاريمدين (357₂)

Я плачу, круговорот времен разлучил [меня]
с возлюбленным,
У меня много горестей, о сердце, ты не знаешь
о моем
бедственном состоянии.

Мой прах развеян в долине любви — так, что
В пустынях Меджнун ищет тугиё в моем прахе.

Мои слезы — красная кровь, у меня шафранно-желтое лицо,
Кто меня увидит, не отличит осеннего увядания от моей
весны...

В этой газели Надиры отражены стоны и плач горестного сердца, лишившегося возлюбленного друга.

В 1950 году поэт Сайфи, написавший поэму о Фуркате, взял из приведенной выше газели Надиры три начальных двустишия, прибавил два переработанных им двустишия из газели Фурката и приписал получившуюся таким образом газель Фуркату. В тексте газели были заменены некоторые выражения: «ҳоли зоримдин» — на «оҳу зоримдин», «чеҳраи зардим» — на «чеҳраи олим», слово «даврон» — на слово «айём». Второе двустишие газели Фурката, начинающейся строкой «Малолат зоҳир этманг дўстлар афғону зоримдин» («Не печальтесь, друзья, из-за моих стенаний»), звучит следующим образом:

محبت درديدن اولسام اوتوب غمده وفا برله
قميش لار اورنيگا مهر گياه اونكاي مزاريمدين¹⁰⁷

Если я умру от печалей любви, пройдя с [моей] верностью
сквозь печаль,
Пусть на могиле моей вместо камышей вырастет целебная
трава.

Это двустишие переделано поэтом Сайфи:

محبت درديدن اولسام اوتوب عمریم ادا بولغاچ
قميش لار اورنيکا مهر گياه اونكاي مزاريمدين¹⁰⁸

¹⁰⁷ Фуркат т. Танланган асарлар. 1959, т. I, стр. 169.

¹⁰⁸ Сайфи. «Фуркат» (поэма), Ташкент, 1950; Фуркат т. Танланган асарлар, Тошкент, 1951, стр. 91.

Если я умру от печальной любви, и жизнь моя закончится,
Пусть на моей могиле вместо камышей вырастет целебная
трава.

Еще седьмое двустишие из газели Фурката «Фидо айлай»
(«Да, буду жертвой»)

سكى آواره ينگليغ بارماغيه قايدە بيلالماسمين
109 قچان بولغاي كه تاپقاي مين يوقانغان كاروانيمنى

Я — словно бездомный пес, не знаю, куда идти,
И когда еще найду я мой исчезнувший караван?

переделано так:

اداشكان ايت كبي فرقت قيان بار غوم بيلالماسمين
110 قچان بولغاي كه تاپقاي مين خبر يار و دياريمدين

Я — словно заблудившаяся собака, Фуркат, и не знаю,
куда мне идти,
И когда еще я обрету весть о любимом и [своей] стране?

Скитавшемуся вдали от родины на чужбине Фуркату были близки чувства, выраженные в газели Надиры. Поэт Сайфи, почувствовавший созвучие газелей Надиры и Фурката, их творческую близость, создал поэму, в которой творчески переработаны близкие друг другу мотивы лирики Надиры и Фурката. В результате соединения двух тем — темы родной страны, взятой у Фурката, и темы возлюбленного друга, заимствованной у Надиры, возникло оригинальное произведение. Так творчество Надиры оплодотворяло собой творческие искания поэтов последующих поколений.

Поэт-демократ Муками также с любовью относился к газелям Надиры и творчески вдохновлялся ими.

Надира:

هيچكيم يارب جهانده ياريدين ايريلماسون
(271) جاندين آرتوق مهربان دلداريدين ايريلماسون

Пусть никто, о боже, не разлучится с любимым другом,
Пусть никто не разлучится с любимой, которая дороже
жизни.

¹⁰⁹ Фуркат. Танланган асарлар, стр. 114.

¹¹⁰ Там же, стр. 91.

Мукими:

هيچكيم مينديك الهى ياريدىن ايرىماسون
مهربان مونس اوشل دلداردين ايرىلماسون¹¹¹

Пусть никто, о боже, подобно мне не лишится друга.
Пусть никто не разлучится с любимой, со своей
возлюбленной.

Это яркое выражение наличия в творчестве Мукими мыслей, близких Надире и созвучных с ее печальными газелями.

В истории нашей литературы такие традиции были школой содружества поэтов. Написание мухаммасов и подражаний играло положительную роль в творческом росте поэта, в овладении им тайнами мастерства.

Поэзия Надиры оказала большое влияние и на творчество крупнейших представителей узбекской советской литературы Гафура Гуляма и Сабира Абдуллы.

Гафур Гулям создал строки, близкие по звучанию к упомянутой газели Надиры с риффом «этиб кет» (и — уйди):

Гарчандки дунёга келибсан,
Бир арзигудек нишон этиб кет.

Халқингга вужуду қалби жонинг
Ҳаёя эканин баён этиб кет.

Юртинг чаманига қур иморат,
Булбул каби ошён этиб кет.

Уж коль ты явился в мир,
Прояви себя в стоящем деле.

Заяви народу, что даришь ему
Все свое существо, сердце и душу.

Воздвигни здание на [цветущем] лугу страны.
Будь соловьем в этом цветнике.

Сабир Абдулла, также вдохновленный газелью Надиры, писал, используя ее рифму:

Умр буш ўтмасин, бўстон этиб кет,
Қолар номинг учун имкон этиб кет.

¹¹¹ Муқимий. «Асарлар тўплами», Тошкент, Ўзадабийнашр, 1960, стр. 167.

Жаҳонга на учун келдинг, туғилдинг,
Узингни халқаро дoston этиб кет¹¹².

Пусть жизнь не пройдет впустую, создай сад.
Найди возможность оставить по себе память.

Для чего ты пришел в мир, родился,
Распространи славу о себе среди народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубоко человеческие стихотворения Махлар-айим Надиры, жившей в первой половине XIX века, в разгар ужасов феодальной деспотии, звучали как пламенный голос угнетенных женщин той эпохи. В те времена, когда женщины были совершенно угнетены и лишены элементарных человеческих прав, Надира прославилась благодаря своей общественной и творческой деятельности, снискала себе любовь и уважение народа.

Поэтесса принадлежала к числу передовых и образованнейших людей своего времени. Она снискала себе известность своей мудростью, покровительствовала просвещению, искусству, наукам, горячо и страстно поддерживала все, что способствовало насаждению и распространению грамотности, знаний, высоких человеческих идеалов. Она была инициатором строительства и открытия нескольких медресе, мактабов*, постоянно интересовалась их работой. Все свое влияние при дворце кокандского хана она использовала для предотвращения войн, междоусобиц в ханстве, силы и средства ханства направляла на созидательные и благотворительные цели. Особенно интенсивной была ее деятельность после смерти мужа. Для обеспечения процветания края Надира поддерживала строительство общественных зданий (караван-сараяв, бань, базаров и т. д.).

Надира предстает перед нами как глашатай прогрессивной мысли своего времени, как мудрая женщина, сумевшая подметить в сложных условиях жизни своей эпохи наиболее передовые тенденции, выразить гнев против реакционных законов и обычаев, основанных на прини-

¹¹² С. Абдулла. «Ҳаёт гулшани». Тошкент, Уздабйинашр, 1959, стр. 39.

* Мактаб — школа.

жении человеческого достоинства, эксплуатации и угнетении.

Жизнеутверждающие газели Надиры поются более ста лет. Народные мелодии и классические макамы* несут в широкие массы слова ее проникающих в глубины человеческих сердец замечательных газелей.

Поэтесса верила, что уже при ее жизни будут по достоинству оценены ее газели, воспевающие любовь, верность и преданность, возвеличивающие самые благородные человеческие качества и достоинства:

ای مغنی نغمه ساز ایت نادره گفتاریدین
(276₂) کیم کیلور بویی وفا عشاقی ارا اشعاریدین

Эй, певец, музыкант, исполни слова Надиры,
Ибо среди влюбленных ее стихи ценятся за верность.

Газели Надиры до сих пор продолжают исполняться на мотивы классических макамов «бешинчи баёт», «настри ушшоқ», «уфори уззол», «савти наво», «соқий номан муғулчан бузург», «савти сарвноз»** и др.

Прославившаяся узбекскими и персидско-таджикскими газелями Надира создала изящные образцы художественного слова, в пленительных, красивых газелях воспела стремление женских сердец к счастью, к свободе, к хорошей жизни. Поэтесса была обладательницей высокого таланта, большим художником слова своей эпохи, крупной и яркой личностью, сумевшей возвыситься в первой половине XIX века до положения наставника и руководителя литературных кругов.

Поэтесса, безукоризненно владевшая двумя языками и писавшая под псевдонимами Надира, Камила, Макнун, как и Навои, с одинаковой степенью совершенства писала на двух языках — узбекском и таджикском. Надира воплотила в своем творчестве историческое единство, культурное и литературное братство и содружество этих двух народов, она была любимой поэтессой, служившей и тому, и другому народу.

* М а к а м — разновидность мелодии.

** Традиционные названия музыкальных мелодий.

Произведения Надиры на узбекском и таджикском языках являются прекрасным образцом поэзии первой половины XIX в. Ее газели и мухаммасы содержательны и благозвучны, они представляют собой пример удачного применения различных средств художественного изображения. Мягкий задушевный тон, изящная и совершенная форма — характерные черты лирики Надиры.

Многие современники поэтессы, а также поэты последующего времени в узбекской литературе вдохновлялись ее животворной поэзией, иногда подражали, а порою творчески воспринимали нетускнеющие жемчужины замечательного наследия Надиры — Камилы — Макнуны.

Прекрасные поэтические произведения Надиры, пронизанные гуманизмом и жизненностью, не потеряли своей прелести, и в силу этого ее творчество всегда находило и находит светлую дорогу к сердцам благодарных поколений ее народа, дочерей и сыновей свободного Узбекистана. Ее произведения имеют непреходящее познавательное, эстетическое и воспитательное значение.

Творчество Надиры близко и дорого советскому узбекскому читателю, ее стихотворения и поныне звучат в кругу любителей поэзии. Светлая память о ней жива в народе.

ГАЗЕЛИ

Русский перевод (с оригинала) С. ИВАНОВА.

О солнце красоты твоей! Тем солнцем озарен весь свет,
В мельчайших атомах твой блеск, круженья и смятенья
след.

О стройный станом кипарис в садах нетленной красоты!
На кипарисе том венец благоухающий надет.

Соперник пери колдовских, явись, глазам моим
предстань,
Хотя бы на единый миг мне страждущей пошли привет.

Ты дремлешь в легком забытьи и сладкий сон
тебя пьянит,
Я ж бесприютна и одна среди моих суровых бед.

Всю ночь на улице твоей рыдала и стенала я,
И стлался неумный гам собак, залаявших в ответ.

К каким пределам ты теперь, скажи, отправился в поход?
В оставленных тобой краях известий от тебя все нет.

Согнулся стан мой, словно лук, трепещут стрелы
стонов в нем,
Прицелом этих острых стрел полет соперниц-звезд задет.

Зачем Меджнуну покидать свою любовь, свою Лейли?
Любви к Юсуфу Зулейха святой нарушит ли обет?

Как мог подумать ты, что вдруг тебя забудет Надира?
Негоже быть таким речам, души моей краса и свет!

Ты украшаешь мир, ты — солнце и луна,
А в солнце лишь краса твоя отражена!

Виденье дивных уст в душе не утаить —
Оно и в блестках брызг искристого вина.

Две пряди, как дракон, извивами крутятся,
Твой кипарисный стан замкнули в два звена.

Глаза его сравню с нарциссами в саду:
В миндальных тех глазах — колдунья-пелена.

Зачем встревожен ты стенаньями любви —
Боишься, что на мне — неверия вина?

Ты выйдешь в путь — горят все девять сфер
И вся твоя стезя огнем освещена. небес,

И тот, кто духом тверд, пойдет, тобой ведом,
Туда, где даль времен, пределов крутизна.

Ты — солнце в небесах, где властвует пророк,
Сверкаючи твоих достоинств имена!

Усердна Надира в служении тебе,
И — веру и весь мир в награду ждет она.

Душа моя — устам твоим медовым жертва,
Жизнь — стана твоего волшебным ковам жертва.

Разлука губит всех, кто ждет с тобой свиданья,
Душа и целый мир — манящим зовам жертва.

Но если не меня гнетут печаль и ревность,
Ну что ж, моя печаль — владельцам новым жертва.

Коль солнце и луна — лишь выдумка и сказка,
Ты — солнце, я ж — лучам твоим багровым жертва.

Поток брильянтов — слез из глаз моих печальных
Рубинам губ твоих, устам пунцовым жертва.

Для стана твоего, мой кипарис прекрасный,
Я в жребии моем — таком суровом — жертва.

Как горестна судьба, о Надира, в разлуке,
Когда моя душа любви оковам жертва!

Сеть локонов его меня поймала,
И ранят брови — два язвящих жала.

Клинкам бровей тех робко покориться —
Смиренье сердцу путь предначертало.

Кто у костра уснул, золой согретый,
Зачем ему соболье покрывало?

Из глаз моих потоки слез струятся,
Они взбурлят — любимого не стало.

Ведь жерновам времен не знать покоя,
Извечны стук колес, вращенье вала.

Нет, в людях мира верности не сыщешь:
Ведь редких драгоценностей так мало!

Без губ его пылает кровью печень.
Дай, кравчий, мне пригубить из бокала.

Влюбленные подобны каравану:
В поход идти — лишь с верными пристало.

О Надира, из глаз твоих в разлуке
Не слезы — кровь сама стекает ало.

Как кыбла для молящихся твой лик,
Но свет его и в кабачок проник.

Сегодня в кабачке бурлит вино —
Хозяин здесь открыл чудес тайник.

Кипящих кубков длинная чреда —
Вот верный путь спасенья забулдыг.

Бог существует, мир — небытие —
Ведь это каждый праведник постиг.

Поднять на плечи гору — тяжело:
Я и печаль — меж нами путь велик!

Друзья мои рыдают надо мной,
Враги — дивятся, прикусив язык.

О Надира, всегда ищи любви:
Ведь без любви потерян каждый миг!

Уж я давно дружна с другим, и весь тот долгий срок
Огонь утраты изнурял, терзал меня и жег.

Так нужно было: я ушла, велению верна,—
Иначе бы хозяйский кров покинуть раб не смог!

Очам души моей сурьма — прах от дверей твоих,
Уйти ж от дома твоего — нет для меня дорог.

С тобой — счастливая звезда, судьба твоя светла,
Богатство, власть — твои рабы, и жребий твой высок.

Залог покоя слуг твоих — прислуживать тебе:
Нет в мире счастья для того, кто бросит твой порог.

А я к порогу твоему устало преклонюсь:
Мне без тебя иной приют — пристанище тревог.

Любимому рабою быть готова Надира,—
Хоть эту милость от него пошли мне, ветерок!

Жизнь изведать сумей и — уйди.
Мир познай и людей и — уйди.

От жестоких обидчиков — прочь!
Стоном горе излей и — уйди.

В цветнике бытия погости,
Как средь роз соловей, и — уйди.

О слеза! Огляни мир чудес
Из приюта очей и — уйди.

Лжив и тленен цветник бытия,
Вздохом листья развей и — уйди.

Для влюбленных пристанище — сад:
Выйди в путь поскорей и — уйди.

В мир пришел ты — какая в том цель?
Лишь поведай о ней и — уйди.

Тайну чувств береги от толпы,
В сердце тайну взлелей и — уйди.

В путь любви соберись, Надира,
Слезы-жемчуг пролей и — уйди.

Когда исполнен человек живых примет любви,
Он и в возлюбленном найдет ответный след любви.

Достоин пиршества любви, кто ночи напролет,
Глотком единым вдохновлен, являет свет любви.

Достоин тот, кто, позабыв мирскую суету,
Пьет залпом чашу и хранит хмельной завет любви.

Коль ты любовью сокрушен, таи свою печаль,
Соперник спросит про нее,— скажи, что нет любви.

Покоя хочешь,— береги своей любви приют:
Под сенью крепких стен его грозит ли вред любви?

Мессия снизошел с небес, чтоб страждущим помочь,
И стало солнце в небесах больным от бед любви.

Коль от соперников-врагов себя убережешь,
Не выдай и друзьям своим — в пылу бесед — любви.

Притворно чётки теребя, гордился тем аскет,
Но стал благим он, и — зуннар на нем надет — любви.

Когда увидишь, Надира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой секрет любви!

Хоть мир бедой своих дорог замаран,
У мудрых был ли хоть сапог замаран?

Кого корысть за ворот держит крепко,
Тот и подол не уберег: замаран.

Мир от вершины до подножья грязен:
Не будь в нем с головы до ног замаран.

Ведь птица Анка миру не являлась,—
Был ли у ней хоть коготок замаран?

Проходят все чистилище мирское:
Тот вышел чист, другой не смог — замаран.

Мелькнет в вине святоши отраженье,
И в чаше — грязь, любой глоток замаран.

Знай, Надира, ханжа ручья коснется,
И — в устье грязь, и весь исток замаран.

В любви мне и лихой юдоли хватит,
От счастья мира — жалкой доли хватит.

Развеселят ли пир мой стенанья?
Здесь стоны чангов — их на то ли хватит?

А в кабачке — вино в тюльпанных чашах,
Убранства блеск — всего здесь вволю хватит.

Искать ночами след его при вспышках
Моих стенаний — мне той доли хватит.

И чтоб сгубить врагов его навеки,
Тоски моей, сердечной боли — хватит.

Скитаюсь я одна в степи безумья,
Мне друга-смерча в диком доле хватит.

А сердце, Надира, — излить страданья,
Хоть капля крови есть доколе, — хватит.

Пламя страсти в разлуке — такая беда,
Что померкнет пред ней преисподней страда.

Сердце — рана сплошная, рубец на рубце.
Это след твоих стрел — к борозде борозда.

Равнодушие с любовью нельзя примирить:
Жаркий пламень — противник холодного льда.

Шаху царское ложе приносит покой,
Я ж, как странник, и местом у печки горда.

Надира, в этом мире — убийство и зло.
Нет покоя, где кровь проливает вражда.

Когда былую верность он безжалостно пресек,
Как стал от тела моего огонь души далек!

И странно ль, что меня сметут моей беды войска,
Коль войско твердости моей не выслало подмог?

Бессильна я, больна: отнят луноподобный мой.
О как превратна ты, судьба, как мой злосчастен
рок!

Душа! Безмолвен мой язык, а ты приказа ждешь,
Твой путь — в страну небытия по пустырям пролег.

Блажен, кто принят в тот приют, где властвует
любовь:
Его беседу никто еще не пренебрег!

Терзаясь мукою своей, узнала Надира:
С разлукой рядом — адских мук огонь не так
жесток!

Благодарение вовек: мой не отвергнут труд,
Приметы верные любви опору мне дают.

Ты для неверных — божество, ты — идол мусульман,
Кааба с капищем — твой дом, два храма — твой
приют.

Когда сразит тебя печаль, скорее — в кабачок,
Проси поддержки у гуляк: они ведь добрый люд.

Хозяин стену здесь воздвиг — сплошной заслон
из чаш,
И толпы диких орд сюда вовеки не пройдут.

Доступен ли урок любви отшельнику-глупцу?
Смотри: заученно бубнит он свой словесный
блуд.

Походкой плавной мой кумир выходит прямо
в сад,
Меж кипарисами в саду он самый стройный тут.

Зовя к свиданью, мой кумир подходит к Надире,
Ведь к цели на ином пути — его преграды ждут!

Десница смерти тем горька стократ,
Что ею будет труд всей жизни взят.

Не тщись украсить зданье бытия:
Ветха опора — бранный мир утрат.

В чертоге сердца вечна боль любви,
Пока на свете вечен жизни сад.

Хитер в обмане и неверен мир,
В нем даже верность лишена усад:

Ширин томилась, мучилась Лейли,
Меджнун терзался, горевал Фархад.

Все связи мира — звенья цепи зла.
Не так ли ловчий ставит сеть засад?

Во всех садах земли, о несравненный мой,
Самшит и кипарис сравнятся ли с тобой?

В искусстве — так, шутя, пролить чужую кровь —
Твой взор лишь ученик твоей издевки злой.

Приди ко мне, приди, мой стройный кипарис:
В моих мечтах — твой стан, красивый, молодой.

С тем луноликим, рок, меня ты разлучил
И сто несчастий мне послал своей рукой.

Терзай меня, терзай разлукою, судьба,—
И горе, и печаль сроднились со мной.

Смирению научись — и сердце заблестит,
Как чищенная сталь — зеркальной белизной.

Скорбящая душа из тела рвется прочь —
Ах, вызволь соловья из тесной клетки той!

Ты дерзко возжелал Каабу укрепить,
А сердце — среди руин, его благоустрой!

Жестокости судьбы, его измены боль —
Как тяжело, Надира, жить с мукою такой!

Я захлебнулась кровью, скорбь — в дыхании
оледенелом,
Как листья осени, лицо в разлуке стало
пожелтелым.

Я на дороге ниц паду туда, где он ногою ступит,—
Не страшно превратиться в прах душой измученной
и телом.

Врач, осмотрев меня, сказал, грызя персты
в недоуменьи:
«Любовь — недуг твой, для нее лекарств не сыщешь
в мире целом».

Кто жаждет суеты мирской, того погубят пути
страсти,
Но вольных в цепь не заковать, капкан не будет им
уделом.

Не будь беспечным, если вдруг войска разлуки
набежали,
О сердце, в битву устремись, отдай всю силу
стонов стрелам!

На теле немощном моем — разлуки горестные пятна:
В игре любви два цвета есть, и черный цвет здесь
рядом с белым.

Ты не находишь, Надира, тропинку к цветнику
свиданья,
Скитаешься среди пустынь в отчаяньи оцепенелом.

Прошла счастливая пора, нет больше мне вестей о нем,
И сердце на его пути скорбит в рыдании немом.

Где кипарис взметнется ввысь, цветут бутоны
нежных роз,
Но сколько стройных тех деревьев ушло, покинув сад —
свой дом!

И он на пиршестве времен вознесся гордой головой,
Но, как свеча — в недолгий срок,—сожжен губительным
огнем.

Весной бутоны роз цветут в садах, где верность
и любовь,
В разлуке ж печень, как тюльпан, кровавым рдеет
лепестком.

Степи безумья суховой — то сердце мечется мое,
Но след к заветной той тропе ему поныне незнаком.

И если пес его придет о сердце горестном узнать,
Я брошу печень перед ним — приманкой, лакомым
куском.

От мук разлуки я больна и скорбно я на мир гляжу,
А он на слезы Надиры уже не глянет и тайком.

Его не вижу — боль досад бывает,
И на сердце печаль стократ бывает.

Да, миру много выпало раздоров,
Однако в нем и свет, и лад бывает.

Народ всегда во всем приносит жертвы,
И даже смерть — когда велят — бывает.

Ну что ж? Уста Мессии животворны:
Лекарство ведь от всех утрат бывает.

Когда ресницы-стрелы жгут шипами,
Тоской и горем ворот смят бывает.

И каждой ночью из-за мук разлуки
Стенаньями мой голос сжат бывает.

А в мире, Надира, ведь невозможно
Любимого вернуть назад бывает.

Счастья встреч без мучения нет,
Без шипов — роз цветения нет.

Есть избранники сердца у всех,
Мне ж в любви утешения нет.

Встреч с возлюбленным я лишена,
И от мук мне спасения нет.

От соперниц глумленья терплю,
Но любви без терпения нет.

Тени нет у разрушенных стен,
Сокрушенным — забвения нет.

Пусть твой локон змеится: где клад,
Там от змей избавления нет.

С кипарисом не сравнивай стан —
В кипарисе движения нет.

Слов соперниц не бойся: у злых
Не найдешь одобрения. Нет!

Но поймет, кто в любви одинок:
Надире исцеления нет.

О стройный кипарис, о чем твоя мечта?
Душа тобой горит, жизнь без тебя пуста.

Молитвы возношу, молю тебе добра —
Пускай твоя вовек сняет красота.

Луноподобный лик! — С ним солнце спор ведет,
Но, верно, на закат уходит неспроста.

Отшельникам нужны Ковсер и Сельсебиль,
А мне — лишь влажный блеск сверкающего рта.

Когда еще не знал ты вязи черных строк,
Предрек тебе Коран счастливые лета.

О нищий весельчак, твой кубок — черепки,
Но кубок Джема им — размером не чета!

Все, кто в тебя влюблен, печалью сражены,
Но хоть на миг тебя печаль сразила б та!

О сердце, ты тоской навек сокрушено:
Вся сила от тебя разлукой отнята.

Ты столько, Надира, твердишь про боль любви,
Что знают все теперь, как скорбь твоя люта!

О судьба, ты меня в жертву мук превратила
И в забаву в когтях у разлук превратила.

Стрелы стонов моих к дальним звездам взлетают,
Ты для этих вот стрел стан мой в лук превратила.

Справедливой судьбы ты не ведало, сердце,
И роптанья соблазн в мой недуг превратило.

Луки — брови его, словно стрелы — ресницы.
Сердце, в цель этих стрел ты свой стук
превратило.

Ты насупил чело — зерна родинок скрылись,
В серый пепел мой лик горе вдруг превратило.

Но свиданье прошло, и настала разлука
И цветенье весны в темень вьюг превратила.

Сердца стон Надира затаила глубоко.
В боль и муку души этот звук превратила.

В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна,
Я в одиночестве своем печальна и грустна.

В разлуке с луноликим тем в моей лачуге мрак,
Мне вместо пищи — горечь слез и желчь — вместо
вина.

Лишь он один был у меня среди мирских сует,
И от земных раздоров я была отрешена.

Что солнце мне и что луна, о грозный небосвод!
Над повелителем моим сошлась земля черна.

Чертог любви я возвела ценой таких трудов,—
Поток событий снес его, мой труд погиб сполна.

Зачем, друзья, твердить мне ложь, что будто бы
он жив?
Ведь нет уж и во мне души — смотрите, как бледна.

В разлуке с ним нет и следа того, чем я жила:
Жива я или же мертва — загадка та трудна.

И сколько б ни было богатств под властью рук монах,
Без светоча моей души ничтожна и казна!

Шербет свиданья был в мечтах, но рок сулил мне яд.
Что ж делать, коль судьба моя была предрешена!

Надежд не стало, Надира, и нет уж веры в мир:
Моя надежда — шах Дара ушел в обитель сна.

Твой стан-кипарис я вспомню — и горе меня крушит:
От стонов моих и вздохов расколот мой стан-самшит.

В груди — ураган стений, рыданий страшен потоп:
Судьбы моей дом разрушен и камень под ним размыт.

Кумир мой, тебя б увидеть, увидеть твою красу —
Я вспомнила твой волшебный — как сказочных
пери — вид.

В силках моей страсти бьется, как пойманная, душа:
Жестоки ее терзанья, мучительна боль обид.

От вечера до рассвета средь стаи твоих собак
Стонала я и стонала и плакала я навзрыд.

Кудрей твоих выются кольца, и чудится будто мне:
Аркан ловца-зверолова вокруг шеи моей обвит.

С тобой кипарис сравню я — он станет твоим слугой:
Не пленником в гуще сада, а участью горд стоит.

Я в буквах ищу сравнений: как «нуны» дуги бровей,
Как «сад» у очей-нарциссов миндальный изгиб орбит.

О Надира, неприступна гора любви — Бесутун,
И я, как Фархад, упорно страданий крушу гранит.

Увы, круговорот времен разлуку шлет с моим джигитом.
О сердце, как печальна я в моем рыданьи неизлитом!

В долине горестной любви по ветру в пыль мой прах
развеян,
В песках, ища целебный прах, Меджнун блуждает
следопытом.

Багряной кровью слезы лью, в лице — мертвящий цвет
шафрана,
Где осень, где весна моя — иди, попробуй,
различи там!

Разрушен дом моей судьбы, приют былых восторгов
сломан.
Как мне найти теперь покой в моем пристанище
разбитом?

Пески пустыни обойдя, я не нашла родного следа.
О ветер, дай о милом весть — я жизнь вручу могильным
плитам.

Когда любимый вдалеке, мне край мой и друзья —
чужие,
Я без него в родном краю одна терзаюсь пережитым.

То, задыхаясь, ворот рву, то кровь в стенаниях глотаю:
Что случилось с сердцем, Надира, сплошными ранами
покрытым?

Сердцем я написала, как разлука горька:
Капли слез вместо точек, кровью вьется строка.

Рвет десница разлуки в клочья платье на мне:
Где подол и где ворот — не узнаешь куска.

Околдовано страстью, стонет сердце мое,
Утром ночи бессонной рвет мой ворот рука.

Ты поведай, о ветер, про страданья мои:
Ведь любимый не знает, как та страсть велика.

Не спасется избранник от стенаний моих:
Небо все запылало — искра стонов жарка.
Только скрылся от взора повелитель души,—
Очи света лишились, жизнь лишь тлеет слегка.

Свижусь с ним — и от счастья засияют глаза,—
Так лицом он прекрасен, так улыбка ярка!

Но мой взор изменил мне: одинока душа,
Мне разлука с любимым суждена на века.

Взор! Правитель вселенной, открыватель миров!
Самый ценный твой камень выкран из рудника.

Повеление миром — под печатью моей,
Но в велениях чувства сердцу петля узка.

Если ветер не выдаст тайну чувств Надиры,
Мой кумир не узнает, как разлука горька.

Десница рока, разметав мой прах, разлуки
урагану отдала,
Остатки тела волнам моря слез — рыданий океану
отдала.
О лекарь, понапрасну не трудись, от бед моих
лекарства не ищи:
Покинутых ведь власть судьбы навек болезни злой
дурману отдала.
В печали о любимом век прошел, моей кручине не
было конца,
Безбрежная тоска мой дух беде — я в ней, как в
бездне кану! —
отдала.
В моих словах печальных ладу нет, нет в них
порядка: ведь звезда судьбы
Жемчужины тех слов такой, как я, — носящей в
сердце рану — отдала!
Отчаянье сомкнуло мне глаза, с моим Юсуфолицым
разлучив,
Судьба меня пристанищу беды — в плен темному
чулану отдала.
Затерянное сердце не найдешь: его моя
разлучница-судьба
Как каплю крови океану слез — потоп, куда ни
гляну! — отдала.
Как цвет тюльпана, Надире на грудь багрянцем
не легло клеймо беды:
Велением своим печать судьбы ее Умарсултану
отдала.

Все мало: я — как мотылек, и жечь меня готов
огонь.

Аскет бездушный, ты спросил причину слез и мук
моих.

Ты видишь: грудь тоской горит, ответ — мой этот
зов — огонь.

В словах печальной Макнуны—лишь пламя, больше—
ничего:

В листках тетради — скорбь горит, диван моих
стихов — огонь!

Черны витки твоих кудрей — ночная пелена любви,
 Лучи чудесной красоты — как полная луна любви.
 Без звука сладостных речей больному сердцу жизни
 нет:
 Краса твоих рубинов-уст — сама душа, полна любви.
 Все сердце — кровь, в душе — лишь скорбь, вся
 жизнь моя — кромешный мрак,
 Ведь это я твоей рукой к такой присуждена любви!
 Твой лик — сокровищница тайн — тайн совершенства
 красоты,
 Моя ж печальная судьба — бездонная казна любви.
 Мне суждены печаль и грусть, стенанья, муки,
 боль измен,
 И это — от любви к тебе, жестоки времена любви!
 У бед любви суров закон: в степи безумья
 чахнуть мне,
 Сосуд любви разбит тобой, я в жертву отдана
 любви.
 Огнем вся печень сожжена — ей дать бы влагу уст
 твоих,
 Уста ж твои горьки, как соль, — как будто соль
 нужна любви!
 Ах, долго ль униженья прах мне будет усыпать
 чело?
 Ужель загублены тобой и слава и весна любви?
 Готова я принять и боль, и радость милостей
 твоих —
 Ведь раб покорный — Макнуна велениям
 верна любви.

ПРИМЕЧАНИЯ
к русским переводам газелей Надиры

- Газель № 17. Кааба — храм в Мекке, одна из святынь мусульман.
Михраб — ниша в мечети, расположенная в направлении к Мекке.
- Газель № 32. Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане поворачивались во время молитвы.
- Газель № 48. Мессия — мифический чудотворный врач. Зуннар — пояс, которым в странах ислама повязывались немусульмане.
- Газель № 56. Анка — сказочная птица — повелительница всех птиц.
- Газель № 57. Чанг — музыкальный инструмент.
- Газель № 86. Самшит — дерево, с которым в поэзии сравнивался красивый стан; в «иерархии» сравнений для красоты стана самшит занимает второе место после кипариса.
- Газель № 99. Ковсер и Сельсебиль — названия мифических живительных источников, будто бы находящихся в раю.
Кубок Джема. Джем — мифический царь древнего Ирана, обладатель волшебной чаши, отражающей весь мир («зерцало мира»).
- Газель № 107. Шах Дара — персидский царь Дарий (IV в. до н. э.).
«Нун» и «сад» — названия букв арабского алфавита.
Бесутун — гора в Иране, поэтический образ неприступной твердыни.
- Газель № 143. Навруз (перс.-тадж., букв. «новый день») — праздник нового года, справлявшийся в день весеннего равноденствия.
- Газель № 145. Юсуф — библейский Иосиф прекрасный.
-

Лексико-грамматический анализ стихотворений Надиры

До настоящего времени узбекская филология не уделяла внимания тематике, лежащей в той сфере, где литературоведение и языкознание тесно соприкасаются друг с другом,— комплексному двустороннему литературно-языковедческому анализу художественных произведений. Не претендуя на решение больших задач в этой области, автор настоящей работы предлагает ниже этюд, имеющий целью дать лексико-грамматический комментарий к газели Надиры № 48 на узбекском языке.

В своей работе мы опирались на предшествующий опыт акад. АН СССР Л. В. Щербы и чл.-корр. АН СССР В. А. Богородицкого, первый из которых подверг всестороннему анализу стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сосна»¹¹³, а второй — отрывок одного и того же текста на нескольких романских и германских языках¹¹⁴. Автор надеется, что представляемый на суд читателя анализ принесет пользу как отправная точка для дальнейших опытов подобного рода.

Порядок расположения материала нами принят следующий: а) стихотворение разделено на двустишия; текст каждого двустишия дан основным прямым полужирным шрифтом; б) под каждой строкой в двустишии светлым прямым шрифтом на кегль меньше дан перевод каждого слова; в) далее приводится дословный (смысловый) перевод каждого двустишия курсивом; г) затем следует двустишие в поэтическом переводе ленинградского востоковеда С. Н. Иванова прямым светлым шрифтом; д) после

¹¹³ Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию, М., Учпедгиз РСФСР, 1957, стр. 97—109.

¹¹⁴ В. А. Богородицкий. Введение в изучение современных романских и германских языков, М., ИЛ, 1953.

этого приводится вновь следующее двустишие в указанном выше порядке и т. д. Наконец, после всего стихотворения идет лексико-грамматический комментарий.

Текст узбекской газели № 48

Ҳар кимда | агар | бор эса | осори | муҳаббат.
У каждого | если | есть | признаки | любви

Айлар | анга | маҳбублар | изҳори | муҳаббат.
сделают | ему | возлюбленные | изъявление | любви

*Каждому, у кого есть признаки любви,
Изъявят ему возлюбленные любовь.*

Когда исполнен человек живых примет любви,
Он и в возлюбленном найдет ответный след любви.

Майхонаи ишқ ичра | хуш | ул | риндки, | тунлар
В кабачке любви | хорош | тот | кутила, | ночами

Бир | журъа | учун | бор эса | бедори | муҳаббат
Один | глоток | из-за | есть если | бодрствование | любви

*В кабачке любви хорош тот кутила (гуляка),
Который бодрствует в любви из-за единого
глотка [вина].*

Достоин пиршества любви, кто ночи напролет,
Глотком единым вдохновлен, являет свет любви.

Хушдур | киши | дунё | ғамини | қилса | фаромуш,
Хорошим является | человек | мира | горе | если сделает | забытым,

Ложуръа | чекиб | соғари | саршори | муҳаббат.
Без глотков | выпивая | кубок | опьянения | любви.

*Хорош тот человек, кто забыв о горестях мира,
Выпивает залпом переполненный кубок любви.*

Достоин тот, кто, позабыв мирскую суету,
Пьет залпом чашу и хранит хмельной завет любви.

Олам | элига | бўлмағил | иқрори | муҳаббат.
Мира | людям | не будь | признанием | любви.

*Если уберешься, о сердце, от упреков соперников,
Не признавайся перед людьми мира в любви.*

Коль от *соперников-врагов себя уберешь,
Не выдай и друзьям своим — в пылу бесед — любви.

Тасбиҳи риёи била | мағрур | эди | зоҳид,
Четками лицемерия | горд | был | аскет

Тавфиқ | топиб | боғлади | зуннори | муҳаббат.
Благочестие | найдя | повязал | пояс | любви.

*Аскет гордился лицемерно четками,
А став благочестивым, повязал пояс любви.*

Притворно четки теребя, гордился тем аскет,
Но стал благим он, и зуннар на нем надет любви.

Эй | Надира, | зуҳд аҳлини | майхонада | кўрсанг,
О | Надира, | людей воздержания | в кабачке | если увидишь

Дам урмаки, | фош ўлмасин | асрори | муҳаббат.
Не проговорись, | чтобы не открылись | тайны | любви.

*О Надира, если встретишь в кабачке аскетов,
Не проговорись о тайнах любви.*

Когда увидишь, Надира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой секрет любви

Лексико-грамматический комментарий

1. **Ҳар** — слово персидско-таджикского происхождения **هر**, в узбекском языке означает «каждый, всякий, любой». В сочетании с вопросительными местоимениями образует определительные местоимения. Это слово широко распространено во всех стилях письменного и устного языка в прошлом и сейчас (2)*.

* Условно здесь и далее в тексте мы отмечаем в скобках по четырехбалльной системе употребительность слова в современном узбекском письменном языке (на основании материалов словарной

Кимда — вопросительное местоимение ким «кто», оформленное аффиксом местного падежа -да. В сочетании с предыдущим словом образует лексическую единицу, эквивалентную слову «каждый, всякий», а с аффиксом -да — «у каждого, у всякого». Слово — общетюркское, широко распространено в письменной и устной речи (2).

Агар — условно-уступительный подчинительный союз اگر, здесь — в функции условного «если». Чаще сочетается с глаголами в условном наклонении. Слово персидско-таджикского происхождения. Широко распространено и прежде и ныне (2).

Бор — «есть, имеется», предикативное слово тюркского происхождения, часто выступающее наряду со своим антагонистом йўқ в предложении в роли сказуемого. В парном употреблении со словом йўқ и аффиксами принадлежности в форме бори-йўғи означает «все, что имеется». Это же значение может иметь и одно бори (2).

Эса — форма условного наклонения третьего лица единственного числа недостаточного глагола эмоқ (быть). Ныне в языке имеются «застывшие» формы этого глагола — эдим, эдинг и т. д., эса, экан, эмас, эмиш (эмоқ — 0, эса — 2).

Осори — оформленное изафетом слово арабского происхождения — так называемое ломаное мн. число اثار от ед. числа اثر. Означает «следы, признаки». Находится в status constructus, т. е. в определительном сочетании со следующим словом муҳаббат (4).

Муҳаббат — «любовь» — слово арабского происхождения, حبّ < محبة (любить). Распространено и в прежние времена, и теперь (3).

Айлар — форма третьего лица множественного (и единственного) числа будущего возможного времени вспомогательного глагола айламоқ (делать). В современном языке этот глагол считается устаревшим и характе-

картотеки Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР). Наибольшая степень употребительности отмечается цифрой 1, наименьшая — 4. Цифрой 1 отмечается встречаемость слов в большом количестве текстов на каждые 1 000 слов (и более), 2 — на 10 000 (и более), 3 — на 100 000 (и более) и т. д., т. е. слова предыдущей группы в среднем в 10 раз более употребительны, чем последующей. Такой метод, пока не получивший широкого распространения, применяется некоторыми лингвистами Узбекской академии наук в их лексикологических исследованиях.

рен только для поэтической речи. В контексте он образует сложный глагол **изҳор айламоқ** (изъявлять), компоненты которого находятся в дистантной инверсии. Самостоятельного лексического значения не имеет, а обладает лишь грамматическим значением, таким же, как у глаголов **қилмоқ**, **этноқ** (делать) в составе сложных глаголов (4).

Анга — „ему“ — арханческая форма личного местоимения III лица единственного числа **أنا** + аффикс дательно-направительного падежа -га. В современном языке местоимение в этой форме совершенно неупотребительно (0)*.

Маҳублар — „возлюбленные“ — слово арабского происхождения, того же корня, что и **муҳаббат**. Множественное число слова **маҳуб** **محبوب** (возлюбленный), образованное аффиксом множественного числа -лар (4).

Изҳори — слово арабского происхождения **изҳор** **اظهار**, означает „проявление, выражение, обнаружение“. В тексте оформлено изафетом и находится в status constructus (определятельном сочетании) со словом **муҳаббат** (4)

2. **Майхона** — «винный погреб, кабачок, питейный дом», сложное слово, составленное из двух компонентов **май** + **хона** (вино + дом, комната). Оба эти слова — таджикско-персидского происхождения. Последнее превратилось в узбекском языке в довольно продуктивный аффикс (аффиксоид или слово-аффикс, как его называют некоторые узбекские языковеды), образующий названия помещений, домов и т. п. Слово **майхона** оформлено изафетом и находится в status constructus со следующим словом **ишқ** (4).

Ишқ — „любовь, влюбленность“, слово арабского происхождения **عشق**. Вошло в узбекский язык очень давно и поэтому ощущается в языке как свое (не заимствованное) слово. Свойственно главным образом поэтической речи. Служит базой для образования производных слов **ишқивоз** — любитель, **ишқий** — любовный и др. (3).

* Цифра 0 означает, что слово в современном узбекском языке не встречается или встречаемость чрезвычайно мала.

Ичра — послелог «в» (на вопросы где? и куда?). В тексте обозначает не направление (куда?), а место (где?). Относится к предыдущему словосочетанию. Слово тюркского происхождения, в современном языке представляет собой неразложимый комплекс, а этимологически — ич (нутро, внутренность) + -ра (архаический аффикс дательно-направительного падежа). Слово **ичра** в современном языке ощущается как архаизм (соответствует современному узбекскому **ичида** или **ичига**) и применяется (чаще в поэзии) для стилизации или для придания высказыванию торжественной приподнятости (4).

Хуш — слово таджикско-персидского происхождения خوش. Означает „хорош (-ий, -ая, -ее), приятный (-ая, -ое)“. Слово воспринято узбекским языком, чужеродность его носителями языка не ощущается. В современном языке ввиду многочисленности сложных слов, в составе которых первым компонентом является слово „хуш“, последнее проявляет тенденцию к превращению в своеобразный префикс (хушвақт — веселый, арабск. вақт — время; хушгап — вежливый, тадж.-перс. гап — слово, слова; хушёқмас — лодырь < ёқмоқ — нравиться) (3).

Ул — местоимение личное (третье лицо единственного числа — «он, она, оно») и указательное («тот, та, то»). Ощущается как архаизм и встречается чаще в поэтической речи (4).

Ринд — слово таджикско-персидского происхождения (гуляка, кутила). Нигде, кроме классической поэзии, не встречается. Современные поэты это слово не употребляют (0).

-ки — „что, который, чтобы“, подчинительный союз таджикско-персидского происхождения کي. Передаёт в узбекском языке те же грамматические отношения, что в таджикском и персидском языках: определительные, изъяснительные, целевые, причинные, временные. Может вводить прямую речь. В данном случае он выражает определительные отношения и переводится словом „который“ (1).

Тунлар — «ночи». Мн. число от слова тун (ночь) + афф. мн. числа -лар. Слово тюркское, но известное не во всех тюркских языках (3).

Бир — «один», узбекское и общетюркское слово, количественное числительное (2).

Журъа — арабское слово **جرع** < **جرعه** „глоток“ „глотать“, в современном узбекском языке не употребляется (в том числе и в поэзии) (0).

Чун — послелог (собственно послелог, послелог-частица, по классификации А. Н. Кононова, не имеющий лексического значения), выражает грамматические значения цели, назначения, причины: «ради, для, за, из-за». В поэзии встречается также его усеченная форма **-чун** (2).

Бедор — таджикско-персидское **بیدار** „бдительный, бодрствующий“. Характерно и для прозы, и для поэзии (4).

3. **Хушдур** — см. хуш (п. 2) + -дур — аффикс сказуемости, в современном языке -дир.

Киши — «человек» — общетюркское слово, самое древнее из слов, употребляющихся в узбекском языке для названия человека. Зарегистрировано памятниками древнетюркской письменности (2).

Дунё — „мир, вселенная“, слово арабского происхождения, этимологически **دنیا** — „ближайшая“ (форма женского рода от **أدنى** — „ближайший“ < **دنا** „приблизиться“) в отличие от „далекого“, потустороннего мира. Слово **дунё** широко применяется во всех жанрах и стилях устного и письменного литературного языка (3).

Гам — „горе, печаль, тоска, кручина“, слово арабского происхождения **غَمَّ** < **غَمَّ** „огорчать, печалить“ < основное значение „заволакивать, покрывать тучами“. В тексте оформлено двумя аффиксами — притяжательным третьего лица ед. числа и винительного падежа. Широко употребительное слово (3).

Қилса — форма условного наклонения третьего лица единственного числа настоящего-будущего времени от глагола **қилмоқ** — „делать, совершать“. В большинстве случаев не имеет лексического значения, образует сложные или составные глаголы. В тексте газели образует сложный глагол **фаромуш қилмоқ** — забывать (калька с таджикско-персидского **فراموش کردن**) (1).

Фаромуш — таджикско-персидское فراموش «забвение». Без вспомогательных глаголов в узбекском языке не употребляется (0).

Ложуръа — арабское отрицание لا — «не, нет» со словом журъа, рассмотренным в п. 2.

Отрицание لا в арабском языке означает «не, нет», «без..., бес...». В узбекском языке употребляется в очень редких случаях только в языке поэзии (0).

Чекиб — форма деепричастия от глагола чекмоқ тюркского происхождения, основное лексическое значение которого «тянуть, тащить». На основе этого значения развились многие переносные значения: «переживать, переносить, испытывать; курить, пить». В тексте газели применено последнее из указанных значений, возникшее в результате сочетания со следующим словом соғар. Глагол чекмоқ употребляется в языке и как вспомогательный (2).

Соғар — слово таджикско-персидского происхождения ساغر означает «чаша для вина, кубок». Встречается только в языке поэзии (4).

Саршор — слово таджикско-персидского происхождения سرشار, означает «переполненный». Другое его значение — «хмельной». Находится в status constructus со словом муҳаббат (4).

4. **Тут** — повелительное наклонение второго лица единственного числа от глагола тутмоқ, слово тюркского происхождения, зарегистрированное памятниками древнетюркской письменности. Означает «держаться, брать, хватать, ловить, подавать, придерживаться, содержать, управлять». В тексте газели употреблено в основном значении «держаться». Глагол этот широко применяется как вспомогательный, образует сложные и составные глаголы, в которых его лексическое значение несколько приглушено, но не совсем утеряно (1).

Файр — слово арабского происхождения. В поэтическом языке означает «соперник». В газели употреблено с аффиксом исходного падежа -дин (4).

Эй — междометие «эй, о» (4).

Хаста — таджикско-персидское خسته «усталый, изуренный, измученный, истерзанный». В некоторых тюркских языках имеет значение «больной», но в узбекском языке последнее не воспринято (4).

Кўнгул — «сердце, душа» (в современном правописании кўнгил). Слово тюркского происхождения. В тексте употреблено в основном значении (2).

Доғ — слово таджикско-персидского происхождения دغا, имеющее весьма развитую систему значений: 1) клеймо, знак; выжигание, клеймение; рана; 2) раскаленный; 3) (перен.) мучение, рана. В узбекском языке оно обогатилось добавочно оттенками значений: 1) пятно (в прямом и переносном смысле); 2) печаль, огорчение, скорбь. В значении «раскаленный» употребляется только с вспомогательными глаголами — доғ қилмоқ — «раскалить» и доғ булмоқ — «раскалиться, кипеть». Это слово свойственно и устной, и письменной речи (2).

Пинҳон — персидско-таджикское слово پنهان „скрытый, затаённый“. Малоупотребительно в узбекском языке. Находится в дистантной инверсии со словом тут (4).

Гар — сокращенная (усеченная) форма слова агар (см. п. 1) (4).

Сўрса — «если спросит» — форма третьего лица единственного числа условного наклонения настояще-будущего времени от глагола сўрмоқ — «спрашивать». В современном узбекском языке форму сўрмоқ почти совсем вытеснила форма сўрамоқ, образованная аффиксом -а от корня сўр-. Этот аффикс придает некоторым глаголам значение многократности. Как в газели, так и в современном поэтическом языке употребление сўр- определяется требованиями размера стиха. Сравним поговорку: ранг кўр, ҳол сўр «посмотри цвет лица, справляйся о здоровье (человека)» (2).

Биров — «кто-то, некто» (4); <бир+ов (аффикс с собирательным значением).

Айлагил — форма повелительного наклонения от глагола айламоқ (см. п. 1).

Инкор — слово арабского происхождения انكار „отрицание, непризнание“ نكر < „не признавать, отрицать“. Вошло в узбекский язык в давние времена. Употребительно и в устной, и в письменной речи. **Инкор қилмоқ** — „отрицать“, употребляется в речи не реже, чем синонимичное ему тюркское тонмоқ (4).

5. Роҳат — слово арабского происхождения راحة „спокойствие, покой“ (روح) راح. В узбекский язык вошло очень давно. Общеупотребительное слово (4).

Тиласанг — „если желаешь“ — форма второго лица единственного числа условного наклонения настояще-будущего времени от глагола тиламоқ „желать, хотеть; просить; клянчить“. Возникло это общетюркское слово от слова тил تل „язык“ с помощью глаголообразующего аффикса -а (3).

Бино — слово арабского происхождения بنا „здание, постройка“ <بنى „строить, возводить, сооружать“. Прочно вошедшее в словарный состав узбекского языка слово. Оформлено притяжательным аффиксом третьего лица единственного числа -си и аффиксом винительного падежа -ни. Слово бино — определяемое по отношению к своему определению ишқ (3).

Паноҳ — персидско-таджикское слово پناه „прибежище, убежище, защита“ (4).

Эт — повелительное наклонение второго лица единственного числа от глагола этмоқ — «делать», который всегда, как и в данном случае, применяется как глаголообразующий элемент, образуя сложный глагол паноҳ этмоқ — «защищать, беречь, охранять». Глагол этмоқ этимологически восходит к эмоқ («быть»), представляя собой форму понудительного залога от него. Широко употребительное древнетюркское слово (1).

Осуда — персидско-таджикское слово آسوده „спокойный, безмятежный“. В современном узбекском языке, даже поэтическом, это слово не применяется (0).

Эзур — «будет» — форма третьего лица единственного числа будущего возможного времени от глагола эмоқ (см. п. 1).

Соя — персидско-таджикское слово سایه „тень, сень; защита, покровительство“. Это слово так прочно вошло в словарный состав узбекского языка, что употребительно не менее своего тюркского синонима кўланка, и его иноязычное происхождение говорящими не ощущается. Оформлено показателем изафета -и и находится в изафетной цепи сояи девори муҳаббат (3).

Девор — „стена“, слово دیوار персидско-таджикского происхождения, прочно вошедшее в словарный состав узбекского языка. Чужеродность его не ощущается. В тексте оформлено изафетом -и (3).

6. **Бол** — „крыло, рука“ — персидско-таджикское сло-

во. Может переводиться и как „крылья, руки“ (явление, характерное для названий парных частей тела). В узбекском языке применяется слово қанот (крыло), а слово бол — только в составе некоторых фразеологических единиц, например, болу пар (букв. крылья и перья) „помощник, правая рука“. В тексте газели слово бол входит в состав фразеологической единицы (фразеологического единства) бол (ини) узмоқ (букв. сорвать крылья — „изнemocь, обессилеть“). Это сочетание слов является калькой с персидско-таджикского بال افكندن с тем же значением (0).

Борди — „пошел“ — форма третьего лица единственного числа глагола бормоқ — „пойти, поехать“, относящегося к древнейшим общетюркским пластам языка. Глагол бормоқ имеет развитую систему лексических и грамматических значений (1).

Иёдат — слово арабского происхождения عيادة „посещение (больного)“, (عود) عاد — „навещать (больного), посещать“. В современном узбекском языке это слово не применяется совершенно, даже в языке поэзии (0).

Масихо — и. с. Мессия, букв. „помазанный, помазаннык“. Происходит это арабское слово مسيح < مسيحا — „смазанный, помазанный“ от глагола مسيح — „мазать, смазывать, подмазывать“. Иисус Христос по-арабски называется عيسى المسيح „христианский“ الدين المسيحي — „христианство“. Слово, применяющееся крайне редко и только в языке поэзии (0).

Хуршид — персидско-таджикское خورشيد (или خورشيد) означает „светило (дневное), солнце“. Слово встречается в языке поэзии. В узбекском языке приобрело также значение женского и мужского имени (4).

Эди — форма третьего лица единственного числа от глагола эмоқ (см. п. 1).

Чарх — персидско-таджикское слово چرخ, означает „колесо“. Оформлено аффиксом местного падежа -да. От этого основного значения развились различные переносные значения — „маховик, круг, обод; ворот, шестерня; прядка“ и др. Наконец, значение „вращение“ привело к возникновению словосочетания چرخ فلک

„небосвод“, откуда и появилось то значение, которое имеет слово چرخ в газели — „небо, небосвод“. Слово чарх и поныне известно, особенно в терминологии (4).

Бемор — персидско-таджикское слово بیمار, означает „больной“. Применяется в узбекском языке почти столь же широко, как и его синоним касал. Этимология этого слова остается еще невыясненной. В тексте газели слово сопровождается показателем изафета -и (сочетается со словом муҳаббат) (4).

7. **Гар** — (см. п. 1 и 4).

Таъна — таджикско-персидская форма طعنه арабского слова طعن „укор, упрек, порицание“ от глагола طعن „порочить, хулить, порицать“. Находится в status constructus со следующим словом агёр. Слово применимо в современном узбекском языке как в письменной, так и в устной речи (4).

Агёр — форма арабского ломаного множественного числа اغيار от слова غير¹¹⁵ (см. файрдин, п. 4). В поэтической речи имеет значения „соперник“ и „соперники“ (как во множественном, так и в единственном числе). В современном узбекском языке не употребительно (0).

Эй — междометие „о, эй“ (4).

Дил — слово персидско-таджикского происхождения دل — синоним узбекского слова кўнгул. Означает „душа, сердце“, причем — как и слово кўнгул — с массой переносных значений и оттенков значений. В узбекском языке это слово весьма широко употребительно и дает начало большому словообразовательному ряду. Носителями языка его чужеродность почти не ощущается (3).

Ҳазар — слово арабского происхождения حذر „осторожность, бдительность, опаска“ حذر „остерегаться, беречься“. В узбекском языке это слово вместе с вспомогательным глаголом этмоқ — „делать“ добавочно приобрело значение „брезговать“, развитие которого легко выводимо и объяснимо из приведенного выше значения. Чаще применяется это слово с вспомогательными глаголами қилмоқ, этмоқ („делать“), с которыми оно и

¹¹⁵ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 777—778.

образует сложный глагол „уберегаться, брезговать“ (4).

Этсанг — форма второго лица условного наклонения глагола настояще-будущего времени глагола **этмоқ** (см. п. 5).

Олам — слово арабского происхождения عالم „свет, мир, вселенная“. Давно и прочно вошедшее в состав узбекского языка слово, имеющее развитую систему значений (в том числе и переносных). Вошло оно в состав и многих других тюркских языков (3).

Эл — «народ, люди; племя, страна». Слово общетюркское, встречается и в памятниках древнетюркской письменности. Имеет другую систему значений, фразеологических связей и иные потенциальные словообразовательные возможности, чем слово халқ — «народ, люди, страна», заимствованное из арабского языка и употребительное не менее, чем эл. Слово эл входит в состав пословиц, поговорок и многих фразеологических сочетаний. На словах эл и халқ очень удобно иллюстрировать тезис об отсутствии в языке «полных синонимов». Например, в сочетаниях эл **бўлмоқ** — «уживаться, дружить», чет элларда — «за рубежом» невозможно заменить эл словом халқ. В тексте оформлено притяжательным аффиксом третьего лица единственного числа -и и аффиксом дательно-направительного падежа -га (3).

Бўлмагил — отрицательная форма повелительного наклонения второго лица единственного числа от глагола **бўлмоқ**, основное значение которого — «быть». Значение повеления **бўлма** (основа глагола бул- + аффикс отрицания ма-) — «не будь» — несколько ослаблено оттенком просьбы, пожелания благодаря присоединению аффикса -гил. Последний имеет несколько фонетико-графических вариантов (-гин, -гин, -гил, -қин, -қил). Глагол **бўлмоқ** — слово общетюркское, очень древнего происхождения, зарегистрировано памятниками древнетюркской письменности. В тексте он употреблен как вспомогательный глагол, образующий сложный глагол **иқроп бўлмоқ**, рассматриваемый ниже (1).

Иқроп — слово арабского происхождения اقرار „признание, сознание“ < قَرَّ „признаваться“. Слово **иқроп** в узбекском языке чаще употребляется с вспомогательным глаголом **бўлмоқ**, образуя сложный глагол

Дам — таджикско-персидское слово того же корня, что и „домна, дуть, надменный“ в русском языке. Это объясняется общностью происхождения этого слова в индо-европейских языках. В таджикско-персидском означает „дыхание, дуновение, вздох“ и переносно — „миг, мгновение“. В узбекском языке слово **дам** оказалось прочно воспринятым, и в системе его значений появились разнообразные новые прямые и переносные значения. В тексте газели слово **дам** следует рассматривать вместе со следующим словом **урмоқ**. **Дам урмоқ** представляет собой созданную Надирой кальку с таджикско-персидского دم زدن — „говорить, разговаривать; дуть“, т. е. сложный глагол (2).

Урмаки — отрицательная форма повелительного наклонения второго лица единственного числа (категоричная форма), **урма** от глагола **урмоқ** — «бить, стучать» плюс суффикс -ки, рассмотренный уже в п. 2 (1).

Фош — слово таджикско-персидского происхождения فاش, означает в узбекском языке „явный, вскрытый, обнародованный“. Особенностью является его употребление только со вспомогательными глаголами: **фош қилмоқ** — „открыть, вскрыть“ и **фош бўлмоқ** — „открыться, вскрыться“ (3).

Ўлмасин — «пусть не будет» — отрицательная форма третьего лица единственного числа глагола **ўлмоқ**, являющегося вариантом глагола **бўлмоқ** (рассмотрен нами в п. 7). Вариант этот употребляется только в поэзии и ощущается как архаизм (4).

Асрор — „тайны“ — арабское ломаное множественное число سرّ اسرار — „тайна“. Слово **асрор** неупотребительно в узбекском языке. В тексте оформлено изафетом -и (0).

Литература

Рукописные произведения Надиры

- Надира. Диван. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 4182.
Надира. Диван. Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 7766.
Надира. Диван. Литературный музей, инв. № 921 (фотокопия).

Изданные произведения Надиры

- «Уч шоира» (Увайсий, Нодира, Маҳзуна), тузувчи Ўткир Рашид,
Ўзадабийнашр, Т., 1958.
Нодира (ғазал), нашрга тайёрловчи А. Қаюмов, Ўзадабийнашр,
1958.
Нодира. Девон (Ўзбек ва форс-тожик тилидаги ғазаллари), нашрга
тайёрловчи М. Қодирова, УзССР ФА нашриёти, 1963.
М. Қодирова. Нодира (Ҳаёти ва ижоди). «Фан» нашриёти, 1965.

Рукописные источники

- А т т о р. Туҳфат ут-таворих, Институт народов Азии (Ленинград-
ское отделение) Академии наук СССР, инв. № 440.
А з и з и й. Тарихи Азийий, ИВ АН УзССР, инв. № 11108.
О т а б е к. Мукамал тарихи Фарғона, ИВ АН УзССР, инв. № 5976.
В о з и ҳ. Туҳфат ул-аҳбоб фи тазкират ул-асҳоб, Литературный
музей им. Алишера Навои, инв. № 75.
И с ҳ о қ х о н. Тарихи Фарғона, ИВ АН УзССР, инв. № 10117.
Қ у н д у з и й. Таворихи манзума, ИВ АН УзССР, инв. № 597.
М у т р и б. Шоҳномаи девона Мутриб, ИВ АН УзССР, инв. № 5964.
М и р з а О л и м. Ансоби ус-салотин ва таворихи хавоқин, ИВ АН
УзССР, инв. № 1314.
Н о д и р. Ҳафт гулшан, ИВ АН УзССР, инв. № 1837.
У б а й д у л л а М у ҳ а м м а д. Хулосат ул-аҳвол, ИВ АН УзССР.
У в а й с и й. Воқеоти Муҳаммад Алихон, ИВ АН УзССР, инв. № 1837.
П. Қ а ю м о в. Қўқон тарихи ва адабиёти, ИВ АН УзССР, инв.
№ 5968.
Ҳ а к и м х о н. Мунтахаб ут-таворих, ИВ АН УзССР, инв. № 952,
594.
Ғ а р о й и б и с и по ҳ Хўқанд, ИВ АН УзССР, инв. № 5408.

Литографические издания

- И м о м қ у л и Қ у р б о н а л и. Таворихи хамсаи шарқий, ИВ АН
УзССР, инв. № 1200, Қозон, 1910.
Н и ё з м у ҳ а м м а д О ш у р. Тарихи Шаҳрухий. Қозон, 1883.
Т а р и х и а ҳ во л и Қ о з о н ва Булғор, ИВ АН УзССР, инв. № 931.

- М. Алавия. Нодира. «Ўзбекистон хотин-қизлари», журн., 1957, № 4.
- С. Айний. Нодира. «Намунаи адабиёти тоҷик», 1926.
- В. Зоҳидов. «XVIII аср охири ва XIX аср аввалидаги адабий муҳитга бир назар», Ўзбек адабиёти тарихидан, ЎзССР бадий адабиёт нашриёти, Т., 1961, стр. 171—195.
- Ҳ. Зуннун. Шоира Нодирахоним. «Ўқитувчилар газ.», 17 май 1946.
- Т. Жалолов. Ўзбек шоирлари. ЎзССР бадий адабиёт нашриёти, 1959.
- Лутфулла Олим. Нодира. «Билим ўчоғи» журн., 1923, № 2—3.
- Тожи Усмон. Бисту се адиба. Душанба. 1958.
- Уткир Рашид. Нодира. «Ерқин ҳаёт» журнали, 1940, № 4.
- Уткир Рашид. Уч машҳур шоира. «Шарқ Юлдузи» журнали, 1957, № 4.
- А. Қаямов. Нодира. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журнали, 1958, № 1.
- А. Қаямов. Қўқон адабий муҳити. ЎзССР ФА нашриёти, 1961.
- Абдуллаев В. А. Ўзбек адабиёти тарихи. «Ўқитувчи» нашриёти, 1964, стр. 318—330.
- М. Қодирова. Нодиранинг янги топилган тожикча девони. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1959, № 2.
- М. Қодирова. Девони тоҷикии наветшудан Нодира. «Ўзбекистони сурх» газетаси, 18 март, 1959.
- М. Қодирова. Нодира биографиясининг баъзи масалаларига доир. «Ўзбекистон маданияти», 17 июнь 1959.
- М. Қодирова. Нодира ижоди ва ҳаёти. «Шарқ Юлдузи», 1959, № 11.
- М. Қодирова. Шоира Нодира. «Гулхан», 1960, № 3.
- М. Қодирова. Нодиранинг тожик тилидаги шеърлари. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1960, № 5.
- М. Кадырова. Поэтесса Надира. «Звезда Востока», 1962, № 5.
- М. Қодирова. Нодиранинг янги ўзбекча девони топилди. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1963, № 4.
- М. Кадырова. Свет во мгле. «Комсомолец Узбекистана», 25 январь 1964.
- М. Қодирова. Нодира. «Ўзбекистон хотин-қизлари», 1964, № 3.
- М. Қодирова. Навоий ва Нодира. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1964, № 5.
- М. Қодирова. Таъсири Бедил ва эҳодиёти Нодира. «Ҳақиқати Ўзбекистон», 4 апрель 1965.
- М. Қодирова. Маърифатларвар шоира. «Совет Ўзбекистони», 30 декабрь 1966.
- Ўзбек адабиёти тарихи хрестоматияси. Тошкент, 1945.
- Ўзбек адабиёти хрестоматияси, т. II, 1948.
- Ўзбек поэзияси антологияси. 1948.
- Ўзбек адабиёти, т. III. 1959.

Оглавление

От редактора	3
Надира и ее эпоха	6
Диваны стихов Надиры	56
Лирическая поэзия Надиры	67
Последние годы жизни	112
Вечно живая	120
Заключение	128
Газели	131
Лексико-грамматический анализ стихотворений Надиры с комментарием	168
Литература	185

Кадырова М.

Надира. Очерк жизни и творчества. (Отв. ред.
канд. филол. наук доцент С. Н. Иванов). Т.,
«Фан», 1967.

стр 1 л. портр. (Акад. наук УзССР.
Музей лит-ры им. А. Навои). Тираж 3000

1. Надира, о ней.

8Уз1

М. Кадырова

НАДИРА

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Редактор *Л. Израецкая*
Технический редактор *Р. Рузиева*
Корректор *Н. П. Ялымычева*

Р10984. Сдано в набор 18/VIII-1967 г. Подписано к
печати 20/XII-1967 г. Формат 84×108¹/₃₂—2,93 бум. л.
9,87 печ. л. Уч.-изд. л. 9,0 (1 вкл.) Изд. № 2284.
Тираж 3000. Цена 95 к. Заказ 275.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент,
ул. Черданцева, 21.
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.